

ОГОНЁК

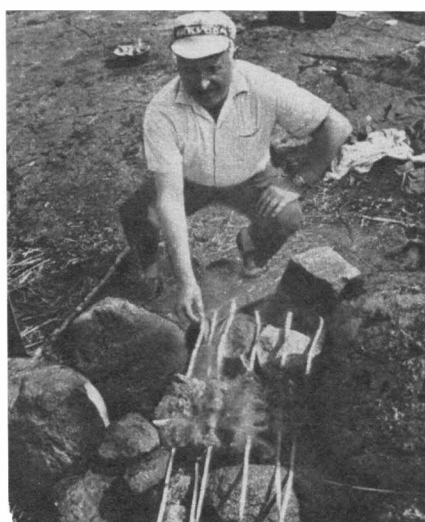
№ 32 АВГУСТ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

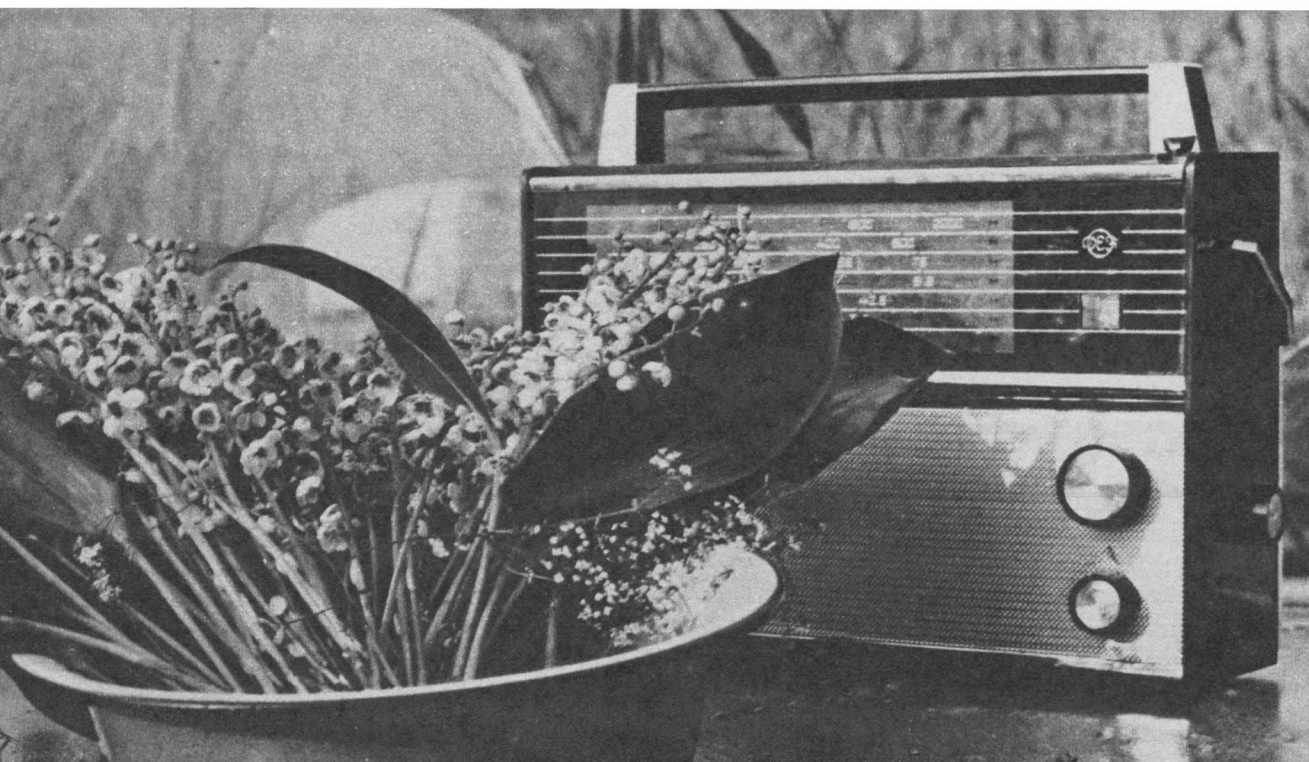
Флотилия приозерцев ждет субботу...

Солнце, воздух и вода...

Жрец шампура.

Кому цветы...

Кому песни...

Фото Бориса КУЗЬМИНА.

В

згляните на карту: от самой финской границы до Ладожского озера причудливым узором бежит красавица Вуокса. И по всему ее руслу, словно на голубой нити, нанизаны бусы озер и бирюзовых островов. Эти зелено-голубые просторы так и называются: Вуоксинская водная система.

Здесь множество живописных островов, больших и малых, покрытых хвойными и лиственными лесами. На многих из них вековые гранитные скалы, валуны. Они-то и создают милое своеобразие этого края. Вот почему сюда ежегодно в пору лета устремляются на отдых тысячи туристов, и прежде всего ленинградцы, гости из Архангельска и Норильска, а там и из Москвы, из Свердловска, Вологды и Новгорода и даже из Молдавии и других южных мест. Ведь только на Приозерской туристской базе ВЦСПС, что на утопающем в зелени острове Яркое, в летние месяцы побывает до семи тысяч человек, влюбленных в водный туризм, в чудесную природу Карельского перешейка.

И, уж конечно, любят свои родные места жители Приозерска — небольшого городка, что у самого берега буйного Ладожского озера. На просторы Вуоксы они выезжают каждый выходной день. Выезжают, как правило, семьями. На пригородных катерах или на собственных моторных и гребных лодках — их здесь великое множество, говорят, что-то около девяти сот, и самых разных конструкций! Большая лодочная флотилия «приписана» и к лодочной станции ДОСААФ целлюлозного завода — флагмана приозерской промышленности. А рабочие и служащие завода умеют хорошо работать и хорошо отдыхать.

...Итак, наступил субботний день. Уже рано утром пустеют причалы на лодочной станции. Июнь да июль — пора белых ночей, и приозерцы устремляются по водной глади в места, давно уже облюбованные. И обступает людей мир тишины, тихих всплесков, полный очарования и таинства, мир, воспе-тый Пушкиным:

...И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменит другую
Спешит, дав ночи полчаса.

А как приятно в такие волшебные ночи посидеть у костра, даже книгу почитать (только бы ни одного транзистора рядом!) в ожидании наваристой ухи, припахивающей дымком! В этом ожидании тоже есть и романтика и прелесть отдыха.

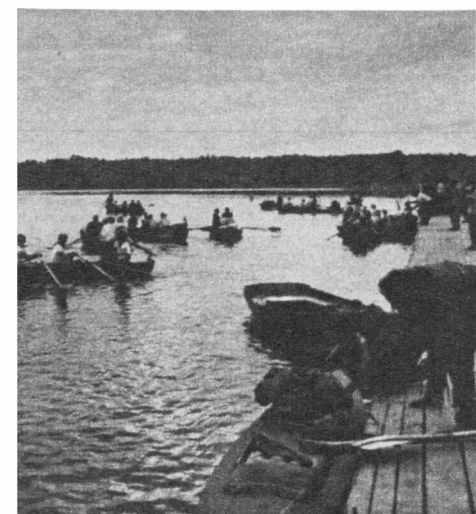
Очевидно, такое чувство не раз испытали и вот эти парни и девушки с целлюлозного завода. Как всегда, в субботний день они выехали на просторы Вуоксы, на ее сказочные острова. Выехали, прихватив удочки и спиннинги, гитары и шахматы, теннисные ракетки и волейбольные мячи... Николай Патрин, слесарь цеха контрольно-измерительных приборов, — любитель живописи. Он захватил этюдник, чтобы в считанные минуты вечерней или утренней зари написать маслом новый пейзаж. А вот у Галины Зайцевой, оператора машинносчетного бюро, самое сильное увлечение — спортивные игры. Она любит волейбол, теннис и бадминтон.

А ночью... Белой ночью приятно окунуться в глубины озера, нарушить серебристую его гладь. И вода в такие часы кажется теплой, как в Черном море. И снова утро! Среди юношей и девушек есть и затейники, музыканты, и плясуны лихие, и певцы. И нередко звучат над притихшими дальними девичьи песни.

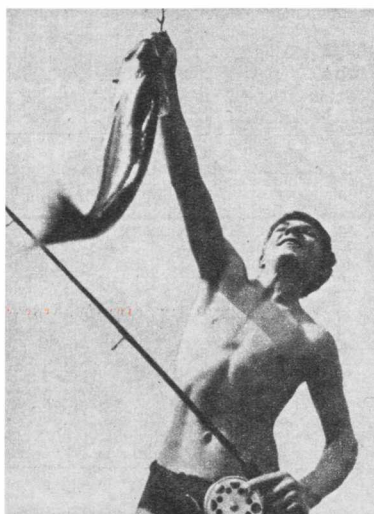
Приезжайте на берега Вуоксы-реки!..

П. ТЕРЕШКОВ,
заместитель редактора районной
газеты «Красная звезда»

НА ВУОКСЕ, НА РЕКЕ...

Из-за острова на стрежень...

Рекорд дня!..

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Эта фотография сделана в аудитории Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова в 9 часов утра 1 августа.

...Первый день последнего месяца лета всегда бывает радостным и тревожным: начинаются приемные экзамены в институты и техникумы страны. Первый шаг молодого человека на избранном им пути... Удачным ли будет этот шаг, сможет ли успешно выдержать экзамены, стать студентом?

Если учесть, что в нынешнем году более чем в пять тысяч вузов и техникумов СССР будет принято на дневные и вечерние отделения свыше двух миллионов студентов и у каждого из них есть родные, друзья, знакомые, переживающие вместе с ними тревогу поры экзаменов, то можно уверенно сказать: сегодня волнуются миллионы людей.

...В аудитории уже все готово, разложены папки с вариантами задач, и в удивительной для студенческой аудитории тишине ее заполняют молодые претенденты на звание инженера-химика. Начинается письменный экзамен по математике...

Я покинул зал, чтобы задать ректору института, доктору технических наук, профессору В. И. Ксензенко только один вопрос: чем отличаются приемные экзамены нынешнего года от предыдущих?

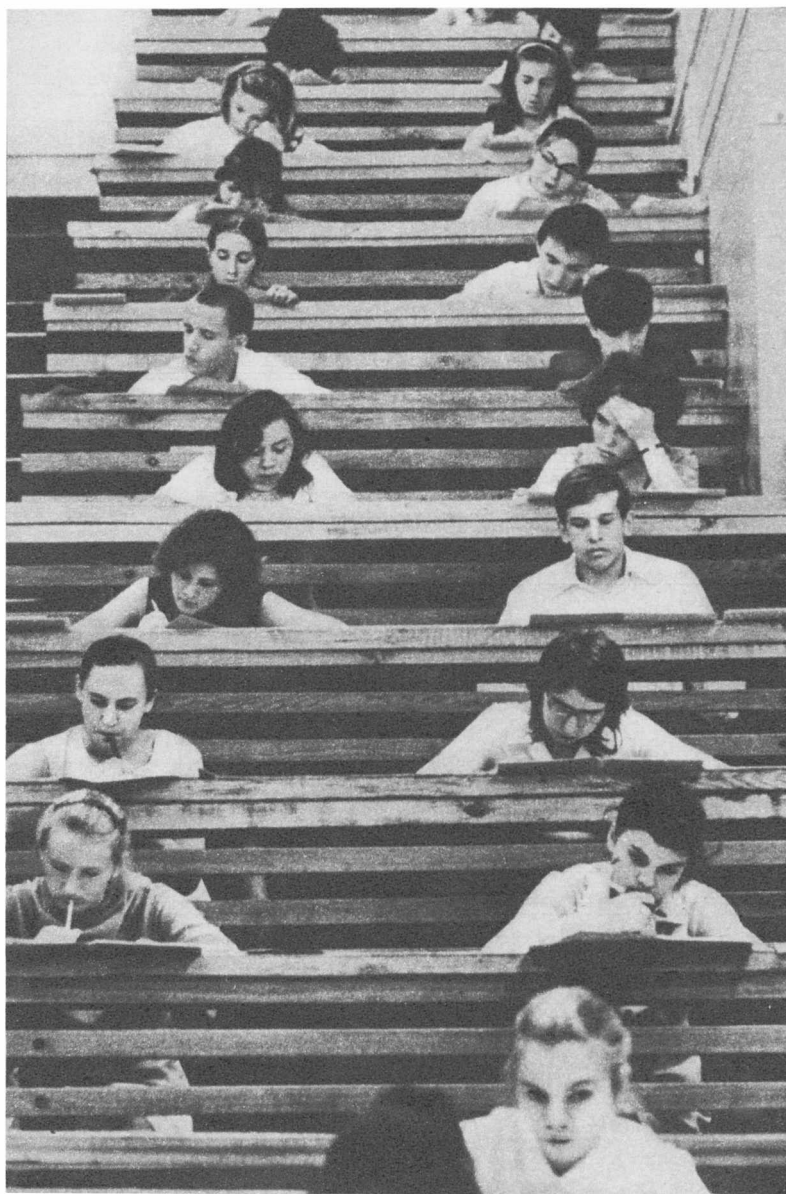
— Прежде всего тем, — отвечает ректор, — что буквально накануне этого дня опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране». В постановлении содержатся важные положения, отвечающие на многие вопросы, волнующие преподава-

тельский состав и студентов. Нас, например, очень радует возможность широко привлекать крупных ученых, ведущих специалистов народного хозяйства к руководству дипломным проектированием и производственной практикой студентов, научно-исследовательской работой. Для нас это имеет большое значение потому, что мы готовим инженеров, способных вести научно-исследовательскую работу. Кроме практики на заводах, наши студенты проходят ее и в научно-исследовательских институтах. И не случайно поэтому около 80 процентов из них идут потом в научно-исследовательские институты. Партия и правительство уделяют большое внимание обновлению оборудования и техническому перевооружению вузов. В нынешнем году мы вводим в строй учебно-научный вычислительный центр, в котором студенты смогут самостоятельно работать. Для нашего института характерно и то, что будущие инженеры занимаются научной работой по индивидуальным планам.

В этом году в наш институт будет принято около пятисот человек. Но хочется отметить одну особенность: первое августа не для всех день волнений. Более восьмидесяти уже зачислены — это выпускники нашего рабфака, успешно сдавшие экзамены за подготовительное отделение, явившиеся для них, по существу, экзаменами приемными. Радостно, что эти студенты крепко связывают наш институт с производством...

Но, как вы видели, экзамены идут. И нам остается только пожелать всем абитуриентам успешно преодолеть этот рубеж.

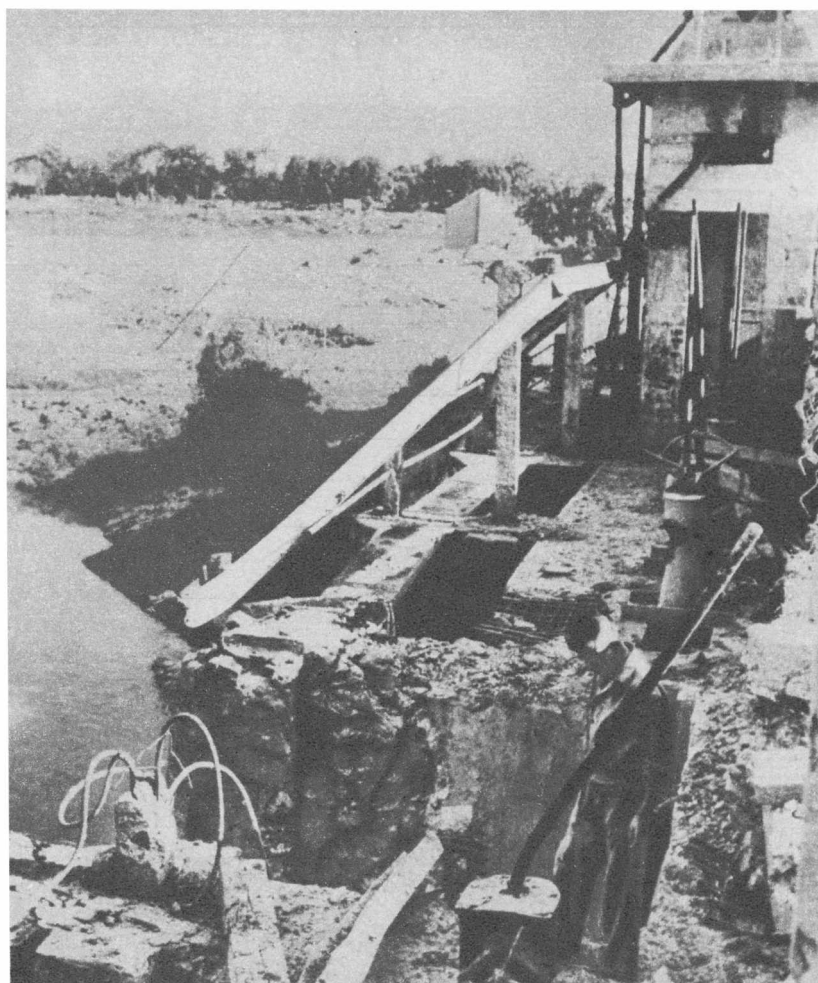
Ю. КРИВОНОСОВ.
Фото автора.

ВЬЕТ

Нежная зелень рисовых полей, голубое небо, отраженное в зеркале вод, силуэты крестьян, работающих на рисовых плантациях, — так выглядит обычный вьетнамский пейзаж. Его основные цвета: зеленый — цвет полей и голубой — неба и воды. Сегодня их вытеснили черный и красный — цвета дыма и пожаров. Война продолжает терзать землю Вьетнама. С невиданной жестокостью ее ведут американские агрессоры. На карте страны невозможно отыскать населенный пункт или провинцию, которые не подвергались бы бомбардировкам авиации США или обстрелу американских военных кораблей. Во Вьетнаме нет семьи, где бы никто не

Шлюз в провинции Намха неоднократно подвергался бомбардировкам.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля 1923 года

№ 32 (2353)

5 АВГУСТА 1972

ПРИМЕР, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

ОТВЕТЫ МИНИСТРА

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АРЕ

МУРАДА ГАЛЕБА

НА ВОПРОСЫ

ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Вопрос. Что бы вы могли сказать о дружественных отношениях между нашими странами и перспективах советско-египетского сотрудничества в связи с 20-й годовщиной июльской революции 1952 года?

Ответ. Революция 23 июля 1952 года положила начало дружбе, объединившей народы Египта и Советского Союза, и заложила основы этой дружбы, открыв перед ней широкие горизонты во всех областях сотрудничества между двумя странами. Было совершенно естественно то, что оба государства имели общность во взглядах относительно принципов и действий, а также политики, как внутренней, так и внешней. Египетская революция встретила с социалистическим лагерем во главе с Советским Союзом на пути борьбы против колониализма и империализма во всех их проявлениях. Советский Союз всегда занимал благородную позицию на стороне Египта против израильской и империалистической агрессии 1956 года, а также против израильской империалистической агрессии 1967 года. После этих агрессий Советский Союз оказывал эффективную материальную помощь в деле экономического и военного строительства в Египте.

Он также оказывал политическую поддержку справедливым позициям Египта и арабских стран во всех областях. Я не погрешу против истины, если скажу, что советско-египетское сотрудничество продолжает приносить пользу не только нашим народам, но и является полезным для других народов. Мы вместе стоим на стороне мирового освободительного движения против колониализма и империализма, поддерживаем национально-освободительные движения и стремимся к установлению справедливого мира и конструктивного международного сотрудничества.

Наилучшим проявлением дружественных отношений между двумя странами являются грандиозные сооружения, построенные в Египте при участии Советского Союза, чем были заложены основы экономической независимости и создана тяжелая промышленность в стране.

Достоин упоминания то, что высотная плотина стала символом этой дружбы и живым примером созидательного сотрудничества между на-

шими странами и народами. Вслед за этим можно указать на Хелуанский металлургический комплекс, фосфорный комплекс, алюминиевый завод, Александрийскую судовой верфь, проект электрификации села, проект освоения 200 тысяч федданов земли и др.

Договор о дружбе и сотрудничестве между Египтом и Советским Союзом явился подтверждением принципов честной дружбы и тесного сотрудничества, которые установились между нами, благодаря чему мы смогли увеличить нашу мощь, необходимую для освобождения наших земель и ликвидации последствий израильской агрессии.

Коротко я могу сказать, что наша дружба является примером, достойным подражания в области отношений, которые могут быть между великой державой и развивающейся страной на основе принципов равенства, взаимного уважения, суверенитета, невмешательства во внутренние дела и стремления к установлению международного общества без эксплуатации.

Вопрос. Долгое время вы были послом АРЕ в Советском Союзе. Каковы ваши впечатления о нашей стране и советском народе?

Ответ. Наверное, вам известно, что я в течение десяти лет непрерывно был послом Египта в Советском Союзе. В течение этого времени я смог узнать советский народ, понять его величие и грандиозные достижения, осуществленные им. Я близко познакомился с различными сторонами культурной жизни советского народа, являющейся плодом его усилий, его мыслей и продолжением его глубокого культурного наследия.

Советский народ, каким я узнал его, имеет такие черты, которые достойны великого народа. Это благородный народ, обладающий высокой нравственностью и всегда готовый прийти на помощь тому, против кого совершена несправедливость или агрессия. То, что смог осуществить советский народ в области строительства, промышленности, экономики, культуры и искусства, является само по себе чудом и в то же время ярким свидетельством созидательной мощи этого народа. Его могучая воля стала примером для развивающихся стран.

НАМ СРАЖАЕТСЯ

погиб от руки американских варваров, которые не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков. Агрессоры систематически бомбят густонаселенные районы, дамбы и плотины, превращают в руины школы, госпитали.

За три с лишним месяца самолеты США провели 4 987 атак на Северный Вьетнам. Пентагон применяет против ДРВ самое современное оружие, самые изощренные методы уничтожения всего живого.

Агрессоры травят химическими веществами посевы, выжигают целые деревни, разрушают ирригационные сооружения, осуществляют чудовищные планы «метеорологической» войны.

Их ярость свидетельствует о

бессилии добиться военной победы во Вьетнаме. Народ ДРВ стойко и мужественно отражает атаки врага, защищая свою родину. Граждане республики полны решимости продолжать справедливую борьбу за свободу и независимость. В этой борьбе на стороне героического Вьетнама — Советский Союз, другие социалистические страны, все прогрессивное человечество.

Проходящий в Советском Союзе месячник советско-вьетнамской дружбы и солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии США свидетельствует, что советские люди решительно поддерживают правое дело Вьетнама.

Зенитный расчет бойцов ПВО
на боевом посту.

СТУПЕНИ ПРОГРЕССА

Роман ПЕТРОВ

XX век, век Великой Октябрьской социалистической революции, социалистических и национально-освободительных революций, век бурного развития науки и техники, неудержимо врывается во все, даже самые отдаленные, уголки нашей планеты. Еще совсем недавно погруженные в глубокий сон средневековья, задавленные гнетом колониализма народы пробудились к активной общественно-политической жизни. Освобождаясь от империалистического и колониального угнетения, они утверждают свою национальную самостоятельность, стремятся ускоренным темпом пройти этапы общественного и экономического развития, на самых нижних ступенях которого их удерживали колонизаторы.

После окончания второй мировой войны, когда антифашистские силы во главе с Советским Союзом разгромили гитлеровскую Германию, заря свободы пришла на Арабский Восток. Сначала Сирия и Ливан, затем Египет, Ирак, Алжир, другие арабские страны добились полной политической независимости. Сегодня уже восемнадцать суверенных государств образуют стомиллионное сообщество арабов. Неодинакова степень их экономического и социального развития. До сих пор в некоторых арабских странах еще сохраняется почти поголовная неграмотность населения, полное бесправие женщины. Имеются существенные различия в государственном устройстве арабских стран, разнообразны национальные особенности, местные традиции. Однако общим для арабских народов является стремление освободиться от остатков зависимости от империализма, покончить с вековой отсталостью и идти в ногу со временем.

Как этого добиться, каким путем развивать национальную экономику, на какие внутренние и внешние силы опереться, чтобы разрешить насущные задачи самостоятельного развития?

Выдающийся сын египетского народа и лидер арабского национально-освободительного движения Гамаль Абдель Насер своей неутомимой творческой деятельностью на благо национальной свободы и социального прогресса арабов дал ответ на многие вопросы антиимпериалистической борьбы, общественного и социального развития. На основе изучения революционного наследия и опыта других народов, в особенности Советского Союза, вождем египетской революции на практике освободительной борьбы своего народа против империализма пришел к заключению о необходимости сочетать национально-освободительную и социальную революции. Обогащение июльской революции 1952 года в Египте социальным содержанием позволило ей поднять страну на более высокий этап социального прогресса. Под руководством Гамала Абделя Насера она приобрела социалистическую направленность. Ныне в Египте создан сильный государственный сектор экономики, который охватывает 85 процентов средств производства в промышленности. Ограничено влияние феодалов и крупной буржуазии. Растет политическая роль трудовых слоев населения.

Другой огромной заслугой вожда египетской революции является установление отношений дружбы и сотрудничества с социалистическими государствами, прежде всего с Советским Союзом, который внес огромный вклад в отстаивание Египтом своей политической независимости и строительство самостоятельной национальной экономики.

Однако Египет ныне уже не является единственной в арабском мире страной, вступившей на некапиталистический путь развития. Сирия, Ирак, Алжир, Народная Демократическая Республика Йемен в духе потребностей эпохи быстрыми темпами продвигаются по пути национальной независимости и социального прогресса. В передовых арабских странах осуществляются аграрные преобразования в интересах крестьянства. Промышленное развитие все более освобождается от оков капиталистической эксплуатации. Создан и развивается общественный сектор национальной экономики, который с каждым годом пополняется все новыми и новыми промышленными предприятиями, принадлежащими государству. Этот сектор составит основу будущих социалистических производственных отношений.

Для общественно-политической жизни этих стран характерно повышение роли трудящихся, сплоченности всех антиимпериалистических сил. В Сирии и Ираке складываются и крепнут национальные фронты прогрессивных сил при участии компартий. Более 50 процентов мест в выборных государственных и других органах власти отводятся представителям рабочих и крестьян. Правящие революционно-демократические партии и организации в Египте, Сирии, Ираке, Алжире, НДРЙ установили партийные связи с КПСС, стремятся изучить и использовать ее опыт в строительстве новой жизни.

Враги национальной независимости и прогресса арабских народов — империализм, неоколониализм пытаются воздвигнуть преграды на пути прогрессивного развития арабских народов. Они используют империалистическую агрессию Израиля, чтобы подорвать прогрессивные арабские режимы. С помощью разного рода идеологических диверсий, клеветнических измышлений империалисты и реакционеры пытаются нарушить арабо-советскую дружбу. Сложность общественно-политических процессов в условиях продолжающейся агрессии Израиля и необходимость продолжать решение задач экономического и социального развития нередко находят выражение в нарастающей внутривнутриполитических трудностей в арабских странах. Реакция пользуется этим, чтобы попытаться изменить курс развития. Нередки попытки возродить узконационалистические лозунги, религиозный экстремизм, антикоммунизм.

Однако здоровые патриотические силы в арабском мире дают отпор проидам враждебных кругов, продолжают избранный прогрессивный курс, линию дружбы с Советским Союзом. Как заявил на днях председатель Общества советско-арабской дружбы, заместитель премьер-министра Египта Мухаммед Абдель Салам эз-Зайят, «египетский народ всегда высоко ценил и ценит дружеские чувства и помощь, которую советский народ оказывает его борьбе против империализма и агрессии, строительству экономики и укреплению египетских вооруженных сил».

Массовые рабочие демонстрации охватили всю Англию. Трудящиеся выражают солидарность с борьбой dockers.

ДВА ФРОНТА ТОРИ

Весь период правления в Англии консервативного правительства сопровождается потрясениями — экономическими и политическими. Но, пожалуй, особенно острыми проблемами являются положение британских трудящихся и колониалистская война тори против мирного населения Ольстера. И та и другая проблемы достигли наивысшего накала на прошлой неделе. Как же развивались события?

Консервативное правительство принимает новый антирабочий закон. Он вызывает возмущение всей трудовой Англии. Первыми начинают забастовку dockers лондонского порта. Их поддерживают dockers Манчестера, Глазго, Ливерпуля. Правительство арестовывает лидеров забастовки, вводя таким образом в действие новый закон. Начинаются волнения рабочих по всей Англии. Газета «Санди таймс» панически сообщает, что создавшееся положение в Англии представляет угрозу не только для консерваторов, но и для всего социального и экономического уклада страны.

Всеобщая забастовка охватила полиграфическую промышленность, машиностроение, шахты, водителей грузовиков и служащих лондонского аэропорта. Солидарность с английскими dockers выразили портовики Франции, Голландии и других стран, которые отказались разгружать английские корабли. 26 июля пять арестованных лидеров забастовки dockers были выпущены властями на свободу...

А в эти же дни продолжала гореть под ногами английского солдата земля Ольстера. Взрывы, артиллерийский и пулеметный огонь, танковые подразделения на улицах городов Северной Ирландии. Пожары, взрывы, расстрелы и аресты. По приказу лондонских тори началась новая волна террора против тех, кто требует мира и свободы, социальной справедливости.

На прошлой неделе состоялось экстренное заседание британского парламента. Депутаты обсуждали действия тори, которые создали два взрывоопасных фронта. Они отмечали тупик этой политики и ту угрозу дальнейших потрясений, которые ожидают Англию.

А. САЗОНОВ

Так выглядят улицы Дерри после очередной операции «наведения порядка» английскими войсками. Фото ЮПИ.

ФИНИШ ПОД ПОКРОВОМ ВЕНЕРЫ

РЕПОРТАЖ ИЗ ЦЕНТРА ДАЛЬНЕЙ КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

14 часов 22 июля. Зал заседаний оперативно-технического руководства переполнен. Всего лишь сорок минут назад спускаемый аппарат станции «Венера-8» подал последний сигнал с поверхности планеты.

Все. Работа завершена. Понадобилось совсем немного времени, чтобы установить доподлинность и основные детали длинной цепи событий, которые только что произошли там, за 65 миллионов километров от нас.

И вот уже руководитель научной программы экспериментов доктор физико-математических наук М. Маров, приколов к доске большие листы миллиметровки, берет в руки указку и приступает к докладу...

...Эксперимент этот продолжался 117 дней, то есть с 27 марта, когда автоматическая межпланетная станция «Венера-8» стартовала с Земли. Однако можно, не греша против истины, сказать, что он продолжается уже несколько лет, с тех пор, как начались полеты наших станций к Венере. Первые полеты к Венере носили скорее поисковый характер, чем исследовательский. Так, при запуске станции «Венера-1» в феврале 1961 года был впервые применен новый принцип выведения космических аппаратов на межпланетную траекторию — старт с орбиты искусственного спутника Земли. Уже тогда было ясно: пройдет немного времени, и к Венере полетят аппараты с конкретными научными задачами: долететь до планеты и провести исследование именно там, на месте. И вот в октябре 1967 года спускаемый аппарат станции «Венера-4» вошел в атмосферу планеты. Впервые были получены результаты прямых измерений температуры, давления, плотности и химического состава венерианской атмосферы. В мае 1969 года сразу две станции — «Венера-5» и «Венера-6» — опустились над двумя различными районами планеты и прозондировали атмосферу до высоты 20 километров над поверхностью. Декабрь 1970 года. «Венера-7» — посадка на поверхность и работа на ней в течение 23 минут.

Естественно, что с каждым очередным экспериментом, с появлением новых научных данных возникали, как и положено, новые

вопросы. Конечно же, впереди еще много полетов к Венере, и на сегодня приходится ограничиваться теми вопросами, которые представляют первоочередной интерес. В нынешнем полете было интересно выяснить, чем и как отличаются условия на дневной и ночной сторонах планеты.

Предшественницы венерианской станции под номером «восемь» входили в атмосферу и зондировали ее над не освещенной Солнцем стороной планеты. Орбита самой Венеры значительно ближе к Солнцу, чем орбита нашей планеты. Казалось бы, сильнее разогреваемая им, Венера должна иметь большой перепад температур между «днем» и «ночью». Так нет же. Радиоастрономические измерения и теоретические расчеты говорят об обратном: разницы в температуре и давлении, по крайней мере у поверхности, почти нет. И если эксперимент подтвердил бы это, то, значит, атмосфера Венеры обладает огромной теплоемкостью и в ней происходят интенсивные процессы перемешивания газа. Еще один важный момент. Что значит измерять освещенность? Это — узнать, насколько и как проникает солнечный свет сквозь мощную броню венерианской атмосферы. Если излучение проникает до поверхности, то, следовательно, отражаясь от нее уже в виде инфракрасных лучей, оно «застревает» в атмосфере и нагревает ее. Такова сущность гипотезы «парникового эффекта».

Если бы было установлено, что солнечный свет гибнет в самой атмосфере и не доходит до поверхности, то, стало быть, «работает» другая гипотеза: разогрев атмосферы происходит за счет ее собственных глубинных циркуляционных процессов.

До полета «Венеры-8» не было также совершенно никаких сведений о природе поверхности планеты. Было лишь известно, что рельеф очень неровный, есть большие перепады высот, что грунт достаточно твердый (во всяком случае, грунт этот выдержал спускаемый аппарат «Венеры-7»).

За ответами на эти вопросы и отправилась к Венере наша станция. Отправилась с намерением совершить посадку на освещенную сторону планеты.

Взгляните в бинокль на небо утром или в сумерки. Туда, где недалеко от восходящего или погружающегося за горизонт Солнца висит маленький и яркий серпик. Это — Венера; тонкая полоска, освещенная Солнцем, — ее дневная сторона. Ночное полушарие, естественно, не видно, оно значительно больше по площади. Полтора года назад при посадке спускаемого аппарата станции «Венера-7» на ночную сторону планеты расчетный угол его входа в атмосферу был около 75 градусов. Сейчас — около 35. Небольшое отклонение — и аппарат либо отразится рикошетом от плотного покрова атмосферы и улетит в неизвестность, либо, наоборот, вонзится в атмосферу с нерасчетными для данного полета перегрузками и сгорит. Стало быть, точность и еще раз точность! И при такой сложной задаче последняя из запланированных двух коррекций траектории была отменена — станция летела исключительно точно с первых дней своего полета. Но вернемся к событиям 22 июля.

За 1 час 52 минуты до расчетного времени посадки произошло автоматическое отделение спускаемого аппарата от орбитального отсека. Теперь все внимание — спускаемому аппарату. Любопытно, что буквально перед самым отделением радиометр станции, прибор, исследующий солнечное корпускулярное излучение, зарегистрировал резкий скачок интенсивности излучения. Вспышка! Мне это показалось символическим. Солнце как бы салютовало «Венере-8» и желало ей успеха перед самым ответственным моментом.

В 11 часов 32 минуты московского времени по службам Центра дальней космической связи донеслось: «Внимание! До входа аппарата в атмосферу осталось пять минут. Всем занять свои места». Вспоминаю, как вечером предыдущего дня заместитель Главного конструктора рассказывал о том, как он по сей день не может спокойно наблюдать заводские испытания автоматических станций. «Взять хотя бы вибростенд, — говорил он. — Изделие водружают на платформу, и начинается эта тряска. Ведь, кажется, знаю, все должно выдержать, все рассчитано, но тем не менее каждый раз диву даюсь, как машина не раз-

летается на куски. А ведь именно в такие условия она попадает, когда вонзается в атмосферу. Скорость-то вторая космическая! Одни только линейные перегрузки более трехсот единиц. Вы представляете себе, какие мы делаем машины!»

Новое сообщение: «В 11 часов 38 минут 2 секунды начался прием сигналов со спускаемого аппарата». Аппарат уже снижался на парашюте... «По данным телеметрии, температура в спускаемом аппарате минус 12 градусов». Аппарат пронзает раскаленную толщу атмосферы, поэтому он заранее охлажден. Ему предстоит снижаться в течение часа и почти столько же работать на поверхности. Сейчас прежде всего температурные условия решат, как будет работать спускаемый аппарат. По мере снижения температура и давление снаружи аппарата растут, нагревая его корпус и приборы.

Четко работает высотомер. Результаты измерений поступают в строгой «привязке» к его показаниям.

Наконец раздается: «Есть касание!» Спускаемый аппарат — на поверхности Венеры. Из него выбрасывается антенна. Началась передача научной информации. Проводится исследование поверхностного слоя грунта.

Температура в корпусе спускаемого аппарата растет, кончается расчетное время его работы на поверхности. Но сигналы с «Венеры-8» по-прежнему четки. И вот, спустя 50 минут после посадки, из динамиков раздается: «Сигнал пропал! Программа работы станции «Венера-8» полностью выполнена!»

А потом было то самое заседание оперативно-технического руководства, с которого начался наш рассказ. Выступали ученые, выступали руководители эксперимента. Было торжественно и в то же время как-то привычно. Они просто сделали все, как полагалось, так, как они всегда привыкли это делать, и знали, что завтра снова сядут за рабочие столы.

Ну, а Венера? А Венера пока раскрыла отнюдь не многое из своих тайн. Основные открытия еще впереди.

В. ЛЕВСКИЙ

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ
К БИОГРАФИИ

1944 год. Комплект «Огонька»... Страницы, пропахшие пороховым дымом, наполненные гулом напряженной работы тыла. «Все для фронта, все для победы!» — наверное, не было тогда в стране колхоза или цеха, где бы не висел этот лозунг. Многонациональное наше Отечество третий год сражалось за свою свободу и независимость. В «Огоньке» №№ 48—49 одна из страниц была посвящена московскому автозаводу. Худые лица рабочих; грузовики такой уже старой, но прославленной марки; молодые лица конструкторов... И крупным планом — шина как символ трудных дорог, по которым идти и идти еще рабочему коллективу...

Н. БЫКОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

И вот еду на сегодняшний ЗИЛ. Не два, как тогда, в 1944 году, а четыре ордена теперь на заводском знамени. Совсем не похожи его автомобили на те, прежние. А о такой продукции, как холодильник «ЗИЛ», в сорок четвертом никто и не слыхивал... И даже шины не те — иной рисунок, иная прочность, новая формовка. Сменились поколения рабочих, а из трех конструкторов, сфотографированных в 1944 году, на заводе работает один, Георгий Александрович Феста. Теперь он заместитель главного конструктора...

Четыре ордена на знамени завода — этапы большого пути. Маштабы нынешнего ЗИЛа могли разве что лишь присниться тем, кто ковал в ледяных цехах сорок четвертого победу нашей Родины.

Впрочем, характер у автозаводцев прежний: перевыполнение планов — закон! «Огонек» в 1944 году сообщал: «Десятимесячную программу завод закончил досрочно — 5 октября». Нынче во всех многочисленных цехах встре-

чается один лозунг: «План второго года пятилетки — к 27 декабря!». Темп набран еще в самом начале девятой пятилетки. В одном 1971 году зиловцы дали сверхплановой продукции почти на 27 миллионов рублей — тысячи «лишних» грузовых автомобилей, холодильников и запчастей!

Еще одна константа: национальный состав. Рабочие, служащие, техники, инженеры, конструкторы — среди них люди свыше пятидесяти национальностей! Семья дружная, работающая.

— Интернациональный сплав! — подсказал мой собеседник.

С Василием Ивановичем Дроновым меня познакомили в заводке. Человек третьей молодости, Василий Иванович подвижен, скор на ногу, все и всех помнит. О чем бы ни заговорили, он всему сразу дает свою оценку, все уточнит, подкрепит одним-единственным фактом, но обязательно эпохального звучания. От него я узнал и об истории четырех орденов, и о первых заводских комсомоль-

цах, и подробности характера тогдашнего директора, ныне покойного Ивана Алексеевича Лихачева, и о народном оперном театре... Это он, Дронов, уточнил: «В заводской семье люди свыше пятидесяти национальностей».

— Знаете, сколько автомобилей было выпущено в двадцать четвертом году? — спросил меня председатель совета мастеров Дронов. — Десять. Десять штук... С этого начинали.

Василий Иванович Дронов — живая история завода. Впервые он здесь появился в дни второй реконструкции, когда была поставлена задача довести годовой выпуск автомобилей до восьмидесяти тысяч, — то был 1935 год. Но и через два года только-только поднялись к отметке шестьдесят тысяч... А тут скоро и война: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Шестнадцать тысяч автозаводцев получили повестки из военкоматов: «Явиться...» Шестнадцать тысяч... Завод начал спешно эвакуироваться; потянулись эшелоны с демонтированным оборудованием в Ульяновск, в Миасс, в Шадринск...

— Гитлеровцы рвались к Москве. Забыть октябрь сорок первого? Нельзя. — Василий Иванович вспоминает, как страшны были молчание, обезлюдевшие цехи, неработающее железо... Но таких мертвых было дня четыре, не больше. Иван Алексеевич Лихачев собрал кого можно было и бро-

сил клич: «Завод — тот же фронт!» Стали за станки, кадровые рабочие приводили с собой старших детей...

Автозаводцы в считанные дни наладили нехитрое производство мин и минометов, снарядов и автоматов. К концу 1941 года после первого сокрушительного удара по фашистам поступили трофейные машины и танки — их ремонтировали, чтобы потом бить врага его же оружием.

— С завода практически не уходили, — продолжает Дронов. — Недоедали, недосыпали... Кормились горелой пшеницей да турнепсом, работали и по шестнадцать часов; бывали случаи, когда человек, свалившись в голодной дремоте, больше не поднимался... Были и прорывные участки, туда ставили комсомольцев. Лихачев обращался обычно к ним для «расшивки узких мест»...

И вот исторический день 6 января 1942 года — принято решение о восстановлении моторного и автомобильного производства. Полетели телеграммы вдогонку эшелонам, ушедшим на восток, — часть станочного оборудования успели вернуть с долгой дороги. По существу, завод строился заново. Появились и новые лидеры внутризаводского соревнования. Кларе Хлебниковой (теперь Клара Николаевна Антипова), комсомолке, было всего восемнадцать, когда она стала мастером формовочного цеха. Ее наградили орде-

Ветераны ЗИЛа, его нестареющая гвардия — В. И. Дронов и К. Н. Антипова.

ЗНАМЯ ЗА

ном Ленина. Дронов называет еще и еще молодых (тогда молодых!) автозаводцев, ударно выполнявших оборонные задания, — это лучший расточник тех лет Владимир Третьяков, бригадир Владимир Савоськин, Маша и Аня Козловы. Все они работали настолько добросовестно, что им доверили личное клеймо, многие комсомольцы сами себя контролировали и в инструментальном цехе, где выпускали мины и снаряды, и в механосборочном, превратившемся на время в цех минометов, и в другом механосборочном, где круглосуточно с трех конвейеров сходили автоматы ППШ... Орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени (за успешное выполнение заданий по выпуску автомобилей и заказов для фронта) коллектив автозаводцев получил именно во время войны.

Годы, годы... Ничто не забыто! Сейчас ЗИЛ неузнаваемо переменился. И вновь славный коллектив переживает исторический этап — идет пятая реконструкция завода, на этот раз генеральная. Диктует век научно-технической революции. Зиловцы сегодня решают самый сложный комплекс производственных и социальных задач. Новые марки машин требуют иной, более совершенной технологии. Высокое качество деталей во многом зависит от классности оборудования. Процесс их обработки необходимо максимально механизировать и автоматизировать. Особенно важно последнее. Ведь есть принципиальная разница между конвейерным производством и автоматическими поточными линиями. Конвейер в какой-то степени уже день вчерашний. А у заводской проходной стоит последняя четверть XX столетия. Идет самый сложный процесс, можно сказать, онаучивания производства. Наука, ставшая силой производительной, о чем пророчествовал К. Маркс, предлагает вместо ленты конвейера кибернетику и автоматику. Я видел на одном конце поточной линии отливку, а на другом конце — готовую головку блока. Автоматы, последовательно, самостоятельно передавая друг другу отливку, сверлили ее со всех четырех сторон. Ни одного человека рядом; нет, вот прохаживается наладчик, он наблюдает за работой автоматов. Это рабочий? Да, но совсем-совсем не тот, не вчерашний...

Дронов с восхищением назвал цех, где делают кабины для «ЗИЛ-130», «чудесным». И его, человека, пришедшего на завод, когда только-только был пущен главный конвейер, легко понять. Цех кабин — новый по самой организации технологического процесса. Он и внешне красив. Здесь отличное освещение, кондиционированный воздух, но главное — автоматические камеры, в которых последовательно свариваются кабина за кабиной. Детали (штамповка)

подаются подвесными линиями, все они сходятся в камере электросварки — и вспышка, вторая, третья! Готово. Стены камеры расходятся, а готовая кабина движется дальше, в пункт окраски...

Итак, на ЗИЛе идет создание крупных производственных корпусов. Усложняется сфера обслуживания собственно производства: автомат ждать не будет, он перекуров и устал не знает, ему подай деталь или заготовку точно в срок, точно в определенное технологическое место — ни на секунду раньше или позже, ни на миллиметр ближе или дальше. В новых корпусах будут и новые бытовки, отличные душевые и столовые. Ибо обслуживать автоматические линии будут иные рабочие — люди образованные, имеющие право требовать иных условий труда. И завод это понимает, готовится к этому.

О том, что характер труда постепенно, хоть и не так скоро, как хотелось бы, все-таки меняется, говорит такой факт: на ЗИЛе чрезвычайно плодотворна работа рационализаторов. Все знают о Владимире Строганове из литейного цеха — его и в кино снимали. Вот уж кто самой природой не уготован для механически бездумной работы, все бы ему переосмыслить, все бы переиначить по-своему... Есть такой человек и в ремонтно-механическом цехе — Хамза Хайретдинов. Виртуоз шлифовки, лучший рабочий своей профессии. Он имеет личное клеймо. Хамза Хайретдинов постоянно совершенствует свой универсальный станок. И каждое новое его приспособление помогает ему выиграть бой за секунду, за качество...

В минувшей пятилетке зиловцы подали около девяти тысяч предложений. Те, которые внедрены в производство, дали около шести миллионов рублей экономии. В обязательствах коллектива в честь 50-летия образования СССР сказано, что в юбилейном году предполагается внедрить не меньше четырех тысяч предложений и получить не менее 3,1 миллиона рублей экономии. О чем говорит только один этот факт творческого отношения к труду? В наше время все заметнее стирается грань между трудом творческим и нетворческим. А это приведет к новым заботам по части совершенствования социально-культурной жизни человека. Право на труд — это право на труд любимый, доставляющий удовольствие. Люди, сумевшие ничего не пожалеть для победы на фронтах Отечественной войны, их дети, дети победившего поколения, достойны и лучших условий труда и лучшей жизни.

Еще мгновение — и новая машина сойдет с конвейера.

ВОДА

МАРДЖАНОВСКИЕ ТРАДИЦИИ...

М. ЦАРЕВ
народный артист СССР

Марджановцы играют на сцене Малого театра... И это вовсе не случайно. Грузинский государственный академический театр имени К. Марджанишвили — наш давний большой друг; вместе с коллективом этого театра мы храним память о человеке, с чьим именем переплетаются наши судьбы...

Сорок лет прошло с тех пор, когда знаменитый режиссер Константин Александрович Марджанишвили репетировал на сцене Малого «Дон Карлоса» Ф. Шиллера...

И вот теперь ученики и последователи Марджанишвили снова играют на сцене Малого «Дон Карлоса»... А мы вспоминаем, угадываем в этом новом спектакле те самые черты искусства, которые Котэ Марджанишвили так страстно прославлял, и прежде всего это сочетание высокой романтики и гражданского пафоса...

Режиссер, великолепно владевший сценической формой, Марджанишвили был мастером радостной, торжествующей театральности. Главное же для него всегда — литературная первооснова, фундамент всякого истинного театрального искусства.

Умение ставить это искусство на службу драматургическому замыслу, умение угадать своеобразие мысли и найти свойственную ей манеру сценического выражения видим мы сейчас в спектаклях, привезенных марджановцами в Москву.

«Дон Карлос» — спектакль, посвященный памяти учителя, где с особенной отчетливостью раскрываются черты высокой трагедии, столь близкие народному грузинскому театру. Мы попадаем в мир пламенных страстей, мир вечной борьбы добра со злом, где далеко не всегда добро оказывается победителем...

Декорации спектакля, выдержанные в суровой, кроваво-черной гамме, помогают нам определить место действия. Перекрывая лестницу, ведущую в королевские покои, возникают зловещие его приметы — то гигантский крест, обвитый тяжелыми цепями, то кованая тюремная решетка... Образный строй традиционен. Но эта же строгая традиционность бережно сохраняется и в манере актерского исполнения, создавая общее впечатление цельности, единства...

А вот перед нами современная действительность — «Память сердца» А. Корнейчука. Сценическая история пьесы прямо связана с Театром имени К. Марджанишвили, поскольку первая постановка на сцене Киевского драматического театра имени И. Франко была осуществлена народным артистом Грузинской ССР и Украинской ССР Д. Алексидзе. Он же поставил спектакль «Память сердца» и на грузинской сцене, посвятив свою работу 50-летию образования СССР.

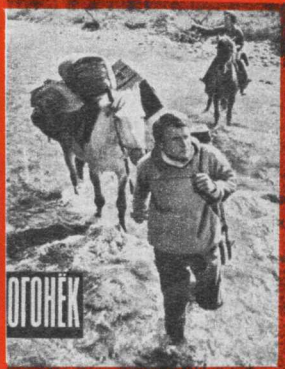
Великолепна здесь в главной роли Верико Анджапаридзе. Блистательная актриса Грузии с огромной силой чувств раскрывает историю человеческой жизни, отданной людям и Родине, но не утратившей с годами ни красоты, ни тепла, ни способности любить.

Современная тема на сцене грузинского театра представлена, разумеется, и грузинской драматургией. Автор пьесы «Святые в аду» А. Гецадзе сам прошел через горнило Великой Отечественной войны. Вероятно, тем и объясняется ощущение правды, искренности всех интонаций спектакля... Адские испытания не лишают грузинских солдат, попавших во вражеское окружение, присутствия духа, напротив, обостряют чувство товарищества и дружбы... Живой, достоверный спектакль, поставленный режиссером Л. Мирцхулавой, отличается еще и большой романтичностью, приподнятостью; такими запоминаются медсестра Майя (артистка Н. Мамаладзе) и боец Мириан (артист Д. Моинава).

«Женитьба» Н. В. Гоголя и «Старые дедевили», принадлежащие перу известных грузинских писателей А. Цагорели, Ан. Церетели и К. Бахуташвили, раскрывают удивительное комедийное мастерство марджановцев. Тут особенно радует молодежь. И вообще одной из наиболее характерных черт труппы я вижу сочетание мастерства актеров разных поколений, своеобразных индивидуальностей. И радостно, что театральная молодежь так живо воспринимает исконные традиции театра, который сам является детищем советской эпохи.

«Старые дедевили». Заслуженные артисты Грузинской ССР Е. Кипшидзе и Г. Геловани в водевиле «Озорница». Фото М. Строкова.

Дс. так все это и начинается: палатки, несколько бревенчатых домиков на берегу реки, дым из печных труб, оседланная лошадь у привязи. А вокруг — вековые кедрачи на ступенях гор, заросли смородины, буйство трав. Так начинаются новые прииски, рудники, города и поселки, когда геологи находят под землей несметные богатства и начинают обживать глухие таежные углы.

Вот и в этом лагере геологов алгуйской разведочной партии, устроенном на одной из речек Кузнецкого Алатау, уже началась биография будущего талькового горно-обогатительного комбината. Здесь, на реке Амзас, найдено месторождение талька — большое, мощное, одно из крупнейших в стране.

Много ли этого минерала требуется для нашего народного хозяйства? Оказывается, много. Белый мелкочешуйчатый порошок нужен не только в медицине. Он широко применяется в радиотехнике, электротехнике, в резиновой и бумажной промышленности, необходим при изготовлении многих теплозащитных материалов. Запасы месторождения уже утверждены государственной комиссией. Качество алгуйского минерала проверялось в промышленных условиях и заслужило там высокую оценку. Достаточно сказать, что содержание талькита в руде достигает 93 процентов — практически это почти чистый тальк.

Месторождение залегает близко к поверхности земли, и добывать здесь руду решено открытым способом. Это намного уменьшит себестоимость талька. В будущем году должен быть заложен маленький опытно-промышленный карьер, а затем будет построен большой карьер. Уже через три года после начала строительства он должен достигнуть проектной мощности — приблизительно триста тысяч тонн руды в год.

Построить крупное предприятие в тайге — это значит проложить к нему дороги, подъездные пути. В этом плане алгуйскому месторождению в какой-то мере «повезло»: оно хоть и в глуши расположено, однако сравнительно недалеко от железной дороги. Но в таежных условиях и десяток километров — проблема. Сейчас геологи добираются до своего поселка по горной дороге на вездеходах или лошадях. Только одни водные преграды приходится преодолевать по пять-шесть раз. Как же транспортировать руду? На постройку хорошей дороги в этих условиях уйдет много времени, а тальк нужен промышленности уже сейчас... Выход подсказала сама природа. В морозы, когда реки покрываются толстым слоем льда, от железнодорожной станции Лужба до месторождения можно проложить надежный «зимник». По нему-то грузовики и смогут вывезти первую руду с опытного талькового карьера. Потом, конечно, и постоянная, надежная дорога появится...

Все это — близкое будущее Амзаса. А пока у деревянных домов геологического поселка стоят оседланные лошади. Разведка продолжается. Геологи раскрывают танны земли...

Б. СМЕРНОВ

ТАК НАЧИНАЮТСЯ ГОРОДА

Иван Сергеевич Костин — один из первооткрывателей алгуйского талька.

Горнопроходчики Алгуйской партии. Перекур.

М. Лактионова. ХИРУРГ А. А. ВИШНЕВСКИЙ (фрагмент картины).

ХИРУРГИЯ ПО ВИШНЕВСКОМУ

Олег ШМЕЛЕВ

Если кто-нибудь пожелает утверждать, что самый первый в истории человечества хирург появился во времена войны и даже прямо на поле битвы, — правоту такого утверждения трудно будет опровергнуть.

Наоборот, очень легко представить себе этого первого хирурга склонившимся над поверженным воином и терпеливо извлекающим из-под ребра толстую, скупо оперенную стрелу или старательно заделывающим отверстие в черепной коробке, которое пробил пущенный из пращи двухфунтовый камешек.

Конечно, вполне может быть, что первое хирургическое вмешательство осуществил какой-нибудь костоправ-питекантроп по поводу чисто производственной, а не военной травмы. Он, скажем, мог ампутировать стопу своему соратнику, которому мамонт наступил на ногу. Однако та отрасль медицины, которую уже в исторический период стали называть хирургией, скорее всего впервые оформилась именно на военном поприще. Если мирная жизнь не может обойтись без хирургии, то что же говорить о войне?!

Все это, разумеется, не более как шутка, но о связи хирургии и войны мы заговорили тут неспроста.

Ниже речь пойдет об Александре Александровиче Вишневском — о хирурге, чье искусство росло и шлифовалось во фронтовых госпиталях, под сенью парусиновых шатров полевых госпиталей и медсанбатов.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Совершенно точно установлено, что еще в глубокой древности человеку была известна трепанация черепа и чревосечение. Папирус Эберса сообщает, что у египтян имелся целый набор хирургических инструментов; египетские врачи умели делать кровопускание, ампутации

конечностей, операции катаракты, а особого искусства они достигли в производстве кастрации — в этой области у них была большая практика, ибо спрос на евнухов, как утверждают знающие люди, поддерживался в те времена на очень высоком уровне.

В Древней Индии блестяще делались пластические операции, был разработан метод лапаротомии — вскрытия брюшной полости.

Большим взлетом медицины — и хирургии в том числе — отмечен период расцвета Древней Греции. Имя Гипократа до сих пор светит оттуда звездой первой величины. О последующих успехах, которых достигла хирургия, дает понятие хотя бы тот удивительный факт, что врач александрийской школы Аммоний нашел способ дробления камней мочевого пузыря.

А затем, в римскую эпоху, хирургия вдруг постыдно деградировала. Дело дошло до того, что хирург Архагат, который пользовался громадным уважением сограждан, пока занимался по старинке лечением ран, был изгнан из Рима в тот же день, когда попытался сделать операцию на животе.

И дальше развитие хирургии чем-то напоминало детскую игру «вверх и вниз». Во II—IV веках нашей эры — снова взлет, появляется целая плеяда великодушных врачей: Архиген, Гелиодор, Леонид, Антилла. Но наступает средневековье — и хирургия низводится до уровня вульгарного «бросания крови» (что называлось впоследствии лечебным кровопусканием). Когда-то тонкое искусство, она переходит в руки цирюльников и банщиков.

Но вот появляется огнестрельное оружие, и это возрождает хирургию. А труды анатомов Везалия, Фаллопия, Евстахия, анатомические исследования Леонардо да Винчи вооружают хирургию знанием человеческого тела. XVI век круто повернул судьбу медицины.

И все-таки рождение настоящей хирургии произошло лишь в XIX веке, когда были найдены средства борьбы с инфекцией и открыт наркоз. Ведь до тех пор смертность от заражений сводила эффективность оперативных вмешательств чуть ли не к нулю, а неумение

бороться с болью укорачивало руки хирурга, не позволяло ему вторгаться в важнейшие области тела.

Последнее обстоятельство нам важно отметить, так как именно проблема обезболивания будет играть в нашем повествовании особую роль. Но об этом речь дальше. Тут хочется только привести одно наблюдение. Вы никогда не обращали внимания на то, что и сама медицина и название всех ее отраслей — слова женского рода? Наверное, это неспроста.

Так вот, хирургия была до середины XIX века самой заброшенной и многострадальной из дочерей милосердной своей матери. А иные из самых крупных ее служителей еще и в середине нашего века сталкивались с досадным непониманием и даже сопротивлением.

Закончим исторический экскурс, окинув беглым взором этапы развития отечественной хирургии.

В 1707 году по указу Петра I в Москве был открыт госпиталь, а при нем — медико-хирургическая школа. Чуть позже такая же школа была учреждена и в Петербурге. В 1780 году школы преобразованы в училища, а в 1798-м учреждены Петербургская и Московская медико-хирургические академии.

Великим своим подвижническим трудом и талантом Николай Иванович Пирогов вывел русскую хирургию на самые передовые позиции.

Это фигуральное выражение «передовые позиции» взято из военной терминологии, но в данном случае его уместно употребить и в прямом смысле, ибо Пирогов положил начало военно-полевой хирургии — он первый применил эфирный наркоз и сделал раненому алебастровую (гипсовую) повязку прямо на поле боя. Это случилось на Кавказе в 1847 году.

Лишним было бы напоминать, какого расцвета достигла медицина в советское время. Десятками славных имен законно гордится отечественная хирургия, и среди них Александр Александрович Вишневский, ныне возглавляющий Институт хирургии Академии медицинских наук СССР, который носит имя его отца Александра Васильевича Вишневского.

Александр Васильевич Вишневскому хирургия — как наука и как практическая дисциплина — обязана очень многим, но два его нововведения стоят особняком и всегда будут вызывать чувство глубокой благодарности у всех людей, которым в силу стечения тех или иных обстоятельств приходилось лечь на операционный стол.

Первое называется «местная анестезия по методу тугого ползучего инфильтрата». Звучит страшно, а по сути своей, как мы увидим, светло и благородно.

Второе — новокаиновые блокады и мазь Вишневского как методы воздействия на трофику тканей. Методы простые, но поистине чудодейственные.

Автор публикуемого на цветной вкладке портрета — Мария Лактионова, дочь выдающегося советского живописца Александра Ивановича Лактионова. Призвание ее определилось очень рано. В 1955 году, когда Марии было десять лет, она начала учиться в средней художественной школе, а по окончании была принята в 1965 году в Московский государственный художественный институт имени Сурикова, который окончила в 1971 году; занималась она по классу живописи у профессора В. Н. Гаврилова. Судя по ее первым полотнам, молодой художнице предостой интересный творческий путь портретиста.

Эти два нововведения будут сопровождать нас на всем протяжении рассказа об Александре Александровиче Вишневском, достойном преемнике и продолжателе дела своего отца, как и он, во всю меру своего таланта расширяющем сферу действия хирургии.

Не следует задавать себе наивный вопрос: «Почему Александр Александрович стал хирургом?» — и искать во днях его далекой юности некий счастливый случай, послуживший толчком для выбора профессии. Заманчиво, конечно, поведать о заветной, свято хранимой коробочке, заключающей в себе шрапнель и пули, которые Александр Васильевич извлекал из искромсанных солдатских тел во время первой мировой войны и приносил сыну. Все происходит проще и прямо, когда перед глазами постоянно живой пример отца. Сын хирурга становится хирургом — что может быть естественнее?

Началом у младшего был тот же Казанский университет и семь лет работы прозектором в анатомическом театре. Сейчас Александр Александрович Вишневский — главный хирург Министерства обороны СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Таков путь, выраженный чисто анкетными категориями. Что касается заветной коробочки, то Александр Александрович мог бы раз в двадцать увеличить коллекцию отца собственноручно извлеченными пулями и осколками, многие из которых, отметим особо, находились в сердце.

ШПРИЦ КАК ДОВОД В СПОРЕ

На полянах, открытых резкому свету стылого солнца, приходилось прятать под ладонью глаза — так сверкали словно осыпанные алмазной крошкой сугробы.

Мороз и снег... Снег и солнце... Благословенный карельский край!

Но вот большая поляна — не поляна, целое поле.

Свистнуло над ухом. Быстро, как после близкой молнии, громыхнуло с того края поля. Белофинская «кукушка» кукует... Ишь ты, а еще позавчера здесь было вроде бы чисто.

Медицинский пункт полка, воюющего в отрыве от других частей, здесь совсем близко, на саях десяти минут хватит, да досадно: не проедешь из-за проклятой «кукушки». Ничего не поделаешь — давай пешком в обход, по снежным завалам. Да поглядывая поверху: «кукушек» в дедовских лесах никто не считал.

Вот, наконец, палатка, замаскированная еловым лапником. Откинув полог и низко нагнувшись, Александр Александрович шагнул в теплое, пропитанное знакомыми запахами пространство.

Хоть день стоял солнечный, света от крошечных окон палатки было бы маловато, но в палатке горит несколько «летучих мышей». Свет их пламени ярок и приятен глазу.

На узком столе в центре палатки лежит раненый. Глаза у него закрыты, он без сознания. Над ним с пинцетом в руке склонился начальник ПМП. Вишневский знает его: встречались в Москве на конференциях. Он чуть помоложе, но хирург, кажется, неплохой.

— Что у него?

— Тяжелый случай, надо бы эвакуировать немедленно в медсанбат, а обстановка не позволяет. Только что принесли, я еще не все осмотрел, — отвечает доктор, укрывая раненого простыней, а поверх нее — одеялом.

Полушубок кинут на табурет в углу, туда же полетели тяжелые меховые рукавицы и шапка. Очки сразу запотели за мороза, и тот, кто лежит на столе, представляется сквозь затуманенные стекла бесформенной грудой.

— Мыть руки, — просит Вишневский.

Немолodoй уже фельдшер показывает на тазик с водой. Пока Вишневский протирает очки и моет руки, фельдшер приносит ему халат и шапочку.

Обработав руки спиртом и йодом, Вишневский подходит к столу...

Начальник медпункта откинул одеяло и простыню, под которыми лежал раненый. Это оказался парень могучего телосложения... Он был в глубоком шоке, и не мудрено: на правой стороне грудной клетки на уровне вось-

мого ребра рваная осколочная рана, по-видимому, открытый пневмоторакс, в верхней трети правого бедра, перетянутого жгутом, тоже осколочная рана. Это первое, что бросилось в глаза, а кроме того, в правом боку имелось два непроникающих ранения, любого из которых вполне достаточно для двухмесячного перекюра в госпитале.

Начальник ПМП (назовем его К.) стал напротив — будет ассистировать. Фельдшер устроился с правой руки за тумбочкой, на которой разложены инструменты, марля, бинты, стоят склянки разной формы и емкости. Все почти как в стационарной операционной. Но именно почти.

— Будем анестезировать. Новокаин у вас какой?

— Один процент.

Это значит — раствор новокаина сделан в концентрации 1 к 100.

— Не годится. Мне нужно в четыре раза меньше: ноль — двадцать пять. Физиологический раствор у вас есть? Нам много понадобится.

— Найдется, — сказал фельдшер.

Через минуту все готово.

Первым долгом надо сделать шейную вагосимпатическую блокаду. Отец разработал ее очень четко, а ему, сыну, армейскому хирургу Вишневскому, привелось ее впервые применить на поле сражения еще на Халхин-Голе, в тридцать девятом. Просто невероятно, как могли обходиться без этой блокады раньше.

— Шприц! — командует Александр Александрович.

Чуть оттянув кожу над правой ключицей, мягко ввел иглу и стал медленно вливать новокаин. Вскоре пульс у раненого стал заметно лучше. Измерили кровяное давление — повысилось.

После обезболивания области ранения новокаином Вишневский пошел вдоль раневого канала.

Вот рваные края раны грудной клетки — подрывать их. А вот и осколок величиной в половину спичечного коробка.

Вопрос к ассистенту:

— Пульс?

— Сто.

Пятнадцать минут назад было сто десять. Блокада делает свое дело.

— Пинцет!

Осколок залег не очень глубоко. Извлечь его не составляет труда, так же как и порядочный клоч полшубка, оказавшийся под ним. Но из девятого ребра выбит участок сантиметра в четыре, его тоже надо достать. Ребро придется резецировать.

— Пульс?

— Сто двадцать.

Нужно добавить новокаина.

Извлечен выбитый кусок ребра. Полость раны в легком обработана. Тщательно ушита плевро. Сделан длинный разрез вдоль девятого ребра.

Александр Александрович и не глядя на К. чувствовал, что тот следит за каждым его действием предельно внимательно, с хладнокровным профессиональным интересом.

Выделены и перекушены обломки ребра.

— Пульс?

— Сто десять.

— Вы шейте, а я займусь бедром, — предложил Вишневский ассистенту.

— Хорошо.

Осколок, засевший в бедре, к счастью, до кости не дошел. Но повреждения тканей обширные. Придется ввести новокаин во все мышечные футляры.

Пока Вишневский накачивал футляры бедра, вводя иглу выше раны и исподволь ослабляя жгут, ассистент успел ушить разрез на груди, оставив входное отверстие открытым.

Александр Александрович обернулся к фельдшеру.

— Наша мазь есть?

— Да.

Приятно, что фельдшер знает мазь Вишневского.

Александр Александрович взял протянутую ему стеклянную банку с темной, почти черной массой, снял притертую крышку, понюхал. Сделано на рыбьем жире, лучше бы на ка-сторке. Но и это сойдет.

Он взял несколько кусков марли, смазал их мазью и затампонировал рану на груди. Ас-

систент, не дожидаясь указаний, заклеил их пластырем, вежливо спросил:

— Не помешаю вам, если займусь теми двумя осколками?

— Нет, конечно.

К. справился со своей работой раньше и стал снова наблюдать за руками Вишневского. Ему оставалось лишь затампонировать рану.

И тут вдруг туго натянутые стенки палатки сморщились и сразу выгнулись, надутые, как паруса под полным ветром. Раздался взрыв. Лампы мигнули и погасли. В ушах звенело.

Они даже не успели сообразить, что это было — мина, снаряд или бомба. Ни К., ни Вишневский, ни фельдшер даже голов не пригнули. Они были совершенно отключены от окружающего.

Больше взрывов не последовало. Видно, белофинны кинули просто так, наобум. Запахло теплым керосином. Фельдшер зажег лампы. Вишневский закончил операцию и опустился на пододвинутую фельдшером табуретку.

— Ну как? — тихо спросил он у К.

— Блестяще. — К. говорил с неподдельной искренностью, но в тоне его не улавливалось никакой симпатии. Он был корректен — не больше.

— А что вам не понравилось?

К. замаялся:

— Видите ли...

Все ясно. Стесняется говорить, что не нравится ему такой метод обезболивания. И мазь не нравится.

Ну вот, еще один принципиальный противник...

Вишневский посмотрел на раненого. Тот дышал уже совсем ровно. Плотные сомкнутые веки чуть подрагивали.

— Иной метод здесь вряд ли годен...

К. только неопределенно пожал плечами.

Вступать в дискуссию не было никакой охоты. Он мог бы просто приказать этому врачу придерживаться данной методики, да приказами в хирургии вряд ли чего добьешься...

Александр Александрович вымыл руки и оделся.

Уже шагнув одной ногой за порог, он сказал на прощание:

— Эвакуируйте при первой возможности.

...В ту же ночь оперированного раненого отправили в Ленинград. Когда Александр Александрович дней через десять осведомился по телефону, как его дела, ему ответили, что боец чувствует себя хорошо.

Вишневский скоро забыл об этом случае: начались решающие бои, и работы у хирургов было сверх всякой меры. Но когда финская кампания уже подходила к концу, ему все-таки удалось доспорить с начальником полкового медпункта К.

Александр Александрович по своему обыкновению поехал, как он выражается, посмотреть один из медсанбатов, выдвинутых близко к переднему краю. Там как раз был большой наплыв раненых, и он, разумеется, включился в работу.

Прооперировал бойца с проникающим ранением коленного сустава, попросил следующего. Санитары внесли и положили на стол нового раненого, вниз лицом.

Обработав руки и подойдя к столу, Вишневский услышал тихо произнесенное:

— Здравствуйте, Александр Александрович.

Удивительные вещи случаются на войне. Перед ним лежал начальник полкового медпункта К.

— Как же это вас?

— Минометный обстрел. Фельдшера моего напал.

— Сейчас посмотрим.

Осколок попал в левую ягодицу и застрял, чуть не дойдя до седалищного нерва. Ранение, должно быть, очень болезненное, однако К. держится молодцом.

— Ну-с, батенька, крепитесь. Как будем обезболивать — по-старому, по-новому?

Слов нет, это было несколько бестактно с его стороны и не по правилам: лежачего-то не бьют. Но Вишневский не мог отказать себе в удовольствии использовать такой редкий случай для продолжения спора. К тому же они коллеги, и подобная профессиональная бесцеремонность, пожалуй, простительна.

К. сказал, несколько не обидевшись:

— Делайте, как сочтете нужным.

— Хорошо. Если будет больно, скажите.

Все было кончено в полчаса. К. не издал ни единого звука.

— Ну как? — спросил Вишневский совершенно тем же тоном, как тогда, после операции в палатке полкового медпункта. Он втайне опасался и сейчас услышать в ответ холодное: «Блестяще!»

К. неожиданно улыбнулся и сказал:

— Я ни разу не почувствовал боли. Не представлял себе, что это возможно.

Дымок взаимной антипатии развеялся от этих слов в один миг. Александру Александровичу хотелось дружески похлопать коллегу по плечу и сказать: «Что же вы, батенька, не верили, упорствовали, почему не использовали наш метод?» Но он сдержался. Довольно с него и сознания, что отныне этот бывший принципиальный противник обращен, надо надеяться, в верного соратника. Тут не приказ и не лекция с диапозитивами. Урок на собственном теле...

Он положил на рану тампон с темной мазью и сам аккуратно заклеил пластырем.

— Ну вот, желаю скорейшего выздоровления.

— Спасибо, Александр Александрович.

...Было немного горько: неужели таким вот образом, шприцем и скальпелем, надо убеждать каждого из неверующих?

ЗНАКОМСТВО С МЕТОДОМ

Если правильно утверждение, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, то тем более справедливо, что свидетельство человека, на себе испытывавшего какой-то хирургический метод, достовернее и доказательнее, чем любые рассказы из вторых рук.

Автор этих строк еще задолго до личного знакомства с Александром Александровичем испробовал на себе «хирургию по Вишневскому». Это как будто дает автору право надеяться, что читатели простят ему, если он на несколько минут займет их внимание описанием личных впечатлений.

...Это было в январе сорок четвертого. Мы наступали. Наша рота брала большой рабочий поселок под вечер, часа в четыре. Уже смеркалось.

Наш взвод двигался по дороге. Слева, метрах в тридцати, стоял длинный сарай. И вот я краем глаза засек какое-то короткое мельтешение, возникшее из-за угла сарая. Будто кто-то помахал мне ручкой на прощание. Повернув голову, я увидел летящий ко мне предмет. Он противно, не по-нашему как-то кувирался. Сообразив, что это немецкая ручная граната терочного действия (были такие у немцев, с длинной деревянной ручкой и тщедушной головкой, за что солдаты из породы бодяков-оптимистов недальновидно называли их пшикалками), я сделал глупость — остановился и не упал плашмя. Но дуракам, как известно, везет: граната, словно жаба, плюхнулась в кювет, полный снега, даже с пирожком, и уже оттуда фыркнула в меня. Я ощутил толчок в левое колено и наконец-то улегся.

Боли не было. Посмотрел — пола у шинели словно молью побита. Потрогал колено — как деревянное. Отвернул полу — брюки на коленке, как сито. Ну, думаю, пропала нога. Каждый солдат знает: чем тяжелее рана, тем тише боль в первый момент.

Бой уже укатился вперед метров на сто, даже пули рядом не висят. Оперся на автомат, встал. Топнул ногой раз, топнул два — и потопал в тыл, в соседнюю деревню.

Прихожу — в медпункте не до меня: тяжелых санитаров волокут одного за другим. А я сам пришел. Коленка наконец-то заняла, но соображаю так: если ты целый километр своим ходом форсировал, может, у тебя там ничего и нет?

Пошел в пустую избу, оголил ногу и увидел: коленный сустав словно красными чернилами обрызган, а под чернилами кое-где синие крапинки.

Когда на пункте стало немного потише, фельдшер выковырнул мелкие, с игольное ушко, осколки, обтер мое колено каким-то раствором, потом взял большой кусок марли, наляпал на него темной мази, приятно пахнущей дегтем, укутал колено и сунул мне в руки широкий бинт: «Умеешь?» «Умею, — говорю, —

нас учили». Фельдшер вконец замотался, но все же не забыл, спасибо ему, дать мне положенные пятьдесят граммов спирта, а потом велел заголить спину и всадил противостолбнячный укол. Это было гораздо мучительнее гранаты — без рисовки. И болело дольше коленки.

На меня даже не стали заполнять так называемую карточку передового района, которую заполняют на каждого раненого. Ясно было: рана пустяковая, с такой в тыл отправлять просто стыдно. Через пять дней я зашел на медпункт, и фельдшер снял повязку. Совсем не прилипла, как масло. Под нею обнаружилось совершенно здоровое колено. Только рубчики краснели. «Мазь Вишневского», — сказал фельдшер, и это надо было понимать так: «Иначе и быть не может...»

У многих врачей есть какое-то свое излюбленное средство лечения, что называется, свой конек. У Александра Васильевича Вишневского таким средством была мазь, в которую входило немного перуанского бальзама, обеззараживающее вещество ксероформ и обыкновенная касторка. Когда перуанский бальзам сделался слишком уж дефицитным, его заменили березовым дегтем. Многолетнее успешное применение мази убедило отца и сына Вишневских, что она очень хорошо помогает не только лечению открытых ран, фурункулов и различных нагноений, но и таких нешуточных болезней, как грудница у кормящих матерей.

Мало того. Кроме обеззараживающего действия, мазь улучшает трофику, то есть тканевый обмен. А это имеет первостепенное значение для быстрого заживления ран. Механизм действия мази заключается в том, что деготь производит легкое раздражение мелких нервных окончаний в ране и на коже. Тот участок тела, на который наложена мазь, начинает получать от организма дополнительные ресурсы, живет в повышенном тонусе. Отсюда и быстрая поправка.

Александр Александрович Вишневский в своем военном дневнике сделал такую запись: «Вспоминаем... разговор раненых: «Да, хороша мазь Вишневского, да ведь не хватает ее. Немцы-то всю Украину заняли, а там у нас главная вишня!»

Лично я не встречал ни на фронте, ни в тылу солдата, который бы не знал о мази Вишневского. Мы действительно называли ее «вишневокой», «вишневошкой».

Вообще говоря, интересная вещь произошла с фамилией Вишневских. Многие из нас знали, что их двое — отец и сын, но никто никогда не уточнял в разговоре, о ком идет речь — об отце или о сыне. Их не разделяли, они были как бы двое в одном лице. И в этом есть глубокий смысл...

А теперь перейдем к местной анестезии.

Сначала был изобретен наркоз. При любой операции, будь она самая простая или самая сложная, человека, чтобы он не испытывал боли, повергали в глубокий сон с помощью эфира, хлороформа или иного наркотизирующего вещества.

Старые виды наркоза, хотя они и снимали болевые ощущения, были далеко не безвредны. Они токсичны, то есть отравляюще действуют на организм. Они отражаются на общем состоянии нервной системы, на работе сердца. А если, например, у оперируемого не в порядке печень, то наркоз был чреват для него тяжелейшими осложнениями.

При малых операциях, скажем, на конечностях, общий наркоз представлялся хирургам нецелесообразным. Вот что пишет Александр Александрович Вишневский: «К сожалению, многие, не только «малые», но и большие хирурги не хотят знать того, что наркоз ликвидирует не раздражение, вызывающее боль, а только ощущение боли. Усыпленный раненый лежит спокойно на операционном столе, и хирург тоже спокойно оперирует его. Между тем поток импульсов поступает в отделы нервной системы, не затронутые наркозом, и рефлекторно нарушает жизненно важные функции организма. Отсюда наслоение операционной травмы на ранение, наслоение, которое нередко приводит к шоку. Этот порочный круг может быть разорван только с помощью местной анестезии, которая прерывает рефлекторную дугу».

Вот почему хирурги искали иной способ обезболивания, который мог бы вполне заме-

нить наркоз и вместе с тем был бы свободен от его побочных, отрицательных эффектов.

Без малого сто лет назад такой способ был найден. С помощью кокаина (вещества, добываемого из листьев южноамериканского кустарника кока) научились производить местное обезболивание, и это явилось большим благодеянием для человечества.

Но вскоре обнаружилось, что и кокаин токсичен, вызывает отравление. Тогда было синтезировано на основе кокаина другое вещество — новокаин, употребляемое и поныне. Оно в десять раз менее токсично.

Были разработаны два основных метода местной анестезии — инфильтрационный и проводниковый.

Инфильтрация значит пропитывание. При этом методе ткани постепенно, слой за слоем пропитываются новокаином. Это требует много времени и в ходе операции вынуждает часто делать много дополнительных вливаний новокаина.

Суть проводниковой анестезии состоит в подводе иглы непосредственно к нервному проводнику с целью блокировать его с помощью новокаина, перерезать главную линию, проводящую боль от раны к мозгу. Этот метод страдал существенными слабостями. Во-первых, в некоторых случаях бывает очень трудно определить, где расположен нервный ствол; во-вторых, можно повредить нерв острием иглы. И вообще проводниковый метод не гарантировал стопроцентной уверенности.

Александр Васильевич Вишневский полвека назад начал искать более совершенный метод и в конце концов нашел его. Вот как рассказывает об этом кандидат медицинских наук С. Т. Захарьян:

«Ключ оказался у Николая Ивановича Пирогова. Удивительно, сколькими (и какими!) идеями обогатил этот великий ученый нашу науку! Замечательное открытие из этой неисчерпаемой сокровищницы использовал для местного обезболивания А. В. Вишневский. Дело в том, что еще в 40-х годах прошлого века Н. И. Пирогов открыл так называемое футлярное строение человеческого тела. Препарируя, делая распилы замороженных трупов, Н. И. Пирогов установил, что мышцы тела не составляют сплошной массы, а отделяются друг от друга различной плотности перегородками, в которые заключены, как в футляры, группы мышц. Эти футляры включают не только мышцы, но и сосуды и нервные стволы с их разветвлениями. Нельзя ли использовать футляры для анестезии? Ведь если в такой футляр ввести шприцем раствор новокаина, он неизбежно распространится быстро в этом замкнутом пространстве, заполнит его и войдет в прямой контакт с нервами — и со стволами, и с их разветвлениями, и с теми мельчайшими веточками, которые густой сетью оплетают сосуды. Проводимость всех этих нервов будет прервана, все, что заключено в данном футляре, утратит чувствительность. Конечно, при операции придется заполнить не один футляр, но это все же не бесконечные уколы, как при обычной инфильтрационной анестезии. Кроме того — и это важно, — можно думать, что в замкнутом пространстве (под давлением!) новокаин вступит в контакт с нервами очень быстро, не нужно будет выжидать. Все эти предположения блестяще подтвердились на опыте. Хирурги получили в свое распоряжение эффективный, простой и доступный метод местного обезболивания для операций на конечностях, голове, туловище...»

Так был создан новый метод местного обезболивания, получивший название «местное обезболивание по методу тугого ползучего инфильтрата». Инфильтрат — пропитывание. Ползучий — потому, что он не ограничивается местом введения, а продвигается, «ползет» по футляру. Тугой — потому, что для продвижения раствора необходимо тугое наполнение футляра (большое количество раствора).

Метод методом, но все решают ум, сердце и руки того, кто этот метод применяет.

СЕРДЦЕ ХИРУРГА

Главный хирург Волховского фронта А. А. Вишневский объезжал медсанбаты.

Он испытывал непривычное для себя состояние души. Если говорить грубо и очень приблизительно, ему словно бы пришлось окунуть руку в холодную воду, только что вынуть ее из горячей. Всего три дня назад он читал в Москве на пленуме ученого совета при начальнике Главного военного медицинского управления Красной Армии свой доклад, который назывался «О местной анестезии в борьбе с шоком». И вот теперь тряска фронтового бездорожья после гладкости московского асфальта, смятые войной деревни после улицы Горького...

На календаре — сентябрь 42-го. Он вспомнил, как ровно год назад не так далеко отсюда, по дороге на Гатики, увидел раненых лошадей, которых на грузовике везли в тыл, и подумал тогда: значит, полный порядок в танковых частях, как выражаются солдаты, если уж лошадей транспортируют автотягой. А теперь и говорить не приходится...

В медсанбате 313, развернутом в лесу западнее Каменки, он застал удручающую картину. Два дня назад их разбомбили. Воронки, щепки, грязь. Раненые лежат прямо на земле. Возле одной из полураздранных палаток застыла, сгорбившись от горя, военврач Шимуратова. У нее при бомбежке убили мужа.

Вишневному стало не по себе. Незадолго перед отъездом в Москву на пленум ученого совета он смотрел этот медсанбат и жестоко раскритиковал персонал за организационные беспорядки...

Он остановился посреди всей этой разрухи. Врачи и сестры окружили его, отвечали на вопросы тихими голосами. Рассказали, что хирурга Корягину ранило осколком бомбы в поясницу. Ее оперировали, но осколка не нашли. Корягину эвакуировали в тыл. Куда она попала, никто не знал.

Давать тут руководящие указания не требовалось: люди и так все понимали сами. Вишневецкий распрощался и уехал, дав себе слово, что обязательно разыщет доктора Корягину.

Это было 8 сентября, а 10-го он специально отправился на розыски Корягиной. В эвакуационный пункт, где начальствовал Ермоленко, ее не привозили. В госпитале Чернышева выяснилось, что она здесь была, но с нею ничего не стали делать, а переправили в Боровичи.

Для поездки в Боровичи ему не надо было выдумывать поводов, там тоже его «партия», но нагрянула очередная комиссия — для обследования медицинской службы фронта. Пришлось все отложить и мотаться с членами комиссии по медсанбатам, госпиталю, эвакуационным пунктам, сидеть на совещаниях.

И только 30 сентября, когда комиссия уже уехала, Вишневецкий добрался наконец до Боровичей, нашел Корягину.

Состояние ее оказалось, прямо скажем, не из легких. Большой осколок авиабомбы ударил в поясницу, прошел близко возле позвонков и застрял где-то в забрюшинном пространстве. Ранение было очень болезненное. Ей успели сделать три операции, но осколка так и не нашли. Только измучили.

Александр Александрович попросил подробно описать ход предыдущих операций, обследовал Корягину самым тщательным образом и, как ему казалось, определил точку, где должен был лежать осколок.

— Ну что ж, давайте-ка на стол?.. — полушутливо-просительно предложил он Корягину.

Она вздохнула:

— Александр Александрович, бога ради, может, подождем немножко?..

Он внимательно посмотрел на нее. Значит, действительно допекло — немотугу. Он знал Корягину как волевого и крепкого человека.

Не дождавшись ответных слов и явно стараясь загладить свою вину — мнимую вину в слабости и нерешительности, она сказала:

— Вот вы в следующем раз приедете, и мы сразу в операционную.

— Хорошо, хорошо, дорогая, — поспешил успокоить ее Вишневецкий. — Нам не к спеху.

...Он опять завертелся по медсанбатам, но Корягина все не шла из головы. Чувствовал и знал, что не успокоится, пока не вынет из нее тот чертов осколок, словно он засел в его собственном теле. Уезжая, он наметил отложить операцию на две недели и вот теперь считал дни.

12 октября Александр Александрович приехал в Боровичи, приказал готовить Корягину к операции и 13-го рано утром стоял у стола. Осколок обнаружился именно там, где он и предполагал. Операция прошла трудно, длилась долго. Корягина выдержала ее стоически.

Полтора месяца Вишневецкий издала, а иногда и навешая, следил за нею и окончательно успокоился лишь 1 декабря, осмотрев и найдя ее в порядке.

Однако той своей чрезмерной строгости в медсанбате 313 незадолго до его разгрома он простить себе окончательно так и не сумел.

Его звали Степан Тимофеевич Захаров, до войны он жил и работал в Саратовской области, в Екатерининском районе.

10 ноября 1944 года Захаров был ранен в сердце осколком мины. 12 ноября его смотрел в госпитале Александр Александрович. Происходило все это уже на Карельском фронте, в местах, хорошо знакомых Вишневному по финской кампании.

После долгих колебаний (не было уверенности в успехе) он решил все-таки оперировать Захарова. Вот запись из дневника Вишневецкого:

«Ночь спал плохо. Снились какие-то страшные сны. Часто просыпался и думал о предстоящей операции. Утром пришел в госпиталь, взял рентгенограмму и пошел с ней в морг, там вскрыл труп и уточнил с рентгенологом расположение осколка в сердце. После этого пошел оперировать».

Начал операцию с двусторонней блокады блуждающих нервов. В операционной остались только участвующие в операции. Ассистировали Афанасьева и еще один доктор. Аккуратно дошел до сердечной сорочки, вскрыл сердце, оно билось перед глазами. Осторожно стал ощупывать его поверхность. Большой слегка реагировал, и сердце забилося быстрее. Обнаружил плоскостное сращение между сердцем и перикардом. Раздвинул спайку и нащупал на сердце острый осколок, немного выступавший наружу. Осколок располагался на границе между правым и левым желудочком, ближе к правому. Беру сердце левой рукой (раненый жалуется на неприятное ощущение) и тихонько скальпелем стараюсь выпрепаровать осколок. Сердце все время сильно сокращается, боюсь, как бы осколок не провалился внутрь. Ведь толщина стенки правого желудочка всего лишь 0,2 см. Отложил скальпель и тихонько пинцетом попытался извлечь осколок. Вдруг пинцет провалился под осколок внутри сердца. И сразу же вся сердечная сорочка полна крови. «Крючки! Расширяйте рану!» Отвечают: «Он в обмороке». «Он и должен быть в обмороке». Я думаю, что говорят о раненом, а оказалось — в обмороке второй ассистент, который должен был держать крючки. Больной стонет: «Помогите! Умираю!» И вот в этот-то момент я, наконец, изловчился и наложил первый шов на разрезанную стенку сердца. Вытер кровь, наложил еще два шва. Раненый успокоился, и я вынул осколок».

Это было 16 ноября. Ранним утром на следующий день Вишневецкий торопился в госпиталь, ему не давало покоя сомнение: жив ли Захаров? И, глядя на попадавшихся навстречу людей, он с какой-то горькой жалостью думал: «Какие же у них тонкие стенки сердца!»

Придя в госпиталь, он, ничего не спрашивая, оглядел лица встретивших его врачей и сестер и увидел: жив Захаров, жив!

Оперированный дышал тяжело. Лицо багрового цвета, рот заперся. Но ничего страдальческого не было в выражении этого простого солдатского лица.

Набрякшие синие веки дрогнули, и Захаров слегка улыбнулся склонившемуся над ним доктору. Вишневецкий не верил своим глазам: он еще и улыбается!

— Здравствуйте, дружок.

— Профессор, милый вы мой... — только и сказал Захаров.

Вишневецкий достаточно знал себя и давно уверился, что он лишен сантиментов. Во всяком случае, при исполнении служебных обязанностей. Но тут он вдруг обнаружил, что комок в горле мешает ему задать простой деловой вопрос. Не сразу он произнес обычное:

— Как самочувствие?

— Хорошо! Спасибо вам!

Ему не раз приходилось слышать в случаях куда более ничтожных что-нибудь вроде: «Да все так же» или: «Хуже». И он ясно ощутил, что готов подставить без размышлений собственную грудь пуле, чтобы защитить этого Захарова.

Он покидал палату, невольно моля судьбу быть доброй к солдату. Медицина, само собой, сделает все возможное.

Но, на беду, 18 ноября его срочно послали в Петрозаводск, на хирургическую конференцию. А утром того дня обнаружилось, что у Захарова намечается пневмония — грозный спутник таких вмешательств на грудной клетке.

Александр Александрович оставил подробное расписание всех необходимых назначений, приказал ежедневно телеграфно сообщать ему о состоянии Захарова и, проклиная в душе все хирургические конференции на свете, отбыл из Беломорска.

Первые дни телеграммы из госпиталя поступали регулярно и радовали: Захаров шел на

поправку. 22 и 23 ноября — молчок, и приходилось холодеть от догадок: неужели умер? 23-го вечером Вишневецкий решил ехать в Беломорск, но наутро узнал, что поезд отменен. И тут пришла телефонограмма: «Наблюдается дальнейшее улучшение... температура 37,1». 26-го он вернулся и прямо с поезда отправился к Захарову. Застал его веселым. А 10 декабря они расстались, обменялись домашними адресами. Вишневецкого переводили на другой фронт, и он уезжал в прекрасном расположении духа: на Карельском фронте делать было уже нечего, значит, его ждут где-то новые дела — это во-первых, а во-вторых, Захаров совсем поправился!

ЧИСТАЯ ПРОБА

Две выписки из дневника Александра Александровича:

«Ночью привезли раненых, и в госпитале началась неразбериха. Врачи, сестры и санитары метались с места на место, не зная твердо своих обязанностей и мешая друг другу. Наконец, работа кое-как наладилась, но к этому моменту началась бомбежка. Стали стрелять и наши зенитки. Здание госпиталя дрожало, вместе с ним дрожал и персонал. Все бросило работу, погасили свет и прижались к стенам, благо в темноте было не так стыдно».

Общее настроение передавалось и мне. Я почувствовал, что тоже начинаю нервничать. К счастью, через час самолеты улетели, и мы вновь приступили к работе. Большинство наших пациентов было легко ранено и главным образом осколками авиабомб во время отступления.

Уже под утро, кончив работу, мы разбрелись, чтобы немного поспать».

«...Днем ездили по госпиталю. К вечеру почувствовал себя сиверно и лег в постель. Поднялась температура... По радио сообщили, что 3 сентября объявлено Днем Победы над Японией».

Первая запись сделана в городе Проскурове на десятый день Великой Отечественной войны, 2 июля 1941 года. Вишневецкий был назначен туда армейским хирургом и прилетел всего за несколько часов до описанной сцены.

Вторая запись датирована 2 сентября 1945 года и сделана в городе Ворошилове, на Дальнем Востоке. Вишневецкий был тогда главным хирургом 1-го Дальневосточного фронта.

Между двумя этими днями запрессована немалая толща дней и ночей, окрашенных кровью, оглашаемых стоном раненых, оглушаемых взрывами бомб, отравленных подавленностью отступления и наполненных радостью побед.

Можно понять едва прикрытый сарказм, с каким наблюдал Вишневецкий за метаниями госпитального персонала в Проскурове, первый раз в жизни попавшего под бомбежку. Но он не торопился строго осуждать этих людей, так как по опыту знал, что уже под следующей бомбежкой они будут действовать совсем по-иному. И не ошибся.

Для Вишневецкого эти два дня, разделенные невыразимой мерой времени и пространства, имеют глубокую и многозначительную взаимосвязь. Судите сами.

2 июля 1941 года, ровно в 14.30, самолет У-2 стартовал из Киева в Проскуров; на борту в качестве пассажира находился армейский хирург Вишневецкий. Чтобы не попасться шнырявшим в воздухе фашистским истребителям, летели на высоте 100—200 метров. И поэтому Александр Александрович все вспоминал казавшиеся теперь удивительно далекими времена Халхин-Гола — тогда, в 1939 году, ему пришлось добираться из Читы в Томск-Булак вот так же, на бреющем полете. И, вспоминая, мог ли он предполагать, что его военно-полевая хирургическая эпопея там же и закончится, где началась, — на Дальнем Востоке, и что уместит она в себя долгих семь лет?

Генерал-полковник медицинской службы Александр Александрович Вишневецкий — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Написаны сотни страниц научных трудов (за разработку метода местного обезболивания в грудной хирургии Александру Александровичу присудили международную премию Лериша). Многотлетняя разлука с детьми и женой, с матерью и отцом, бессонные ночи, неустроенный быт, питание всухомятку, работа под вой сирен пикирующих бомбардировщиков, пронизывающий до ко-

стей холод и изнуряющая жара—и никакой помощи себе, ни минуты душевной расслабленности...

Что дает человеку силы пройти через все это и остаться в свои шестьдесят шесть лет молодым, крепким и собранным настолько, что люди втрое моложе безотчетно подтягиваются при нем?

Высокое чувство долга? Воспитание? Профессиональная честь? Строгая самодисциплина? Любовь к больным — без сантиментов, неподдельная?

Да, конечно... Но все это входит лишь составляющими в тот сплав, который образует характер настоящего хирурга, характер самой чистой пробы.

Тысячи сложнейших операций сделал Александр Александрович. Я присутствовал на одной из них — она производилась еще в старом корпусе института, в старой операционной.

На столе лежала худенькая маленькая девочка, истощенная до последнего предела. В истории болезни значилось, что ей пятнадцать лет, но на глаз было никак не больше десяти — результат долговременного кислородного голодания. Врожденный порок: в перегородке, разделяющей правую и левую половины сердца, имелось отверстие, и часть венозной крови переливалась из правого желудочка в левый, минуя легкие и таким образом попадая в чистую артериальную кровь. Чтобы девочка могла жить и стать нормально развитым человеком, надо эту дырочку зашить.

Двадцать человек хлопочут в операционной, обеспечивая нормальный ритм операции. Не пахнет кровью: операция идет на сухом живом сердце, а кровь пульсирует в герметически замкнутой системе прозрачных сосудов и трубок искусственного. На высоких, ступенчатых расположенных скамьях тихо сидят молодые хирурги — это для них полезнее любых занятий в институтских аудиториях.

В голову лезли банальные, затасканные нашим братом-журналистом сравнения и образы: вот, мол, идет бой за человеческую жизнь и тому подобное. Никакого боя не было. Просто Александр Александрович и его помощники спасали маленькую девочку. И все же, когда работа подошла к благополучному концу, я понял, почему один из космонавтов, однажды четыре часа наблюдавший здесь же подобную операцию, сказал, тяжело вздохнув: «Да, легче в космос слетать».

Александр Александрович вымыл руки и пошел в кабинет, который принадлежал до сорока восьмью лет его отцу, а теперь принадлежит ему, в кабинет, где стоят шкафы с книгами, широкий диван, большой стол, где на стенах висят охотничьи трофеи, а в клетках щебечут птицы.

Не так давно вступило в строй новое здание института — семнадцатизэтажное, бетонно-стеклянное, со светлыми палатами, прекрасно оборудованными кабинетами и лабораториями, с конференц-залом, в котором 600 врачей одновременно могут наблюдать на огромном цветном телеэкране за ходом операций. Институт, руководимый Александром Александровичем Вишневым, всегда был и остается на самых передовых позициях современной медицины. Потому здесь придается такое большое значение кибернетике, электронике, вычислительным машинам, использованию полимеров. Потому очень естественным выглядит здесь сложнейшее электронное устройство для телетайпной дистанционной диагностики, которое позволяет ученым институту в трудных случаях помогать врачам, находящимся за тысячи километров от Москвы, устанавливать точный диагноз и выбирать правильное решение.

И все же хочется повторить: да, методика и техника — очень важные вещи, но главное — ум, сердце и руки хирурга. Недаром Александр Александрович заметил по поводу открытия нового здания института: «Было бы нивно думать, что именно здесь-то и начнется все впервые... Тут будем продолжать работу, которую вели уже около четверти века в том старинном, на первый взгляд малопригодном для современной медицины здании. И задача наша главная остается прежней — развивать медицину, чтобы лучше помогать людям...»

**ЗА ЧТО
УВАЖАЮТ
ЧЕЛОВЕКА**

КОРЕНЬ ДОЛГОЛЕТИЯ

И. М. Зверев.

Фото Г. Артюшина.

Его можно встретить на улицах города Иванова: высокий, сутуловатый человек, с пышными усами, издали он чем-то похож на Горького. Встречные почтительно кланяются ему, а многие не без гордости добавляют: — А ведь я учился у него, его школу прошел!

Кто он, этот человек? Иван Михайлович Зверев — рядовой рабочий, 70 лет назад вступивший в партию большевиков, более шестидесяти лет отдавший слесарному делу и обучивший своей любимой профессии сотни юношей.

В ранние детские годы остался Ваня круглым сиротой. Судьба случайно забросила его в город «красных ткачей» — Иваново-Вознесенск. Здесь он устроился на работу в паровозное депо слесарем. Здесь же в 1902 году стал большевиком. В Иваново-Вознесенске у Зверева появилась новая фамилия — Полетаев: так требовала конспирация.

«Хорошо бы на всякий случай заполучить оружие», — подумал как-то молодой большевик. И на последние рубли купил популярный в ту пору смит-вессон.

В канун всеобщей стачки иваново-вознесенских ткачей, в мае 1905 года, Иван Михайлович присутствовал на конспиративном собрании. Приехал на это собрание и Михаил Васильевич Фрунзе. Там и познакомился. Позднее по поручению Фрунзе Полетаев не раз расклеивал на заборах прокламации, разносил их по хибарам ткачей, подбрасывал в поезда.

Однажды Фрунзе спросил Полетаева: — Послушай, друг, а ты смог бы ремонтировать револьверы?

— Я не только отремонтировать, могу и новый сделать, — ответил слесарь.

Это было ответственным поручением партии: Иван Михайлович чинил старые смит-вессоны и браунинги.

Как-то на конспиративное собрание большевиков нагрянула полиция. А у Ивана Михайловича в кармане лежала небольшая записная книжечка, в которой фиксировались

партийные взносы большевиков. Полетаев вспомнил о ней и вздрогнул: «Если найдут книжечку, то сам пропадешь и друзей под удар поставишь».

При обыске ничего не нашли. Но всех, кто был на собрании, арестовали. И, уже оказавшись в тюремной камере, Иван Михайлович измывал и проглотил книжечку. А вскоре за неимением улик его освободили.

В октябре семнадцатого вернулась к Ивану Михайловичу его настоящая фамилия. Теперь не надо было скрываться. Нахлынули другие, не менее сложные заботы.

...Город ткачей голодал. О хлебе рабочие могли только мечтать. Иван Михайлович по заданию партийной организации отправляется за продовольствием. А когда вернулся, снова подался в паровозное депо. Теперь главная забота у Зверева — молодежь. Он организовал школу фабрично-заводского обучения. Но не только профессиональным навыкам учил своих питомцев Иван Михайлович. Старый большевик учил их самому главному в жизни — быть гражданином, быть борцом за дело партии. Много лет отдавал он трудному делу — учить и воспитывать молодых.

Ныне Иван Михайлович — персональный пенсионер. Ему присвоено звание почетного гражданина города Иванова. Кстати сказать, разница в возрасте Ивана Михайловича и города — всего двенадцать лет. История жизни И. М. Зверева — в какой-то мере и история города славных революционных традиций.

Крепкая большевистская закваска в этом непоседливом человеке. То ему надо посмотреть, как работают бывшие ученики в паровозном депо, то выступить в школе, то ответить на письма юных следопытов. Так он и живет, солдат революции, ветеран рабочего класса, почетный гражданин города Иванова, для которого живительным корнем долголетия был и остается труд.

Николай МИХЕЕВ,
Геннадий ГОРБУНОВ

ДОРОГА — АВТОМОБИЛЬ — ВОДИТЕЛЬ

Письмо встретилося с письмом

В проблеме запасных деталей для легкового автомобиля крыло занимает особое место. Это в общем-то понятно: крыло — наиболее уязвимая часть автомобиля. Понтересуйтесь в автоматах, что часто спрашивают. «Крылья», — ответят вам. Поэтому-то мы с таким вниманием читали письмо начальника всесоюзного объединения «Союзстеклопластик» В. Катаева. Он сообщал, что объединение организовало выпуск крыльев для автомобиля «Волга-21», а сейчас осваивает производство запасных крыльев для «Москвичей». «В 1972 году выпуск стеклопластиковых крыльев для «Волги-21» осуществляется на восьми заводах отрасли. План производства — 30—35 тысяч штук. В текущем пятилетии производство стеклопластиковых крыльев будет расширено».

Далее в письме В. Катаева шли такие строки: «Заводы испытывают большие затруднения в реализации крыльев. Специализированными магазинами, а также станциями технического обслуживания стеклопластиковые крылья применяются в ограниченном количестве. В то же время нам известно, что крыльев в продаже нет».

Это уже плохо. Кто же выстраивает заслон на пути автомобильного крыла? Еду на Бакунинскую улицу, в московский магазин «Автомобили». Стеклопластиковые крылья стоят в торговом зале. «Особым спросом они не пользуются», — сказали мне.

Почему? Обращаюсь с таким вопросом в «Росавтотехобслуживание». Начальник этого объединения Э. Стараников сообщает:

— На многих станциях технического об-

служивания автомобилями стеклопластиковые крылья для «Волги-21» имеются. Однако сбыт их крайне затруднен. Владетель автомобиля неохотно приобретает стеклопластиковые крылья. Сложен монтаж — отверстия на крыльях часто не совпадают с отверстиями на кузове. Поверхность крыльев из стеклопластика требует толстого слоя шпаклевки, которая поэтому хуже держится. Да и краска на этом крыле не имеет такого глянца, как на металлическом. Случалось и такое: при пробеге 10—13 тысяч километров на стеклопластиковых крыльях появлялись трещины.

Вероятно, трудности сбыта стеклопластиковых крыльев в какой-то мере вызваны, — продолжает тов. Стараников, — и обстоятельствами чисто психологического порядка: недоверие автолюбителя к крылу, сделанному из заменителя. Но никак нельзя сбросить со счетов главное — технические несовершенства таких крыльев.

А вот что говорит по этому поводу заместитель министра торговли РСФСР С. Саруханов: «Недостаточно высокий спрос на стеклопластиковые крылья объясняется неудовлетворительным качеством их поверхности. И еще: их невозможно восстанавливать. Да и тому же и цена относительно высока».

Итак, крылья есть — крыльев нет! И совершенно очевидно, что советовать руководителям объединения «Союзстеклопластик» надо прежде всего не на торговлю и не на авторемонтную службу...

К. БАРЫКИН

«Женитьба». В. Демерташ — Кочкарев, Г. Орлова — Агафья Тихоновна и С. Свечников — Подколесин.

ВГИК-ЭКЗА

Н. АЛЕКСЕЕВА

Итак, выпуск первой республиканской студии состоялся! Четыре года назад преподаватели Всесоюзного института кинематографии во главе с народным артистом СССР В. Белокуровым приехали в Киев, чтобы отобрать на учебу в Москву двенадцать самых талантливых, на их взгляд, ребят из разных городов Украины.

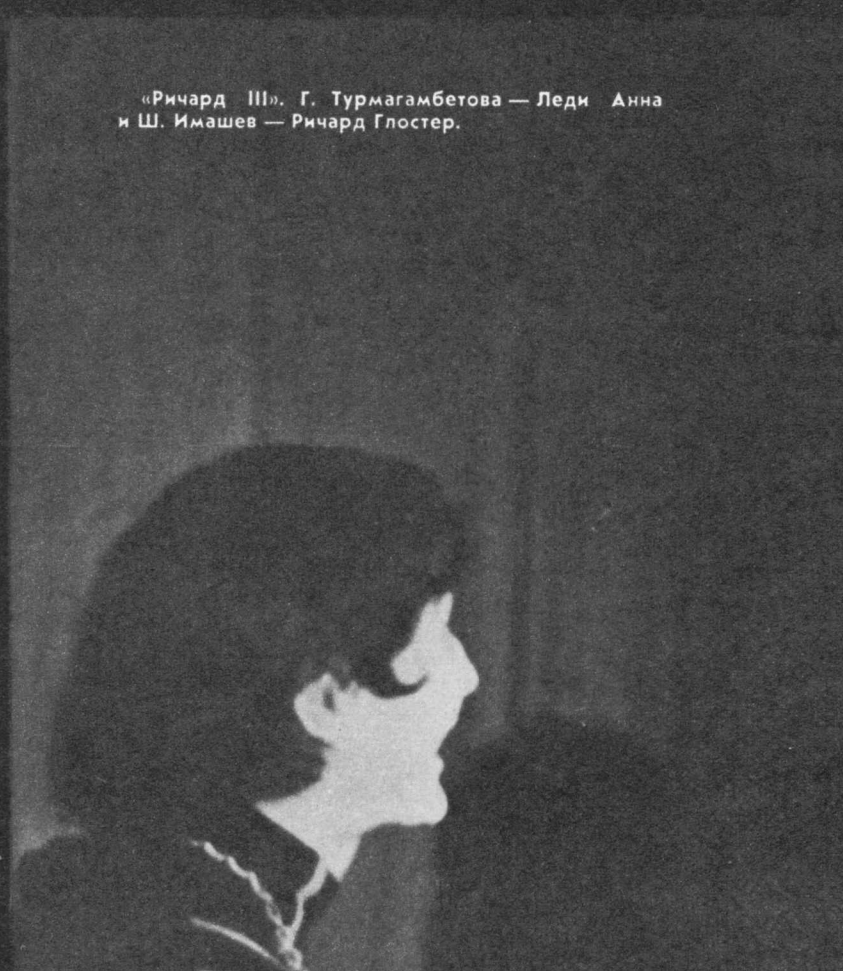
Годы занятий, экзаменов по актерскому мастерству; первых, больших и маленьких, удачных и не очень удачных ролей в кино... Время прошло быстро, незаметно. И вот Государственная экзаменационная комиссия при-

нимает у Белокуровской студии два дипломных спектакля — «Женитьба» Гоголя и «Ипполит» Еврипида. Да-да, это именно спектакли: во ВГИКе теперь недостаточно одних экранных работ... «Раньше мы готовили актеров кино. Сейчас это будут актеры и кино, и телевидения, и театра», — объясняют преподаватели.

После украинцев ВГИК набрал еще три студии: казахскую — ею руководит Борис Бабочкин, таджикскую — Сергей Бондарчук и белорусскую, с которой занимается Игорь Таланкин.

Республики заботятся о своих питомцах, помогают им. И, что самое главное, с нетерпением ждут их возвращения. Окончив московский институт, студийцы будут работать в театрах киноактера, специально для них подготавливаемых к от-

«Ричард III». Г. Турмагамбетова — Леди Анна и Ш. Имашев — Ричард Глостер.

В. Белокуров: «Да, выпуск украинской студии состоялся, но все волнения еще впереди...»

крытию в Киеве и в Минске, в Алма-Ате и в Душанбе.

Мы видели оба спектакля украинцев, мы побывали и на экзаменах актерского мастерства остальных трех студий.

Стояла жаркая погода, «испытания» проходили в небольших комнатках с неким подобием сцены, отгороженной от строгих педагогов самодельным занавесом. Несмотря на эту жару и тесноту, в комнатах всякий раз

было много народу. В первых рядах — сами экзаменаторы, сзади — студенты, притом не только той студии, которая сдавала экзамен. Так, у белорусов мы увидели студийцев из Казахстана: они переживали за своих друзей из Минска...

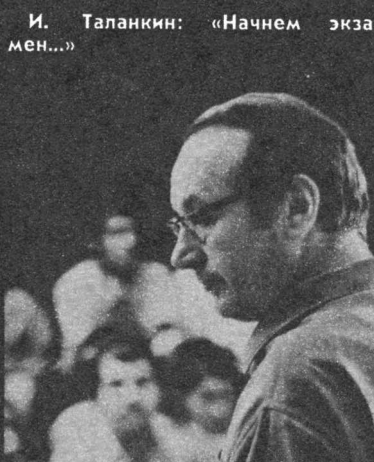
Быстро меняются декорации, чередуются отрывки из спектаклей... Шекспир, Толстой, Гоголь, О'Нил, Островский, Ауэзов — вот далеко не полный список авторов, чьи герои предстали перед нами в изображении студийцев.

Радует тут многое, и прежде всего — самостоятельность поисков начинающих актеров. Казалось бы, что нового можно открыть, например, в гоголевском Подколесине! А дипломник с Украины С. Свечников нашел это новое, необычное. Его Подколесин кокетлив, даже утончен... Или Хлестаков Е. Шинарбаева (Казахстан) — марионетка, которую будто кто-то все дергает за ниточки, настолько смешны, неожиданно резки движения...

Обо всех удачах, конечно, не расскажешь. Думаем,

Б. Бабочкин: «Ставлю вам «отлично», молодой человек!»

И. Таланкин: «Начнем экзамен...»

«Орфей спускается в ад». В роли Вэла студент III курса В. Грицевский.

что в скором времени кино- и телезрители будут наблюдать работы молодых актеров на экранах.

— Наши студийцы — народ своеобразный, серьезный и, как вы, очевидно, убедились, талантливый. Расставаться с ними жалко, но

важно одно: кинематограф Украины, Казахстана, Белоруссии и Таджикистана пополнится интересными актерами... — вот что говорили и руководители и старшие преподаватели четырех республиканских студий ВГИКа.

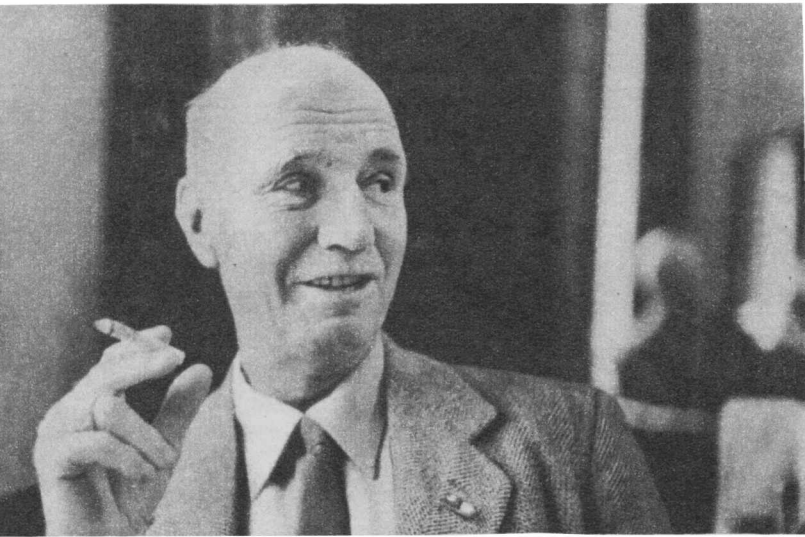
МЕНЫ

И. Скобцева и С. Бондарчук принимают экзамен у своих студийцев из Таджикистана.

Фото К. КАСПИЕВА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА, А. ГЕРШБЕРГА.

РОКУЭЛЛ КЕНТ-

ЧЕЛОВЕК И ТВОРЕЦ

А. ЧЕГОДАЕВ,
доктор
искусствоведения,
профессор

Меня всегда поражали и привлекали в сложном характере Рокуэлла Кента две черты, определявшие, как я думаю, самое главное существо его жизни и его творчества.

Одна черта—это ненасытная жажда жизни, пламенная и бурная влюбленность в жизнь — в природу и людей, стремление испытать жизнь во всех ее многоликих превращениях, ничего не страшась, не пугаясь ни трудностей, ни опасностей. Именно эта страсть все узнать, все увидеть, все сделать самому побуждала его без конца странствовать по свету, не один раз пересечь всю Америку и всю Европу, забираться в своих плаваниях на самые дальние концы земли — то на крайний север Гренландии на крохотной шхуне сквозь рифы и мели пролива между Ньюфаундлендом и Лабрадором и забитый айсбергами Дэйвисов пролив, то на самый отдаленный юг Южной Америки, где он на лодке плавал вокруг мыса Горн. Друг Кента поэт и историк литературы Луис Унтермейер как-то попробовал перечислить все профессии, специальности, какими Кент увлекался в своей жизни, и насчитал их полтора десятка, но можно было бы добавить еще столько же и все равно не исчерпать его редкостную многосторонность. Конечно, прежде всего он был художник: живописец, рисовальщик, гравер-ксилограф, литограф, книжный иллюстратор, монументалист, плакатист, карикатурист, скульптор, керамист, архитектор. Но ведь несколько не меньшую роль в творчестве Кента играла его литературная деятельность — он был прекрасным писателем, и мне кажется, что до сих пор не оценено в справедливой мере его место в американской литературе двадцатого века (не так уж часто являются на свет такие яркие, самобытные и вдохновенные книги, как «Дикий край» или «Это мое собственное»). Когда было нужно, литературный дар Рокуэлла Кента превращался в дар памфлетиста и политического оратора в защиту Сакко и Ванцетти, или в поддержку революционной Испании 1936—1937 годов, или в защиту мира и добрых отношений между народами. А наряду с художественным и литературным творчеством Кент бывал и моряком — матросом, штурманом, корабельным коком, — и плотником, строившим собственноручно все дома в своих дальних странствиях, и фермером, разводившим породистых коров (правда, Кент шутил, что «должен зарабатывать деньги, чтобы содержать своих коров»), и т. д. При этом все, что он делал, он делал высокопрофессионально, с полным знанием дела и настоящим мастерством.

Второй основной чертой характера Кента была его простосердечность, прямота, полная неспособность как-либо мириться с любой фальшью, любой позой, даже порой неспособность верить, что ложь и нечестность могут существовать на свете. Именно эта непримиримость ко всему низменному, противному естественной человеческой природе привела Кента к непреклонно принципиальной борьбе против войны, против любого угнетения человека человеком, побудила его уже с молодых лет восставать против социальной несправедливости и с ходом лет стать одним из самых деятельных и самых авторитетных борцов за мир. Именно эта душевная чистота наполнила такую искренностью, бесстрашной откровенностью, честной прямоотой все его книги, неприкрашенно автобиографические, где в высокие поэтические ценности всегда была переплавлена простая и подлинная жизненная правда.

Из соединения двух драгоценных человеческих качеств мог возникнуть только прекрасный и благородный сплав, сделавший Кента удивительным, необыкновенным и обаятельным для всех, кто с ним встречался, надежным, верным другом для тех, кто узнавал его более близ-

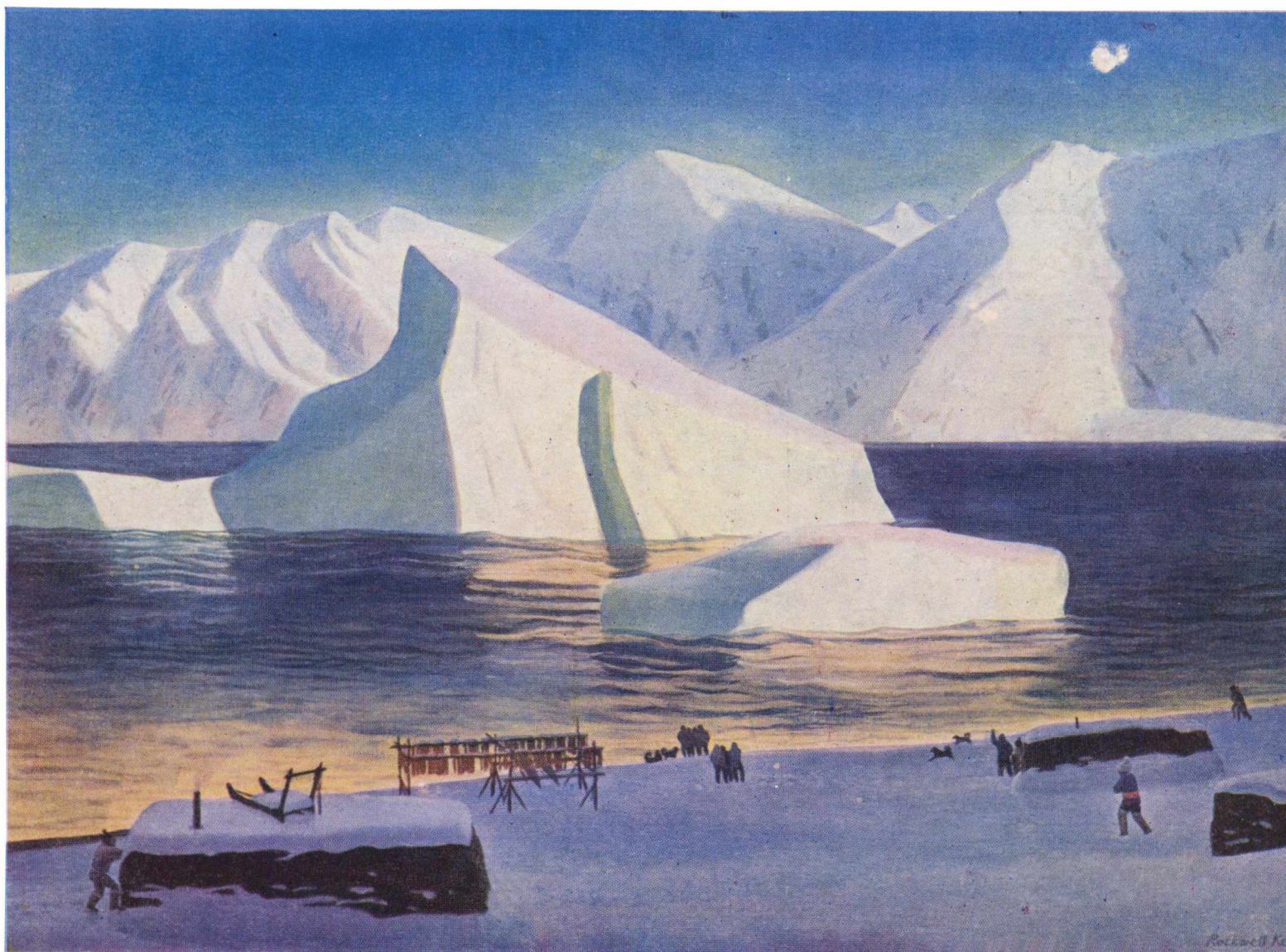
ко. Характер такого рода не совсем обычен. Все мы привыкли к тому, что двадцатый век дал не виданный никогда ранее расцвет точного, рационального, логического мышления, безбрежный поток всеохватывающих и в то же время бесконечно специализированных знаний, под воздействием которых исчезло множество прежних (иногда очень древних!) тайн, загадок, фантазий, иллюзий; сознание человека XX века затопила волна гениальных открытий, небывалых изобретений, глубочайшего анализа реально существующей истины и великих обобщений. К сожалению, рядом с этим миром Альберта Эйнштейна, Нильса Бора, Лайнуса Полинга вырос малопривлекательный мир прозаического практицизма, делачества, обывательской ограниченности — мир, ставший тормозом и помехой подлинному прогрессу человечества. Но тогда на помощь великим ученым неожиданно явились люди, как будто совсем не типичного для XX века склада: романтики с «нелогичным» (с обывательской точки зрения) мышлением и «нелогичным» поведением, эмоциональные, вдохновенно взволнованные искатели приключений, а точнее, искатели простой, естественной жизни среди нетронутой, естественной природы, наследники идей Жан-Жака Руссо о «естественном человеке», с душой, открытой всему миру, с ненадуманым и действенным гуманизмом. И, вероятно, по особенно резкому контрасту со слишком широко распространившимся прозаизмом и делачеством душевно инертной части человечества XX века эти причудливые и ничем не скованные романтики закономерно оказались всеобщими любимцами, людьми, вызывающими к себе не одно лишь недоумевание, но, наоборот, самое бережное, самое восхищенное, самое влюбленное отношение. Таким был Антуан де Сент-Экзюпери, таков Тур Хейердал, таким был доктор Швейцер.

В ряду этих имен по праву может стоять и имя Рокуэлла Кента. Лучшие качества таких людей — это и его качества: бесстрашие, бескорыстие, вера в человека, непреклонная убежденность в торжестве подлинной человечности, а главное, глубокая и бескомпромиссная антибуржуазность, враждебность буржуазным понятиям, взглядам, вкусам и поведению... Но у Кента (как, впрочем, и у многих других людей, на него похожих) все эти душевные свойства получили совершенно определенное политическое заострение. Кент был социалистом в те времена, когда социализм только что впервые появился в Америке. Он был соратником Дебса, он участвовал в американских коммунистических газетах и журналах, он был в Стокгольме на Конгрессе сторонников мира и был одним из авторов прославленного Стокгольмского воззвания. Он стал председателем американского Национального комитета американско-советской дружбы, он стал лауреатом Ленинской премии мира. Рокуэлл Кент занял самое почетное место в рядах борцов за мир и дружбу между народами — в этой бурной, ни на миг не прекращавшейся деятельности на благо человечества его не смущали ни возраст, ни болезни, ни огорчения, ни враждебные выпады, ни бойкот и замалчивание его имени и его искусства. Если у него — с точки зрения буржуазных понятий о пользе — не было никакой «логической» причины и надобности, скажем, жить два года в сложенном из кусков льда доме среди эскимосов залива Мельвилля, где-то на краю света в Северной Гренландии (как не было такой причины и у Хейердала в его плавании на «Кон-Тики» или у Швейцера, забравшегося в самые глухие дебри Африки, чтобы лечить живущих там негров!), то нет сомнения, что такая подчеркнута демократическая и подчеркнута человеческая романтика оказалась у Кента в полной гармонии с его общественной и поли-

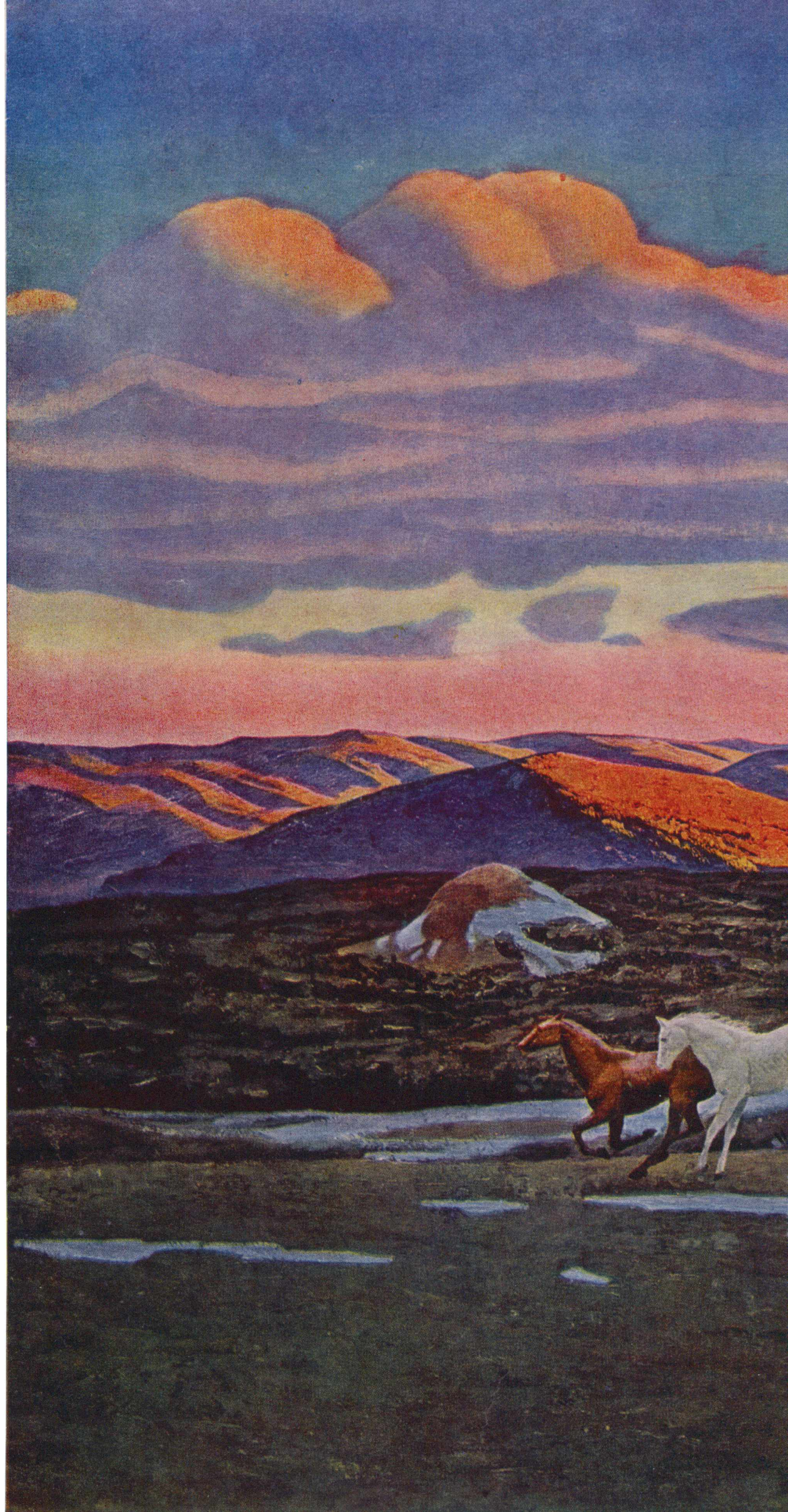

Рокуэлл Кент (1882—1971). ГРЕНЛАНДЦЫ.

НАЧАЛО НОЯБРЯ. СЕВЕРНАЯ ГРЕНЛАНДИЯ.

Рокуэлл Кент. Весенняя лихорадка. Беркширские холмы в Массачусетсе.

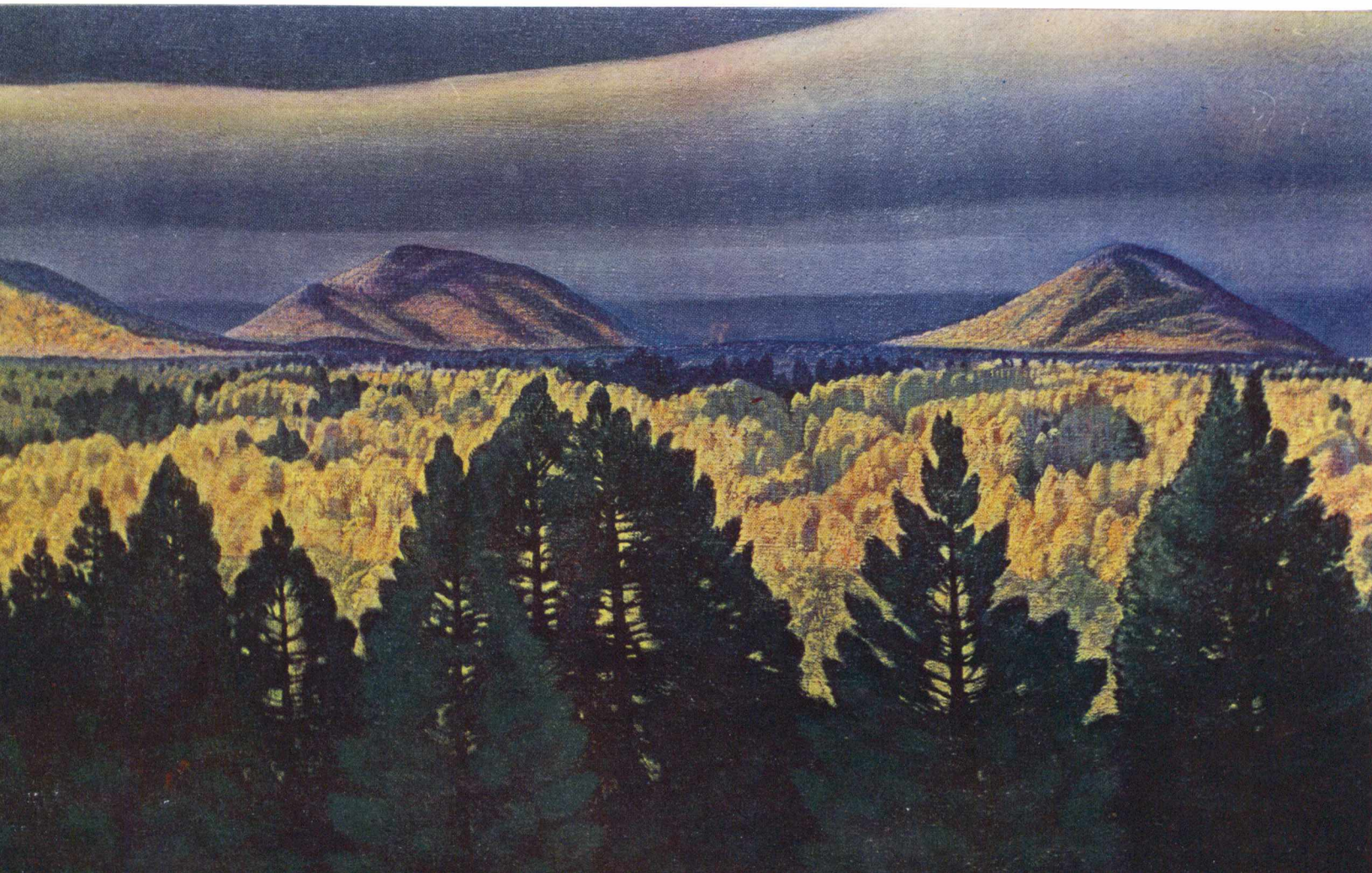

Рокуэлл Кент. КАЯКИ.

АДИРОНДАКСКАЯ ОСЕНЬ.

тической деятельностью, не только ей не противореча, но лишь озаряя ее особенной душевной яркостью.

Во всяком случае, из этих свойств человеческой природы Кента родилась и выросла простота и ясность его величественного и человеческого искусства, доступного каждому зрителю, а не замкнувшегося в узком и отрешенном от всего живого мире абстрактного воображения, не хотящего снизойти до радостей и бед человечества и красоты реальной природы. В американском искусстве двадцатого века живопись и графика Кента стали важным звеном большой реалистической традиции, идущей от великих мастеров конца XIX века — Томаса Икинса и Джеймса Уистлера к Роберту Генри, Джорджу Беллоузу, Эдварду Хопперу, Эндрью Уайесу. Художников этого круга много, и с каждым десятилетием их становится все больше, хотя до сих пор многие воображают и стараются внушить другим, что самое главное и самое оригинальное, что дало американское искусство XX века, — это абстрактный экспрессионизм, не имеющий решительно ничего общего ни с художниками такого рода, как Кент или Уайес (несомненно, самый большой и самый значительный реалистический мастер современной Америки!), ни с реальным мирозданием вообще. Десяток лет назад мне пришлось высказать свои взгляды на ход и смысл развития американского искусства в нашем веке не кому иному, как самым убежденным и авторитетным апологетам абстрактного искусства: известный американский общественный деятель и издатель Норман Казенс устроил мне, моей жене и Д. А. Шмаринову — трем причастным к искусству членам делегации, приехавшей в США в связи с 30-летием установления дипломатических отношений между СССР и США, — встречу с ведущими художественными критиками Нью-Йорка и редакторами художественных разделов крупнейших нью-йоркских газет и журналов. На их вопрос, что я считаю самым важным и интересным в современном американском искусстве, я изложил те соображения о реалистической линии американского искусства XX века, о которых упомянул раньше, — о линии Беллоуза — Хоппера — Уайеса; они решительно отвергли такое «отсталое» мнение, гордые сознанием своего бесконечного превосходства надо мною, а столь высоко ценимого ими абстрактного искусства — над реалистическим, с их точки зрения, абсолютно устаревшим. Но эти знатоки оказались плохими пророками: они не могли предвидеть, что, например, на выставку Уайеса, не так давно обошедшую крупнейшие американские города, очередь будет стоять на несколько кварталов, что с огромным успехом пройдут выставки не только старших мастеров — Хоппера или Рафаэля Сойера, — но и молодых приверженцев реалистического искусства — вроде, например, тонкой и привлекательной художницы Эдриен Раппин. Кент тоже дождался своего часа, устроив совсем незадолго до своей смерти выставку в одном из пригородов Нью-Йорка и узнав успех, которым его обходили еще не так давно.

Я рад, что к Кенту пришло признание на его родине, которую он так любил. Но не меньше я рад тому, что у нас он получил это признание сразу, как только его картины впервые появились пятнадцать лет тому назад на выставках в Москве и Ленинграде, а затем и во множестве других городов, вплоть до Красноярска и Иркутска. Работы Кента видели миллионы зрителей, общий тираж его книг, переведенных на русский язык, и книг с его иллюстрациями подошел уже к двум миллионам экземпляров (если не превысил уже эту цифру!), и как художник и как писатель он нашел самое благодарное и признательное внимание.

Так и должно было случиться с этим простым, красивым, подлинно монументальным искусством, в котором величественная северная природа предстает перед зрителями не как что-то далекое, отчужденное от всех человеческих чувств и стремлений, а, напротив, как гармоничная и благожелательная к человеку опора его деятельности. Даже, казалось бы, вовсе не уютная и не приветливая Гренландия, покрытая сплошным ледником и окруженная холодным океаном, своими грандиозными просторами и суровой величавостью только лишь особенно внушительно оттеняет бесстрашие и героизм людей, живущих и работающих в таком забытом богом месте. Многие самые лучшие картины Кента, написанные им во время путешествий в Гренландию, хранятся в советских музеях: в Музее изобразительных искусств имени Пушкина — «Художник в Гренландии», «Прибытие почты», «Собаки в фиорде Кангердлуарссук», «Ноябрь в Северной Гренландии» и другие, в Государственном Эрмитаже — «Мертвая тишина», «Охотник на тюленей», «Гора, отражающаяся в воде» и т. д. Но столь же монументальны и строги и пейзажи Аляски или Огненной Земли, острова Монхенгана или прекрасных Адирондакских гор, где Кент провел большую часть своей жизни («Река Осэйл зимой», «Салли верхом на лошади» и другие).

Если от этих картин Кента веет эпическим покоем, то весь его бурный темперамент выливается в его графике, полной то драматического напряжения, резкого столкновения человеческих страстей, то лирической нежности, то безудержного гротеска. При всей своей серьезности Кент был очень склонен к шутке и даже к озорству. Я не могу забыть забавный эпизод из первой моей встречи с Кентом в 1958 году: поздним осенним вечером мы поехали с ним в Пахру, к художнику Оресту Верейскому, и пока мы сидели за ужином, наша машина глубоко ушла в мокрую болотистую осеннюю землю; шофер никак не мог вывести ее из трясины, и тогда Кент взял на себя командование, и под его возгласы «Хелло, бойс!» мы, четверо этих «бойс» («парней» или «молодцов»), то есть Кент, я, Верейский и Горяев, после нескольких дружных усилий выкатили, наконец, машину на прочную землю. Можно было подумать, что смеющемуся Кенту было тогда двадцать лет, а не семьдесят шесть. За пятнадцать лет постоянных встреч с Кентом я ни разу не видел его унылым и мрачным: он всегда словно источал из себя солнце.

Таким, я думаю, он и войдет в память людей, полным ответственною за судьбы человечества и в то же время полным деятельной воли, не знающим ни усталости, ни неверия, ни разочарованности в своих высоких целях.

Оскар ФЕЛЬЦМАН,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Юрий Васильевич Силантьев.

Фото Е. Умнова.

НАШИ ОБЩИЕ ЛЮБИМЦЫ...

Глубокое, вдохновенное исполнительское мастерство дает художнику популярность. И это явление прекрасное, ибо завоевать любовь, уважение миллионов ценителей музыкального искусства, особенно эстрадного, очень и очень трудно. Для этого нужно быть музыкантом предельно искренним, душевным. Нужно остро чувствовать пульс времени и взволнованно говорить о жизни языком музыки... Такое исполнительское творчество всегда бывает тесно связано с народом, с его душевными запросами.

Вот такую завидную популярность завоевал большой музыкальный коллектив: эстрадно-симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения, художественным руководителем которого уже много лет является народный артист РСФСР Юрий Силантьев.

Оркестр был организован в 1945 году. Сперва им руководил отличный музыкант Виктор Кнушевицкий, мастер легкой музыки. В дальнейшем за дирижерский пульт вставали С. Самосуд, Н. Аносов, Г. Столяров... И вот уже полтора десятка лет Юрий Силантьев — талантливый, широко образованный музыкант, обладающий тонким ощущением стиля, человек темпераментный и бесконечно трудоспособный — вырабатывает у коллектива почерк, во многом определяющий советский стиль исполнения легкой музыки и песни. Высокое исполнительское мастерство, безупречный художественный вкус, увлеченность — характерные черты этого всем известного оркестра.

Для того, чтобы лучше понять, какую огромную нагрузку несет коллектив, я думаю, нужно побывать не на концерте, где всегда все идет блестяще, а на репетициях, где «делается» музыка, где шлифуется каждый исполнительский нюанс, где работа идет в каждой группе оркестра, с каждым музыкантом отдельно...

Дирижер сумел создать в

оркестре интересную, подлинно творческую атмосферу, установив тесный дружеский контакт с выдающимися композиторами страны. В программах звучат произведения Т. Хренникова, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, В. Соловьева-Седого, Д. Кабалевского, А. Пахмутовой, А. Петрова, А. Бабаджаняна, С. Туликова, Э. Колмановского... Часто встречаются на концертных афишах названия произведений И. Дунаевского, Б. Мокроусова, А. Островского, написанных в свое время специально для оркестра...

Но Ю. Силантьев не ждет, когда композиторы принесут ему новые произведения. Он всегда в поиске. Его фантазия часто подсказывает замыслы сочинений композиторам. Поэтому оркестр еще можно назвать и такой исполнительской лабораторией, где непрерывно идет поиск нового, интересного в области массовых музыкальных жанров. Инструментальный состав оркестра, кстати сказать, дает для этого весьма большие возможности. Игру солистов, таких, к примеру, как И. Бендерский (концертмейстер оркестра), Т. Геворкян (саксофон), М. Зенюк (труба), Г. Карась (флейта), П. Изотов (рояль), А. Кузнецов (гитара), можно характеризовать как исполнительство высшего класса, где техническое мастерство сочетается с чутким проникновением в творческую идею автора музыки.

С оркестром под управлением Юрия Силантьева выступают широко известные артисты: Людмила Зыкина и Муслим Магомаев, Георг Отс и Эдуард Хиль, Юрий Гуляев и Иосиф Кобзон, Артур Эйзен и Валентина Левко...

Это опять же общие любимцы. Их ждут всюду. И все уже привыкли, что ни одно замечательное событие в нашей жизни не остается без участия оркестра. Оркестр сложился, живет и выступает как воспитатель чувства прекрасного, хорошего вкуса в эстрадной музыке.

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Переводы Владимира СОЛОУХИНА.

Георгий ДЖАГАРОВ

ТЫРНОВГРАД

Повадки времени грубы:
Стереть и все начать сначала.
Ты отзвук, эхо той трубы,
Что на холме твоём звучала.

Как провожают в бой, обняв
(Девичей грудью — о доспехи!),
Так Янтра льется по камням,
Обручена с тобой навеки.

В тебе есть нечто, Тырновград,
Что время сгладить не сумело.
Подковы по мосту стучат,
Глядят бойницы, свищут стрелы.

Царевец¹ собирает рать,
И время, звякнув стремями,
Вручает Тырнову опять
Святое тырновское знамя.

Полки все гуще, все темней,
Им нет числа, им нет и края...
Держу в ладонях горсть камней
И плачу, слез не вытирая...

ЖАЖДА

Я знаю, не минует смерть меня,
Но буднично, уныло не хотел бы...
Не с бруствера, не с танка, не с коня —
Сползет со стула умершее тело.

Придут друзья. Не могут не прийти,
Погоревать, печалью поделиться.
Один возьмется речь произнести,
И кое-кто слезу смахнет с ресницы.

А я, сложивши руки на груди,
Потом один останусь и услышу:
Течет все так же время и гудит,
Но только где-то в стороне и выше.

Как, без меня? Цветы, весна, вода?
И за эпохой новая эпоха?
Неужто сил не хватит и тогда
Для злого — нет, для яростного вздоха?

Ну, хорошо. Не быть уже с людьми,
Уже к губам любимым не тянуться,
Не пить, не пить. Но, черт меня возьми,
Хотя б в гробу своем перевернуться!

Блага ДИМИТРОВА

УЛЫБКА

Что нужно миру? Мужество нужно.
Слова, в которых дерзость бы звучала.
И дело, чтоб по дерзости оно
Словам произнесенным отвечало.

Что нужно миру? Женственность нужна.
Одна улыбка, тронувшая губы,
Чтобы будила мужество она,
Когда слова беспомощны и грубы.

¹ Царевец — холм в Тырнове, где стоял царский дворец.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Дерево,
Выкормленное солнцем,
Похожее на зеленое облако,
Срублено топором.

Путем сложнейших
Фабрично-химических операций
Оно превратилось в лист бумаги,
На котором можно писать пером.

На этом листе я пишу про дерево,
Похожее на зеленое облако,
Выкормленное солнцем
И срубленное топором.

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Быть женщиной больно.
В объятьях любимого — больно.
И матерью сделаться — больно.
Любимый уходит — о, больно!
Ребенка теряешь — да, больно.
Сирот оставляешь — как больно.
Вдовой остаешься — все больно.

И все же больнее всего
Без боли прожить,
Не изведав их все до одной,
Спокойно прожить и довольно.

Вот это — действительно
Больно!

ПЕСОК

Бегу по песку. В мои сандалии
Набивается белый, мелкий песок.

Останавливаюсь на минуту — вы угадали, —
Вытряхиваю из обуви белый,
мелкий песок.

Вновь бегу по песку, убегаю вдаль я,
Где с небом сливается белый, мелкий песок.

Добегу до того предела, до края,
Где сама превращусь в этот белый,
мелкий песок.

Остановлю того, кто следом бежит, играя,
Чтоб он вытряхнул из сандалий белый,
мелкий песок

Лиляна СТЕФАНОВА

БОЛГАРИЯ

Века скрывала все, что было,
Ты от чужих, враждебных глаз —
Очарованье,
Гордость,
Силу,
И красоту свою таила,
И гнев,
И мужества запас.

Белые церкви глубоко сокрыты в земле.
Белые кости глубоко сокрыты в земле.
Белые вина глубоко сокрыты в земле.

Да, в земле.
От нечистого жадного взгляда
Все укрыть и не выдать —

Ни танец, ни песню, ни стон.
Украшенья из золота,
Книг родниковую мудрость
И рядом
В полумраке сиянье бесценных икон.

А походку, а легкость —
Как выдать ее янычарам?
В неуклюжих одеждах
Погрести
Соблазнительный девичий стан!
Голос сделать глухим,
Чтобы нежности в нем не звучало,
Чтоб на белую шею
Не бросился грубый аркан.

За оградой ограду
Ты много веков поднимала,
Чтоб от внешнего мира
Себя оградить и спасти.
Но, родная моя,
Та глухая пора миновала,
Выходи на свободу,
Красоты не скрывая,
Цвети!

Пусть открытыми будут
И песни, и души, и лица,
Улыбаются губы,
Расцветают цветы.
Никогда не придется
Сгибаться,
Скрываться,
Таиться.
Да, свободу свою
Заслужила, Болгария, ты.

РЕКИ

Реки,
Вы, что безбрежны,
И вы, что гремите камнями,
Голубая вода, золотая вода
И седая вода.
Я гляделась в вас, реки,
Вас касалась босыми ступнями,
Вы частицу тепла моего
Унесли неизвестно куда.

Почему вас люблю?
Потому что щедры и могучи.
Вы меня научили, не ведая сами того,
Отражать в себе небо,
Носить в себе солнце и тучи
И в объятьях,
Так плавно и сладко,
Дорогого качать моего.

А еще вы меня
Научили тому, что дорога
Далека-далека
И вполне неизбежна она.
Буду течь широко,
И дарить, и расплескивать много
Глубины, что темна,
И волны, что светла и вольна.

То лепечет вода,
То молчит тяжело и серьезно,
Но дорожке других
Мне наука одна дорога —
Половодьем вскипать,
Становиться безумной и грозной,
Выходить из своих берегов,
Подмывать и крушить берега!

Новелла ЦВЕТКОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

Семеро мужчин — болгарин, поляк, венгр, немец, румын, русский и чех — вот уже два года живут и работают в Германской Демократической Республике, в городе химиков Галле. Все, что можно прочесть об этом городе в путеводителях и энциклопедии, я пропускаю, так как они бессильны объяснить, что такое «Интерхим» и как он оказался в этом городе. А семерка, о которой пойдет речь, и шагу не делает без ведома «Интерхима».

Начинать пришлось с поисков телефонов «Интерхима». Номер 88 401 в Галле неожиданно отозвался по-русски:

— Вилесов слушает!

Объясняя, что меня привело в Галле, и заместитель директора правления «Интерхима» Геннадий Иванович Вилесов тут же приглашает во владения этой организации.

Владения занимают всего один этаж в новом, современном здании в центре города. Все двери на этом этаже украшала латинская буква «J».

— Это наш родовой герб, — шутиливо начал свой рассказ Геннадий Иванович. — А вот тут, — он положил на стол объемистую, отпечатанную на ротаторе книгу, — наша «фамильная хроника».

Хроника называлась весьма прозаически — «Баланс производства и потребления красителей». Я листала ее страницы, сплошь зашифрованные колонками цифр, ожидала пояснений, и вдруг...

— Скажите-ка, что такое, по-вашему, река?

Выслушав мой ответ, Вилесов покачал головой.

— Река — это поток пресной воды, передвигающейся посредством силы тяжести от верхних частей поверхности к нижним, — назидательно произнес он и улыбнулся. — Так написано в специальных учебниках, но для меня лично река — это утренняя тишина и поплавков на воде. Вот так и о нашем объединении можно сказать по-разному. Можно так: здесь прогнозируют модные цвета одежды на много лет вперед. Ну, а если по всем правилам, то «Интерхим» — международная отраслевая организация по сотрудничеству в области малотоннажной химической продукции.

И Геннадий Иванович показал мне соглашение о создании этого необычного международного объединения химиков. Оно было подписано три года назад в Москве уполномоченными правительствами шести социалистических стран. Впоследствии к «Интерхиму» присоединилась Румыния.

Итак, цель организации. «Наиболее полное удовлетворение потребностей всех договаривающихся сторон в малотоннажной химической продукции путем использования преимуществ международного разделения труда, расширения и углубления экономического и научно-технического сотрудничества между ними на основе добровольности и соблюдения взаимных интересов», — написано в документе.

Город химиков Галле.

Фото ТАСС

СЭВ В ДЕЙСТВИИ

В ГОСТЯХ У «ИНТЕРХИМА»

К малотоннажной продукции относятся синтетические красители и вспомогательные вещества для кожевенной, бумажной промышленности, химические средства защиты растений. Но почему именно этот вид продукции заставил химиков объединиться?

— Знаете, сколько всего существует ее наименований? — вопросом ответил Вилесов. — Почти десять тысяч! Как организовать ко-

оперативное производство? Тут «Интерхим» и приходит на помощь. Заключение соглашения с СЭВ, это международное объединение выполняет его задания. Например, год назад он поручил нам дать такой прогноз: как в следующую пятилетку будет развиваться производство красителей в странах СЭВ? Сегодня мы уже знаем это, и тут заслуга наших специалистов из сектора красителей. Да,

да, это та самая семерка, которой вы интересуетесь.

Обыкновенная комната тесно заставлена канцелярскими столами. Из-за столов встают сотрудники.

— Хладек Братислав, раньше работал на химическом комбинате в Усти-на-Лабе.

— А я из Варшавы — Адам Лях!

— Герхард Шмидт — тоже, конечно, химик. Прежде работал тут

неподалеку, на химическом комбинате Биттерфельд.

— Еленков Георгий, болгарин...

— Мохачи! Пауль Мохачи из Венгрии.

Двух обитателей этой комнаты — моего земляка и представителя Румынии — не оказалось на месте.

— А вы считайте, что нас семеро, — предлагает Хладек. — Это не будет ошибкой, ведь мы тут одна семья. У нас даже свой «интерхимовский» язык. Это такой коктейль из русских, польских, чешских, болгарских, немецких, венгерских и румынских слов, разбавленный химическими формулами.

...Представьте себе на мгновение, что из мира привычных, окружающих нас вещей вдруг исчезли все краски. Чулки и костюмы, ковры и зонтики, шляпы и гардины, пальто и галстуки — вся эта ставшая белой вереница знакомых предметов в один миг изменит и наше настроение и нашу работоспособность.

Тысячами незримых нитей связаны мы с химией. Мы носим одежду, сотканную стальными шелкопрядами из угля, азотной кислоты, этилена и других соединений, необходимых для производства полиэфирных волокон. Химия позаботилась и о том, чтобы из невзрачного сырья получились сверкающий, разноцветный шелк, пушистая шерсть, эластичная кожа.

Полторы сотни лет назад химик из Тюрингии открыл способ получения искусственного красителя. Спустя всего тридцать лет после его открытия искусственные красители практически вытеснили из промышленности природные краски, и сегодня их в ходу на мировом рынке более пяти тысяч. «Неужели так много? — удивитесь вы. — Почему же тогда выбор расцветок тканей, которые мы покупаем, далеко не всегда радует нас?»

Не спешите обвинить в этом химию! Беда в том, что аромат ее «цветка» с пятью тысячами лепестков не в состоянии «вдохнуть» промышленность какой-либо одной страны. Приходится, выбрав только самый необходимый ассортимент красителей, осваивать их производство, прикупая недостающие на мировом рынке за высокую валютную цену.

А для того, чтобы создать свои красители на уровне мировых стандартов, нужна большая мощность химических заводов. Давным-давно известно, что любому

предприятию выгодно работать на полную мощность и производить как можно больше товаров, будь это автомобили или красители. Но куда же тогда девать избыточную продукцию? Ответ в «фамильной хронике», составленной семеркой из «Интерхима»: ГДР произвела 320 тонн чисто голубого красителя. Из них 132 тонны возьмет Польша, 15 тонн — Болгария и еще 20 тонн — Чехословакия. Вот и все излишки! Страны-друзья договорились сообща, в кооперации производить нужные красители. Тогда никто не будет дублировать друг друга. Тогда мощнее будут заводы, а значит, расцветка наших платьев и костюмов будет куда разнообразнее, чем сегодня.

Семеро химиков, посланцы семи стран, целый год кропотливо собирали каждый в своей стране подробнейшую информацию о красителях и их потреблении. Киевский вычислительный центр помог им «переварить» эти материалы. За это же время дважды — в Иванове и Карл-Маркс-Штадте — химики собирались на консультацию с представителями легкой промышленности. И вот он уже написан, первый том «фамильной хроники». Я прошу прокомментировать его директора правления объединения «Интерхим» Карла Шпургата:

— За короткий срок проделана серьезная работа: составлен баланс потребностей, а также производственных мощностей по выпуску ряда изделий. Имея в руках такой инструмент, как баланс, «Интерхим» получает возможность активно влиять на развитие химической промышленности братских стран, помогает координировать народнохозяйственные планы. Комплексную программу, принятую в прошлом году, мы уже начали осуществлять. К середине следующего года мы дадим всем странам прогнозы на следующую пятилетку. А через год мы будем иметь столько информации, что ни одна страна, входящая в наше объединение, не сможет обойтись без совета «Интерхима», иначе они будут строить заводы «вслепую», то есть себе в убыток. Вот конкретный пример: ГДР недавно внесла предложение расширить производство красителей на заводе в Биттерфельде, но каких именно, это подскажет им наше объединение.

— Ну, а дальше? Каким видится вам будущее международного объединения химиков стран — членов СЭВ?

— Думаю, что в будущем начнут строить совместные заводы, организовывать совместную покупку и продажу их продукции. Я убежден, что в дальнейшем специализация перейдет от малотоннажной химии к многотоннажной. А это значит, что наши страны станут еще богаче и люди будут жить лучше. Потому что все, что страны — члены СЭВ сообщают, должно служить и будет служить человеку.

Галле — Москва.

В руках у девушки с нефтехимического комбината «Словнафт» продукция, которая тоже имеет отношение к «Интерхиму». Одно из крупнейших предприятий ЧССР, работающее на советском сырье, выпускает новые пластмассы, моющие средства и т. д. Фото ЧТК — ТАСС.

Ник. ГРОМОВ

ЖИВОЙ СТАНИСЛАВСКИЙ

Эти тома читаешь как теоретический труд, отвечающий на вопросы первостепенного значения для развития драматургии и театра наших дней, и как образцы высокой острой публицистики, темпераментной защиты сценического реализма, народности, идейности, гражданственности... Можно смело утверждать еще и то, что перед нами разворачивается своеобразный психологический роман в письмах и документах — настолько выпукло, ярко предстают люди. И какие люди!.. Глубокой благодарности заслуживает труд И. Виноградской, подготовившей к изданию четырехтомник «Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись» (ВТО).

Об этой летописи и идет речь. Издание преследует вроде бы скромную цель — отразить жизнь К. С. Станиславского по дням, месяцам, годам... Но сама жизнь была такова, что встают за ней не только явления чисто театрального порядка, специфические взаимоотношения режиссеров, актеров и драматургов... За великой личностью гениального реформатора сцены нам в особом ракурсе видна предревлюционная Россия, готовая к свершению самого решительного поворота в судьбах человечества...

Люди разных поколений зачитываются бесмертной книгой К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». К большому сожалению, она, как и собрание сочинений в восьми томах, стала ныне библиографической редкостью. Кроме того, в книге «Моя жизнь в искусстве» Константин Сергеевич был беспощадно самокритичен, и, честно говоря, по ней может создаться представление о Станиславском — режиссере и актере, — не совсем точно отвечающее действительности. Часто там встречаешь строки: «роль мне не удалась», «удалась не в полной мере» и т. д. Причина таких сдержанных, суровых оценок — в необыкновенно высокой требовательности к себе, в чрезвычайной возвышенности идеала, к которому стремился художник...

В «Летописи» же приводятся красноречивые свидетельства гениальных свершений Станиславского как постановщика и как исполнителя — отрывки из рецензий авторитетных критиков, из писем крупнейших писателей, режиссеров, актеров, художников, историков, юристов, отзывы зрителей, в том числе зарубежных...

Давайте просмотрим страницы «Летописи», выделив проблемы, имеющие касательство к дням нынешним, как-то: общественное назначение театра; театр и литература; традиции и новаторство; театр и критика; рождение системы...

...В 1906 году Художественный театр в первый раз выехал за границу. В литературных документах «Летописи», потрясающих по своей выразительности, передается то огромное впечатление, которое произвели на зрителей спектакли «Доктор Штокман», «Мещане», «На дне»...

В Берлине Станиславский получает письмо от вынужденных эмигрировать после событий пятого года зрителей. «За те переживания, что мы испытали, мы приносим вам горячее спасибо, — говорилось в письме. — И твердо мы верим: настанет пора — и наше искусство вздохнет свободно; и споете вы нам песню не о тюрьмах и цепи; о свободном, о новом, о «лучшем» человеке прозвучит ваша песня...»

В дни гастролей в Праге в том же году в

газете чешской социал-демократической партии «Право лиду» утверждается: «Эти художники вдруг явились из горнила русской революции и возвестили Европе, каких высот культуры достиг русский народ и насколько он заслуживает свободы, за которую борется».

Спектакли русского театра воспринимались как громадное общественное, политическое явление. В мастерах сцены видели не только первоклассных художников, но активных борцов за социальную справедливость, идейных вдохновителей народа, поставивших свое искусство на службу революции.

Вот тут-то и сказало во всей силе гениальное ленинское положение, что художник — если это действительно крупный художник — не может не отражать в своих произведениях главных вопросов времени...

Принято считать, что связи театра с драматургами полностью были делом В. И. Немировича-Данченко. Да и сам Станиславский уступал здесь пальму первенства своему другу и соратнику.

Но означает ли эта позиция Станиславского, что он не занимался совершенно литературой?.. «Летопись» дает точный и определенный ответ на этот вопрос: нет, это не так!.. С первых и до последних дней своей театральной деятельности Станиславский прилагал все усилия, чтобы сделать наиболее тесными взаимоотношения литературы и театра.

В этом смысле чрезвычайно интересно письмо Станиславского к ведавшему Управлением по делам печати Шаховскому накануне первых представлений «Мещан».

«У Горького, — пишет Константин Сергеевич, — много врагов, и они уже начали топить кинжалы, или, вернее, перья. Холодная публика благотворительных спектаклей не способна оказать Горькому поддержку, а нам нужен шумный успех для того, чтобы сделать из Горького драматурга, чтобы приохотить его к этой, новой для него, литературной форме...»

Не будем здесь перечислять имена авторов пьес, достаточно хорошо известных по истории Художественного театра... Приведем лишь такие любопытные факты. Заинтересовавшись Метерлинком, Станиславский просит Бальмонта перевести его пьесы для МХТ... Константину Сергеевичу посылают свои пьесы Блок, Шолом-Алейхем, Сергеев-Ценский, польские писатели Тадеуш Мицкинский, Станислав Пшибышевский и другие.

Все свое свободное время — а оно так редко бывает! — Станиславский читает современные русские пьесы. Он проявляет огромную заботу о том, чтобы сохранялась индивидуальность автора, его своеобразие. «Беда, — когда всякую роль, всякого автора подминают под себя, приспособливают к себе, переваривают для себя. Тут смерть искусству и (приходит) ремесло», — пишет он в записной книжке. На репетиции «Детей солнца» Константин Сергеевич требует, чтобы актеры не забывали, что они играют пьесу Горького, а не Чехова. Здесь не должно быть «чеховских пауз».

Многие факты, подобные этим, начисто опровергают мысль, которая не так уж давно высказывалась в нашей прессе, что Станиславский и его система выросли из драматургии «одного направления». В частности, на это указывала статья А. Аникста «Зрелище необычайнейшее» («Театр»).

Пожалуй, во всем мировом искусстве двадцатого века нельзя найти другого художника, который бы при огромном своеобразии, величайшей неповторимости, при всех пристрастиях своих мог мыслить так широко! Мог одинаково свободно чувствовать себя при решении произведений, разительно несхожих по стилистике, авторскому почерку...

Справедливо можно сказать, что единственное «направление», которое не признавал Станиславский, — это мнимое проблемное, социальное ничтожное, идейно худосочное...

В письме К. С. Станиславского к Немировичу-Данченко встречаешь такие слова: «Знаете,

что слышишь почти со всех сторон: наш театр хорош своим репертуаром. «Антигона», «Федор», «Шейлок», «Ганнеле» дают ему свою физиономию, и эти пьесы интересны и солидны. ...Не потерять бы нам своей физиономии постановкой «Меншикова», «Между делом» и проч.

Забывать — и пьесу разорвать».

Поминутно помышляя о высоком предназначении театра, о «театре-кафедре», Станиславский понимал, что сцена может не только облагородить человеческие души и породить стремление к идеалу, но что в иных случаях может оказать и разлагающее воздействие, возбудить низменные, пошлые страсти. По этой-то причине он и уделял такое внимание репертуару.

Размышления Станиславского о взаимодействии литературы и театра имеют для нас первостепенное значение и сегодня. Тут есть о чем всерьез призадуматься, есть что взять для практики нынешнего театра.

В самом деле, мы не можем похвалиться настоящей дружбой между писателями и театрами. В каком, даже самом крупном театре есть свой авторский актив? Много ли мы можем назвать режиссеров, которые делают все возможное, чтобы привлечь писателей разных, сделать их истинными друзьями театра, своими людьми в его стенах?.. А опыт истории театра, в том числе и «Летопись», учит, что только при таком условии драматическая литература и сценическое искусство могут развиваться, одерживать победы, нести радость людям.

Хочется надеяться, что «Летопись» именно в этом плане будет особенно важна и полезна руководству МХАТа. С огромной горечью приходится констатировать, что дорогой всем нам театр в настоящее время не занимается отбором пьес по признаку их высокого идейно-художественного качества...

Читая страницы «Летописи», еще раз видишь, что же есть истинное Новаторство, Поиск, Смелость в искусстве... Документы неопровержимо свидетельствуют, что Станиславский был истинным Революционером в искусстве, неустанным Искателем новых форм. Весьма показательны тут высказывания А. Блока, А. Луначарского и многих других ценителей искусства в России и за ее пределами...

Большое место в «Летописи» уделено проблеме «театр и критика». Основной вывод здесь можно сделать такой: Станиславский опять-таки мог согласиться с любым, самым резким отзывом, лишь бы он был сделан со знанием дела, исходил из замысла театра... Любопытно его замечание в письме к Л. Гуревич по поводу известнейшего в то время критика А. Кугеля: «Он перешел границу в своем негодовании, и потому даже на актеров, о которых он пишет, его ругательства перестали действовать. Бог с ним. Он талантлив, но к делу не пригоден».

Здесь есть возможность поразмышлять на тему, что же на самом деле является истинной пригодностью, проявлением таланта театральному критику: бойкость пера, лихие субъективистские пассажи, литературная витиеватость или нечто совсем другое?..

Речь, понятно, идет не о Кугеле, а о наших современниках...

И, наконец, еще одно. «Летопись» необыкновенно дорога тем, что она с какой-то новой, может быть, особенно глубокой стороны показывает взаимоотношения Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда... Письма их друг к другу читаешь не отрываясь!.. Характеры могучих художников предстают необыкновенно отчетливо, резко... А каким поразительно нежным, деликатным, мудрым возникает в документах «Летописи» образ Станиславского — друга людям, семьянина, мужа, отца...

Нам остается с нетерпением ждать выхода второй половины «Летописи». Нет сомнения, читатели ждут новые неожиданные открытия, новые проникновения в суть Великой жизни Великого художника.

НОВЫЕ СПЕКТАКЛИ «ЭСТОНИИ»

Альберт ЛАУС,

министр культуры ЭССР

Гастроли в Москве — это всегда очень волнует исполнителей, представляющих тот или иной город, а порой и республику. И понятно, что они всегда требуют от артистов всей собранности, творческой мобилизованности...

Думаю, что москвичей заинтересовал яркий творческий коллектив, каким является Государственный академический театр оперы и балета «Эстония», основанный еще в 1906 году; собственно музыкальным театром он стал в 1949 году. Главной особенностью его художественской направленности является постоянное стремление знакомить зрителей с малоизвестными произведениями музыкальной культуры мира, пропагандировать новые работы композиторов Эстонии и братских народов СССР. Здесь наш театр часто становится первооткрывателем многих, ранее не шедших на сцене опер, таких, например, как «Турок в Италии» Дж. Россини или три одноактных оперы Дж. Пуччини: «Плащ», «Сестра Анжелика» и «Джамни Скини»... Мы гордимся тем, что в «Эстонии» новое сценическое рождение нашла опера Д. Кабалевского «Кола Брюньон», удостоенная в нынешнем году Ленинской премии.

Прекрасными артистическими силами располагает труппа «Эстонии». Далеко за пределами республики известны имена народных артистов СССР Георга Отса и Тийта Куузика, заслуженных артистов республики Маргариты Войтес, Урве Таутс, Хендрика Крумма...

Неизменным успехом пользуется у зрителей исполнительница главных хореографических партий в балетных спектаклях народная артистка ЭССР Тийу Рандвийр.

В прошлом году была осуществлена постановка нового балета Э. Тамберга «Иоанна Тентата». С успехом идут музыкальная комедия Р. Вальгре — Ю. Раудмяя «Легенда в музыке», мюзикл Ю. Винтер и Ю. Раудмяя «Пеппи, длинный чулок» по мотивам одноименной пьесы А. Линдгрена.

Каждый сезон театр выпускает семь премьер, среди них три оперы, два балета и две оперетты или музыкальные комедии. Москвичи увидели новую работу коллектива — «Человек из Ламанчи» Митча Ли. В нынешнем сезоне театр поставил и оперетту Ж. Оффенбаха «Рыцарь Синяя борода». Хочу отметить, что эта работа тоже является первооткрытием, как и идущие на сцене «Эстонии» «Королевская ложа» Т. Добжанского, «Венская кровь» И. Штрауса и многие другие.

Большим энтузиастом, настоящим изыскателем музыкальной литературы является Нэме Ярви — художественный руководитель и главный дирижер театра, народный артист ЭССР. Он имеет соратников и единомышленников в лице главного режиссера, заслуженного деятеля искусства ЭССР Удо Вяльярса и главного художника «Эстонии», заслуженного художника ЭССР Лембита Рооза.

Благодаря их искусству и, конечно же, энтузиазму и огромной преданности делу всего коллектива эстонские зрители любят свой театр большой любовью. Мы искренне надеемся, что это чувство разделит и москвичи.

На снимке: «Кола Брюньон».

Фото А. Конькова.

СЕНСАЦИОННЫЕ МЕТЕОРИТЫ

Когда ученые приступали к изучению двух метеоритов, один из которых упал в США в 1970 году, а другой в Мексике в 1969-м, они не подозревали, что это исследование приведет их к многому и к пересмотру взглядов на вопрос о про-

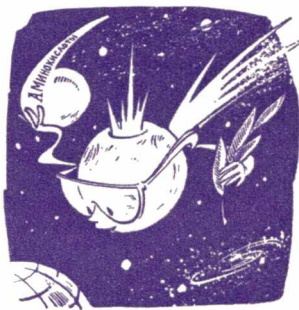
исхождении жизни на Земле.

Как наша планета из безжизненного космического тела превратилась в цветущий оазис? Какие процессы заставили неживую, косную материю сложиться в изумительно тонкие структуры живых организмов? Головоломная сложность, неясность, а то и полное отсутствие целых звеньев в цепи процессов, необходимых для самозарождения жизни, привели шведского химика Аррениуса к гипотезе, согласно которой метеориты занесли споры растений с других планет на Землю. Выдвинутая в 1903 году, эта гипотеза вскоре пала: было доказано, что споры не могли бы выжить во время космического путешествия. Ученые стали склоняться к тому, что электрические разряды и радиация, действуя на газы первичной атмосферы Земли, привели к появлению углеводородов, аминокислот и других органических соединений, ставших потом основой всего живого.

Изучение американского и мексиканского метеоритов стало сенсацией потому, что в первом были обнаружены аминокислоты, а во втором — формальдегид. Анализ всех возможностей убеждает специалистов: эти важнейшие для живых организмов вещества — не земного происхождения. Они либо захва-

чены метеоритами в космическом пространстве — этой гигантской химической лаборатории, где идут небывалые в земных условиях реакции, либо синтезированы на поверхности метеоритов из смеси поглощенных в космосе газов.

Расчеты показывают, что за 4,5 миллиарда лет, разделяющих возникновение нашей планеты и появление на ней жизни, метеориты могли принести из космоса примерно 50 миллиардов тонн аминокислот. Если эти догадки верны, то не исключено, что органические вещества, занесенные метеоритами, попали на благоприятную почву, стали основой зарождения жизни на Земле.

КАК ПАХНУТ РЕНТГЕНОВСКИЕ ЛУЧИ!

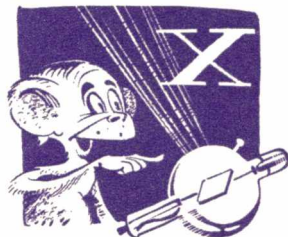
В 1896 году, делая свой знаменитый доклад об открытии X-лучей, немецкий ученый Рентген не только представил ставшие классическими фотографии, но и заявил, что в затемненной комнате он мог видеть эти лучи. С тех пор время от времени появлялись сообщения, что некоторые люди в темноте действительно ви-

дят рентгеновские лучи. Однако эти сообщения не привлекали внимания исследователей до 1965 года, когда было установлено: слепая обезьяна в хорошо освещенной комнате легко обнаруживает рентгеновские лучи... по запаху.

Этот факт побудил американского ученого Чаддока заняться проблемой более обстоятельно. Он поместил обезьяну в хорошо освещенный звукоизолированный бокс. Когда подавался сигнал в виде рентгеновского излучения, обезьяна, нажимая на рычаг, могла получить пищу.

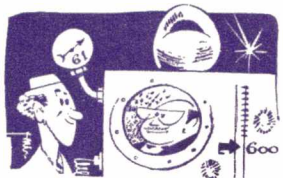
Опыты Чаддока показали: обезьяна безошибочно обнаруживает рентгеновское излучение лишь до тех пор, пока у нее не нарушено обоняние. Но лишенная нюха обезьяна вновь обретает способность обнаруживать рентгеновские лучи в абсолютно темном помещении. Ученому

удалось даже объективно установить, что обезьяне невидимые большинству людей X-лучи представляются в виде бледно-голубого свечения. К сожалению, невозможно с такой же объективностью выяснить: как пахнут рентгеновские лучи?

НОВЫЙ РЕКОРД «ПОГРУЖЕНИЯ»

Два французских испытателя — П. Шемен и Р. Горэ — поставили новый рекорд «погружения на глубину». Используя метод постепенного повышения давления с длительными 12—14-часовыми перерывами, они довели давление в барокамере до 61 атмосферы. Это эквивалентно погружению человека на глубину 600 метров.

Изучая экспонаты Каирского музея, египетский ученый Х. Мессихи обнаружил странную модель, по виду напоминающую птицу. Занимаясь исследованием модели, Мессихи пришел, однако, к выводу, что ни одна птица не могла бы придать своему телу такую форму, которая воплощена в модели. Ученый предположил: перед ним миниатюрная модель своеобразного планера. Взяв ее за основу, Мессихи воспроизвел планер, снабдил его стабилизатором, после чего реконструированный им аппарат совершил успешный полет.

Поскольку модель построена в III или IV веке до нашей эры, можно сделать заключение, что попытки создать летательный аппарат были сделаны в Египте 2000 лет назад.

АВИАТОРЫ ДРЕВНЕГО МИРА

ОТ НАС ЗАВИСИТ МНОГОЕ

Недавно в издательстве «Жазушы» (Алма-Ата) вышла в свет новая книга известного казахского писателя и журналиста Ануара Алимжанова. Вошедшие в нее повести, новеллы и очерки уже знакомы и полюбили советским читателям, а что касается таких произведений, как «Пылающее копье», «Повесть о пахаре», «Последний Мадамар» и «Трон Рудани», то они переведены на английский, французский, немецкий языки и на фарси.

Книга является сборником произведений Ануара Алимжанова, написанных в разное время и относящихся к разным жанрам. Уже само ее название — «Пылающее копье» — несет в себе определенную смысловую нагрузку: автор хотел подчеркнуть, что это книга о борьбе и жизни. В ней говорится о разных странах и континентах, о людях, которые борются и продолжают бороться за светлое будущее своих народов, о том, что видел сам автор, что ему поведали те, с кем ему довелось встречаться, и чем ему хочется поделиться с читателем.

С ее страниц к нам сходят люди, во многом не похожие друг на друга. Их судьбы сложились по-разному, но все они объединены одной общей целью — сделать жизнь лучше. Мы знакомимся с целой галереей незабываемых образов, мастерски выведенных умелой рукой художника. Среди них и выдающиеся политические деятели и люди труда, чьи сильные руки создают все прекрасное вокруг нас. С особой любовью изображен автором «Адам поэтов», великий певец своей родины Абу Абдулло Рудани («Трон Рудани»), чей гений поэта и мыслителя пленяет и сейчас своей остротой, дойдя до нас через века. Здесь и люди, чьи имена и судьбы давно стали легендой, и советский человек, солдат Николай Буянов, отдавший свою молодую жизнь за свободу и счастье итальянского народа в годы фашистской оккупации.

Все произведения Ануара Алимжанова, вошедшие в этот сборник, проникнуты глубоким лиризмом. Его путевые заметки, порой похожие на наброски будущих романов и поэм, отличаются точностью передачи происходящего. Даже за их деловитостью и строгой краткостью видно, что они написаны человеком, которому свойственно глубокое понимание окружающего нас мира.

Книга Ануара Алимжанова — плод большого труда, кропотливого изучения богатейшего исторического и культурного наследия многих народов и стран, результат глубокого анализа фактического материала. Основной ее настрой — вера в будущее человечества. Заря, восходящая над миром, несет с собой светлый, радостный день. Эту мысль подчеркивает и завершающее сборник, небольшое по объему, но значительное по смыслу произведение «От нас зависит многое».

История народов нашей великой страны может служить ярким примером борьбы за свое счастье. Это прекрасно показано в книге «Пылающее копье». Именно знание и понимание истории родного народа помогают нам оценить события, разворачивающиеся сейчас в странах Азии и Африки, поэтому книга имеет политическое звучание.

Можно с уверенностью сказать, что книга Ануара Алимжанова найдет путь к сердцам читателей.

Юрий КОНОВ

Ануар Алимжанов. Пылающее копье. Издательство «Жазушы», Алма-Ата, 1972.

ДОБРО НЕСУЩИЕ СЛОВА

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

По дорогам ветров переклич,
По дорогам жара,
Жара.

— Как вы там,
Дементий Лукич,
Коротаете вечера?
Или снова вам роздыха нет
И тревожу вас зря?
И горит до рассвета свет
В кабинете секретаря.
Мне увидеть еще хоть во сне б
Эту огненную страду,
Этот бой,
Этот бой за хлеб
И запомнить минуту ту.

Этот гул,
Этот стон,
Эту дрожь
И бессонных ночей забытье.
Он ложится со словом
«рожь»,
На губах с этим словом
встает...

И пока небосвод высок,
Снова «газик» бежит,
бежит.
И дрожит в руках колосок
Перегретой жарю ржи.

* * *

Бил ягодой по доньшкы,
Умел все делать сам.
И жил себе
По солнышку.
Теперь все —
По часам.

Где хожено,
Не хожено —
Все помнил наизусть.
Грибов, как трав
Некошених,
То белый сам,
То груздь.

Шумели ливни вешние,
Где пруд зарос лозой,
Где дали занавешены
Веселою грозой.

И как в ладошке
Зернышко
С прожилками внутри,
Показывалось солнышко
За пашнями,
Вдали...

Когда оно скрывается
За городской чертой,
Вновь сердце разрывается,
Кричу ему:
— Постой!..

* * *

Добро несущие слова,
Вы мне пророчили удачу...
Я заблудился:
Лес, трава...
И вот стою
И горько плачу.

А где-то в стороне большак
Гудит под непосильной ношей.
— О чем расплакался,
Чудак? —
Участливо спросил прохожий.

И снова леса ровный гул
Вопрос тот повторил нестрога.
— Я заблудился.
Не могу
Найти домой никак дорогу.

И он, шутя, меня обнял,
Он поиграть решил со мною,
Подбросил на руках меня:
— Смотри!
Весь мир перед тобою!

Вдали блеснул знакомый пруд,
Он весь в лучах переливался.
И, может, через пять минут
Я весело уже смеялся...

О детства вешняя пора,
Неведомы тебе седины.
Когда вся жизнь еще —

игра,
Когда вся жизнь
как миг единый.

Доступно все твоим рукам,
Все ясно для тебя, открыто.
Когда по разным пустыкам
Ты можешь слезы лить досыта.

Но как теперь мне в смене
дней
Найти ту близкую дорогу?
И вот стою,
И горько мне.
И чьи слова теперь помогут?

ВЕНЕРА

В лучах заходящего солнца,
В огне восходящей зари,
В моем отражаясь оконце,
Она одиноко горит.

Задумавшись словно о чем-то,
Глядит на погасший восток.
И блеск ее ровен
И четок,
Как будто расцветший цветок.

Вершится небесное чудо,
Когда я под вечер иду, —
Блестит она изумрудом
В заросшем травой пруду.

Взглянув на нее несмело,
Вновь женщина изречет:
— Давно я уже постарела,
Она же
Все ярче цветет.

По зеркалу телескопа
Гадая о ней,
Астроном
Шел к ней по небесным
тропам,
Забыв и друзей
И свой дом.

О ней и такое слагали:
Богиня она
И жена...
Какие ей люди давали
Красивые имена.

Но спящая вечно в тумане, —
Вдруг весело глянет
в окно.

И тайной,
Как женщина,
манит,
Которой детей
не дано.

* * *

Дуб желуди румянит,
Пока еще не сух.
Дуб желуди роняет
Из заскорузлых рук.

Ствол коренастый дремлет,
А по ветвям —
Дрожь.
И желуди на землю —
Как желтый дождь.

Они воды напьются —
Поднимутся дубки.
Листочками коснутся
Его сухой руки.

РОССИЯ

Во мне твоё семя посеяно,
В крови моей соль твоя,
боль,
Россия, родившая Ленина,
Россия — моя любовь.

Навечно завещана дедами,
Окуплена кровью отцов,
И в радости и перед бедами, —
Славянка с прекрасным
лицом.

Сады твои вешне колышутся,
От яркого солнца красны.
Легко мне и радостно
дышится,
Когда твои очи ясны.

* * *

Смолой запахло у окна —
И снова пчелы кружат в
кронах.
Опять весна, опять весна —
Кипенье смол, кипенье крови.

И воздух чист и просветлен,
Природа дышит просветленно.
Среди ветвей ее зеленых
Я тоже чист и просветлен.

И белый цвет летит в полях,
И белый цвет в садах качает.
Моя великая земля
Опять весну свою встречает.

Весь мир сумела уместить
Она в рассветы голубые.
Моя земля, моя Россия,
В веках садам ее цвести.

Л. МОНЧИНСКИЙ

Фото Г. КОПОСОВА.

С первых шагов начинающим ремесленникам посевший мастер внушал: «Только тот до конца познает наше дело, у кого в душе живет фарфоровая песня». Руки и вкус мастера давали фарфору право на жизнь. Долго всматривался он в бесформенную серую массу, прежде чем в его воображении рождался изящный сосуд, напоминающий цветок подснежника, или скульптура трепетной кабарги, настороженно вскинувшей точеную голову. Это было древнее и тонкое искусство. Оно пришло в Сибирь сто лет назад, когда в 1869 году на берегах рек Белой и Хайтинки была учреждена фирма «Фарфоро-фаянсовая фабрика торгового дома

Переваловых». Лучших мастеров переманивал из больших городов России и Европы расторопный и оборотистый мужик Иван Перевалов. И вскоре сибирский фарфор стал появляться на заграничных и местных выставках. Это был самый белый и просвечивающий фарфор, с нежным мелодичным «голосом». А запасы ценного сырья для его изготовления считались неограниченными.

В 1869 году на Иркутской губернской выставке фарфоровые изделия завода получают первый похвальный лист, в 1873 году — серебряную медаль. Затем награды в Екатеринбурге, Новгороде, Москве, золотая медаль — в Омске. Первый приз в Антверпене в 1905 году прославил сибирский фарфор уже в мировом масштабе.

Когда началась революция, с дедовскими берданами уходили в лес и рабочие фарфорового завода. Сражаться за власть Советов. В округе зверствовали белобандиты. Лишь в августе 1920 года в Мишелевку вернулся мир. Многих умельцев недосчитались на фабрике: кого смерть нашла, кто убежал от бандитских пуль в деревню. Но фабрика заработала. Взялись за обучение неграмотных. Стар и мал пошли в школу, которую пост-

уже стар, и сказал: «Хочу народную власть поддержать...» Работал словно волшебник: фарфор у него пел, смеялся и даже грустил. Но только как ни искусны были мастера, они не справлялись с неимоверно выросшим спросом народа на изящную посуду.

...Сейчас на заводе трудится внучка знаменитого умельца Валентина Арка-

Валентина Аркадьевна Владимирцева — потомственный живописец.

ФАРФОРОВАЯ ПЕСНЯ

роили на воскресниках в 1924 году. Синеблузники организовывали самодеятельность, рабочие дружины и до первых петухов просиживали на комсомольских собраниях...

К 1929 году завод коренным образом реконструировали, начали внедрять новую технологию и впервые в Советском Союзе соорудили туннельные печи. Сконструировал их инженер Николай Емельянов. Техника техникой, а держался фарфор все же на добрых мастерах. Одним из них был Владимирцев. Вышел и он на работу, хотя был

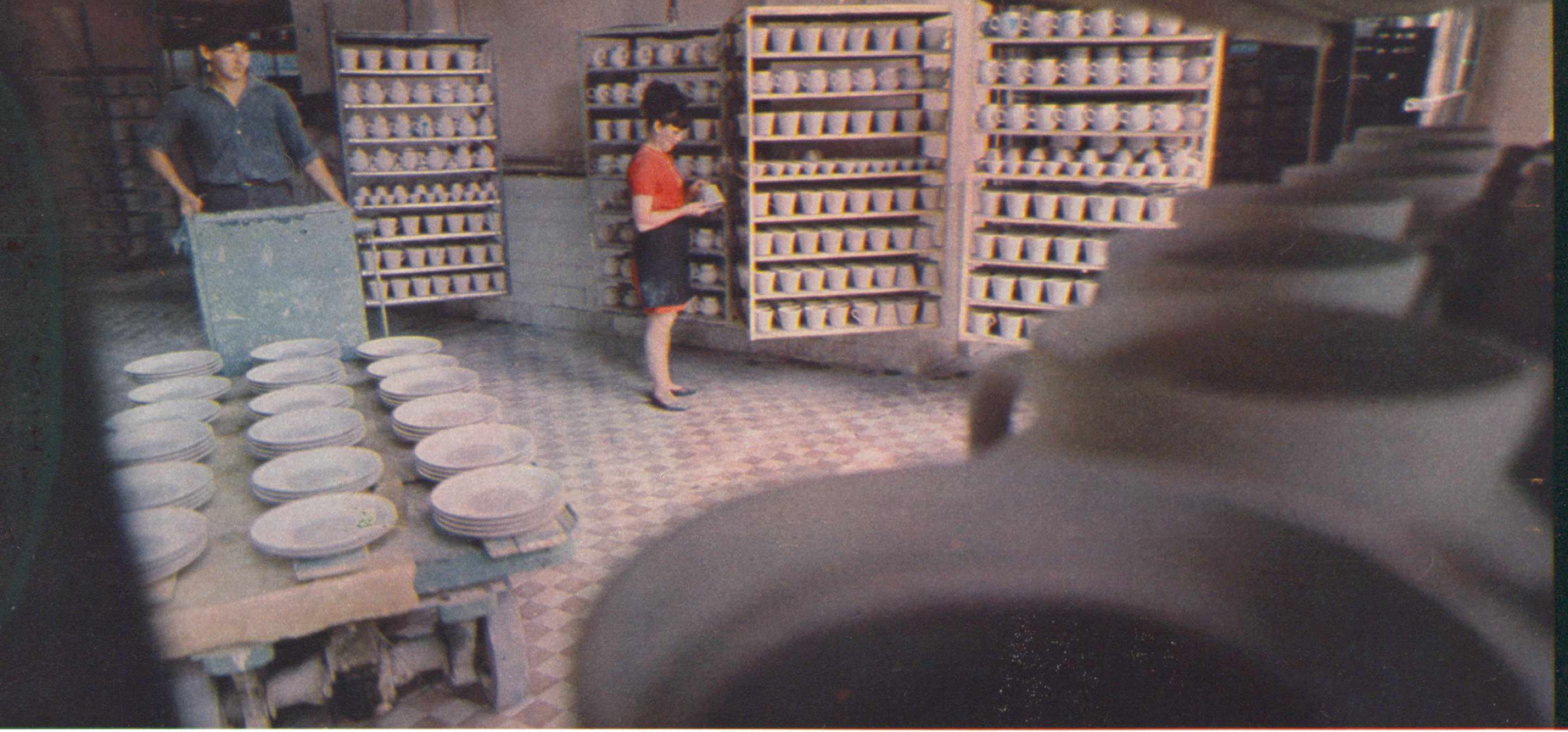
Директор Хайтинского фарфорового завода Григорий Михайлович Азаров.

Руки художника.

Обжигальщик Н. И. Бахтин и начальник термического цеха П. П. Ковешников.

«Лампочка Ильича». Автор Н. А. Асямова. Чайник «Богатырь». Авторы В. И. Чертков и В. П. Сладной.

дьева Владимирцева. Она лучший живописец цеха. Попадет в ее руки обыкновенная белая чашка, и на ней появится замысловатый орнамент или рисунок — точно выхваченный кусок жизни.

...Пушистой змейкой скользит по замшелому кедру таежный король-соболь; несется оленья упряжка молодого каюра-эвенка к черноглазой хозяйке чума; тихо дремлет над вечерним озером одинокая красавица ель... На рисунках Владимирцевой нет ничего лишнего, только сдержанная красота, словно одухотворяющая фарфор.

В начале прошлого года коммунисты завода избрали Валентину Аркадьевну делегатом XXIV съезда КПСС. Вернулась она из Москвы торжественная, с каким-то особым, праздничным настроением. Первое ее выступление было в профессионально-техническом училище. Говорила о задачах, которые ста-

— Беру обязательство выполнить пятилетку за три с половиной года. Предлагаю каждому посидеть часик с карандашом и подсчитать свои возможности.

Тягаться с лучшим живописцем, конечно, не многие рискнули, но во всех личных планах пятилетка сократилась: у кого на год, у кого на полгода.

За первые шесть месяцев 1971 года выдали 66 тысяч фарфоровых изделий сверх плана. На 8 процентов возросла производительность труда. Стал на конвейерную линию чудесный сувенир — «Хайтинка». Видели вы когда-нибудь нераспустившийся сибирский жарок! Сходство «Хайтинки» с этим цветком поразительное. Даже светится чашка по-солнечному весело.

В заводском музее гостям показывают китайский, немецкий, японский фарфор, давнишние изделия фирмы Переваловых, и, наконец, экскурсовод

в реку зеленые косы, и старая мельница со сломанными колесами, и ступенный, с толстовской бородой дед, дымящий на завалинке крепким само-садом.

— Наш край вдохновением никого не обходит, — говорила мне художница завода Дина Воронцова.

Григорий Михайлович Азаров, директор завода, который только десяток лет назад был студентом Томского политехнического института, рассказывает нам о тех рубежах, на которые выйдет предприятие в годы пятилетки. Мы осматриваем готовые к завершению цехи, где разместится механизированное производство.

— Интерьеры цехов и участков будут отвечать строгим требованиям современной производственной эстетики, — объясняет Азаров. — Исчезнут последние тяжелые профессии, не

вит партия перед работниками этой отрасли промышленности, о том, что решать их придется им совместно. Получился хороший разговор опытного мастера с мастерами будущими. Деловой и задушевный. И, наверное, многие из ребят именно тогда почувствовали себя причастными к большим заботам страны. А у себя в бригаде Владимирцева сказала:

подводит вас к громадной экспозиции последних лет. Вы можете хвалить, или осуждать, или спорить, но молчать не имеете права. Ничто так не обижает хайтинцев, как равнодушное отношение к их труду: в каждом фарфоре-сте живет художник, а для художника самое горькое — безразличие.

...Чтобы понять и почувствовать местных художников, нужно побыть наедине с чудесными здешними просторами. И вот брожу я по полям, березовым рощам, по лесистым, похожим на ошетилившихся ежам, сопкам. Голубая лента реки ныряет в узкое горло громадного ущелья и, с шипением вырвавшись из него, разливается бесконечной умиротворенной гладью. Чистый сосновый бор за околицей. В бору — старое кладбище. Скорбные кресты на могилах декабристов, ссыльных польских повстанцев, партизан-революционеров. С холма хорошо видна поседевшая церковь. За ее каменной оградой сохранился казацкий острог, срубленный из стволов железной ливенницы более трехсот лет назад. Все здесь трогает душу: и ива, уронившая

станет газовщиков, грузчиков... Формовка и литье изделий полностью перейдут к полуавтоматам. Одним словом, новые цехи помогут нам выполнить требование Директив XXIV съезда партии — увеличить объем производства фарфоро-фаянсовой посуды в два раза. Но мы строим не только завод. Год назад сдали столовую на 200 мест, дарим детям большой детский комбинат. Словом, пятилетка — нам, мы — пятилетке...

— Ну, а как же все-таки мастер! Что он будет делать на полностью механизированном производстве, машина его не обидит!

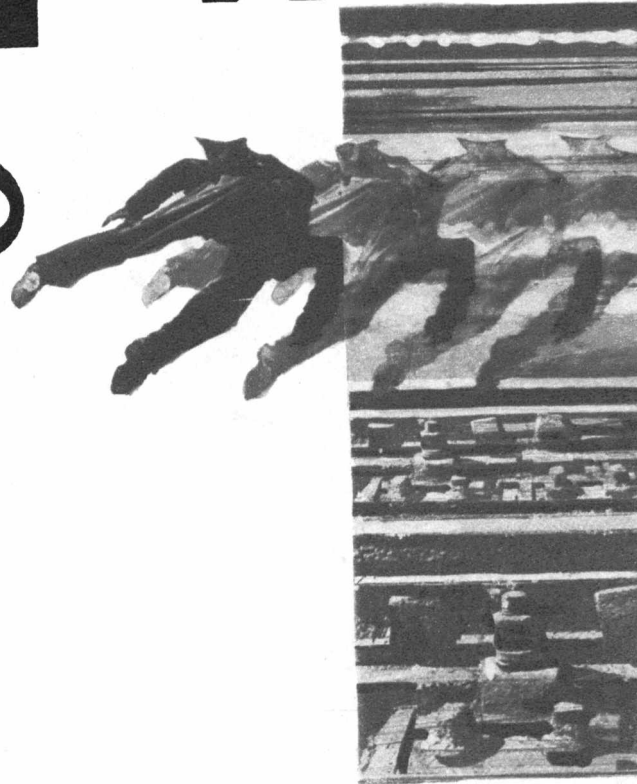
— Когда мы делаем всеми уважаемый ширпотреб, — улыбнулся директор, — то мастер прикасается к фарфору лишь мыслью, но существуют вещи, которые не осилит машинному разуму, и лишь мастер делает их собственными руками. Нужда в умельцах остается столь же великой, как и при наших дедах. Вспомните древнюю заповедь: «Только тот способен до конца познать дело наше, у кого в душе живет фарфоровая песня».

В формовочном цехе.
Стеллажи с необожженной посудой.

Детские тарелки.
Автор В. И. Чертков.

Сервис «Багульник».

НАЙТИ ВОСКРЕСШЕГО

9

Я возвращался из Сибири в полной уверенности, что наши товарищи уже нашли Шкаликова. Ан нет! Герасима Ивановича Притыкова нигде не значилось. Мы сузили площадку левого берега Оки. Всего лишь несколько отделений милиции.

В книгах прописки Притыкова не нашли. Товарищ начал одолевать сомнения. Он же мог называться проводником любым именем? Как же его искать? Василий, Сretenцев, товарищи из областного управления разъехались по отделениям милиции и опрашивали участковых, показывая им фотографии Шкаликова.

И вот он! Один из участковых довольно удаленного от областного центра отделения милиции признал по фотографии Шкаликова. Мне позвонил об этом ночью Василий, я сел в машину и к утру был уже в районном центре, откуда мы решили ехать все вместе... Кто-то предложил вперед выслать участкового, проверить, не спугнем ли мы кого-нибудь.

Я был против всякой задержки. И без того поиски затянулись.

Так или иначе, встреча со Шкаликовым навигалась, и мне хотелось видеть его лицо, видеть его реакцию в первую секунду встречи. Все это было крайне важно. Что-то подсказывало, что мы вышли на значительный след.

Большое село на берегу Оки. Участковый пояснял, что село людное, милицкий пост имеется, что работает там молодой, но старательный парень Рыжиков. Работает хорошо, а Притыков не прописался, бог его знает, по каким причинам. Напоминали ему...

У третьего дома с края участковый попросил шофера остановить машину.

— Здесь он квартирует у бабки Анисьи! Кто пойдет — я или вы? — спросил он.

Пошли я и Василий.

Василий постучался. На крыльце соседнего дома сидел старик, играл со щенком.

— Вам не Притыкова?.. Герасима Ивановича? — спросил он.

— Его самого! — ответил Василий.

— Съехал он! Тому уже боле недели прошло!

— Совсем съехал? — уточнил Василий.

— Кто же его знает! Не прощались, не докладывались!

Емкий ответ. И осуждение в нем и характеристика права необщительного.

— Осмотрите избу... Может, что-то из вещей его осталось, может быть, хозяйка знает, куда съехал... Это не обман! — сказал я Василию.

Сел в машину.

— В правление!

— Поедем к Рыжикову, — предложил участковый. — Он тут каждого и всякого знает.

Можно было ехать и к Рыжикову... Съехал! Больше недели назад... Я рассчитывал, не совпало ли это по времени, когда Василий спрашивал проводников. Тогда это ошибка.

Только намек, что кто-то ищет, — и исчез! Выходит, что он боится нас? Нет! Если бы он нас боялся, не стал бы и переводы делать! Не стал бы! Не от нас он прятался! Не от нас! Сама Шкаликова могла в любое время за эти пятнадцать лет начать поиски. По переводам-то могли искать только от нее. И никому она о них не говорила. Стало быть, его спугнуло что-то другое!

Что?

Остановились у дома Рыжикова. Он увидел в окно машину и выбежал, на ходу надевая портупею. Обедать...

Участковый вышел навстречу. Начал с места в карьер.

— Привет, Рыжиков! Притыкова знаешь? Герасима Ивановича? Где он?

— Уехал! Уволился и уехал...

— Куда?

— Я вышел из машины.

— А долго ли он жил здесь? — спросил Рыжикова.

— Давно он здесь?.. Сразу и не вспомню... Лет десять жил... Проводником он устроился на железную дорогу. Его уже спрашивали!

На улице собирались любопытные. Я взял Рыжикова под руку, он настороженно отстранился, я увлек его в дом.

Участковый шепнул:

— Из КГБ... Так что, Рыжиков, рассказывай!

— А чего мне скрывать? Пришлось мне тут один протокол составлять... На человека, большого алкоголем... Так этот, кто спрашивал его, Гусейнов Хасан Хасанович, свидетелем записан... Он в гости к Притыкову приезжал... Не застал его!

Я вынул из кармана рисунок — «словесный портрет».

— Похож?

— Есть сходство...

— Откуда известно, что он Гусейнов?

— По паспорту, товарищ полковник! — ответил Рыжиков даже с некоторым недоумением, что я задал такой наивный вопрос.

— Вы видели паспорт?

— Видел!

— И ничего?

— Правильный паспорт. В протоколе и номер записан и адрес!

Остался еще один вопрос. Подробности меня сейчас не интересовали. Главный вопрос.

— Притыков уехал до приезда Гусейнова или после?

— До Гусейнова он уехал!

Я попросил Сretenцева остаться и записать все, что было связано с Гусейновым.

Теперь уже я и не сомневался, что на платформе в Рязани Василий видел этого самого Гусейнова, посетителя Шкаликовой. Теперь уже вставал вопрос: почему он идет впереди нас?

Машина развернулась. Я приказал ехать в Рязань. Василий стоял на дороге, в руке держал какой-то сверток. По лицу я угадал, что есть и у него какая-то новость. Он почти на ходу вскоил в машину, я попросил шофера поторопиться.

Машина выехала из села, Василий протянул мне пачку журналов.

— Почитайте, Никита Алексеевич!

Я развернул журналы. Это были специальные медицинские журналы. Один двухгодичной давности, два других недавние.

Я начал листать первый журнал: портрет Раскольцева и его статья. Статья жирно обведена красным карандашом. Открыл второй журнал. Статья Раскольцева подчеркнута красным карандашом в оглавлении.

— В третьем, — подсказал Василий, — есть ссылка на эти статьи. Упоминается имя... И тоже подчеркнуто!

Шкаликов и медицинские журналы? Это было, конечно, странно. Но его внимание и Раскольцеву легко объяснимо. Вместе бежали. Знакомы. Могли и после войны встречаться.

— Можно, Никита Алексеевич?

Василий обычно задавал такой вопрос, когда хотел, как он сам говорил, выложить свои предположения.

— Ну-ну! — подбодрил я его.

— Почему этот тип нас опередил?

— Опередил... На этот вопрос мы сразу не найдем ответа!

— А может быть, Раскольцев ему адресовал? Люди любят лечиться! Шкаликов терпел, терпел да и двинулся к знакомому врачу! Шкаликова сказала этому Гусейнову, что муж ее умер. Тот и Раскольцеву, а Раскольцев адресовал! А? Может быть, этот посетитель вместе с ними где в лагере был? А к Власеву чего ему ехать? Край не близкий!

— К доктору Шкаликов мог пойти... Примем это! Не прятался от него? Чего же вдруг спрятался?

— А он не от него прятался! Вы сами же сказали, что Гусейнов после отъезда Шкаликова появился... От меня он, наверное, прятался! Через проводников узнал!

— А чего же он в Рязани четыре дня тому назад делал? А? От Рязани сюда пять часов езды... Не четыре дня!

— Вы уверены, что я его видел?

— Не я же его видел! Это я тебя об этом должен спросить! Рыжиков по нашему портрету сразу его узнал...

— Все! Молчу! Не склеивается версия! И усложнять не очень-то хочется. Этак можно

предположить... Можно предположить, что есть какой-то второй план в этой истории.

Я считал в тот момент, что главное — это торопиться! Площадка сузилась, и теперь Шкаликов был полностью в пределах нашей досягаемости...

В Рязань надо было ехать через райцентр. Я попросил на минуту заехать в отделение милиции. Оттуда позвонил в областное управление и сообщил о Притыкове. Его надо было искать через отдел кадров управления железной дороги.

Намного нас опередил этот господин! Медлить уже нельзя было ни секунды. Проводник вагона. Как все логически сцепилось одно с другим. Человек в минуту опасности кидается туда, где поскорее можно укрыться. Среди проводников у него много знакомых, пригласился он и этой работе. Вот и сунулся туда. Но почему, почему еще до прихода этого Гусейнова? Не от нас же, повторяю в который раз, прятался он на железной дороге! Судя по системе, придуманной с переводами, правда, не им придуманной (этой системой и до него иногда пользовались), не так уж он глуп и наивен. Он должен понимать, что и мы и милиция без труда найдем проводника.

В деревне он каким-то образом замаял дело с пропиской. Поступление на железную дорогу отмечается в соответствующих документах.

Нет! Не от нас он спрятался! От Гусейнова? Но кто его предупредил? Откуда он узнал, что этот Гусейнов идет по его следу? Я должен был в ту минуту признать про себя, что Василий где-то прав, вводя в круг действующих лиц и Раскольцева. Кому-то очень понадобился Шкаликов...

Начал с его дома... К кому же еще обратиться? Тот, кто его ищет, если он действительно обратился к Раскольцеву, все знает о их плена и победе! А кто же это может знать?

Приехали в Рязань...

Меня уже ждал работник областного управления Авдюшин.

Он не старше Василия, тоже недавний студент. Обрадовался, что в руки пришло интересное дело. Сработал тщательно.

Действительно, неделю тому назад Притыков оформился проводником через отдел кадров на поезд Москва — Ташкент в мягкий вагон. Авдюшин слил фотографию Притыкова в личном деле с фотографией Шкаликова. Совпало. Поезд, на котором работал Шкаликов, сейчас шел из Ташкента, приближаясь к Рязани. Авдюшин сделал запрос по селектору на одну из станций. Ему ответили, что проводник Притыков «сопровождает шестой вагон».

И напоследок!

В отдел кадров управления железной дороги приходил какой-то восточного типа человек, молил девушек узнать, где работает Притыков. Ему подсказали. Он оставил в знак признательности бутылку вина и бунет цветов. Уверял: «Другу вез, без вас не нашел бы друга!»

Не знаю, почему, но у меня по спине пробежали мурашки. Переживать приходилось всякое, бывали ситуации, когда, казалось, уже и выхода не было. Там, в Германии в канун войны... И все же не часто в такой степени подступало ко мне чувство тревоги.

Пришел ответ на запрос из Махачкалы, где был отмечен паспорт Гусейнова. Такого там не значилось...

Теперь уже наш выход на Шкалинова обрел более широкие цели. Теперь это превращалось и в погоню за человеком, действовавшим под фальшивым паспортом. За ним погоню надо было строить несколько в ином плане, чем за Шкалиновым. Но не грозит ли их встреча как-либо Шкалинову? Топор под кроватью клал, ружье на стену вешал! Ждал этой встречи! С оружием в руках ждал... Но, выходя на Шкалинова, мы могли спугнуть Гусейнова, а это... Это смотря, кто такой Гусейнов... Это могло помешать чему-то такому, что скрыто уже за его фигурой. Но Шкалинову грозила опасность! Надо было прежде всего спасать человека, невзирая ни на что!

Мы сверили по расписанию движение поезда. Получалось, что, выехав навстречу поезду из Рязани, мы его скорейшим образом могли встретить лишь на станции Проня...

Машина сорвалась с места и пошла по городу, просканивая под светофоры и на красный свет.

Дежурный по управлению получил задание связаться с милицией постом на станции Проня и поручить работнику милиции встретить проводника Притыкова, снять с поезда и задержать в отделении милиции, не арестовывая его, а охраняя... Ни под каким видом до нашего приезда никого к нему не допускать...

10

Значительно позже мы узнали, что произошло в поезде Москва — Ташкент на перегоне между Шиловом и Проней. От Шилова до Прони поезд следовал без остановок.

Минут за двадцать до прихода поезда на станцию Шилова в окошко кассира постучали. В такой поздний час на этой станции пассажиры были редкостью. Голос с восточным акцентом попросил четыре билета в мягкий вагон.

Пассажир просил, если это возможно, дать все четыре билета в одно купе.

Мягкий вагон шел полупустым. Кассирша продала четыре билета. Отдавая билеты, помедлила, пассажир просунул в окошко голову. Она запомнила его. Просто так, из любопытства.

Когда пришел поезд, она заметила, что в мягкий вагон сел только один пассажир, тот самый, который брал четыре билета. Это ее удивило, поэтому она и запомнила все в деталях.

Спрашивается, почему этот господин выбрал перегон между Шиловом и Проней?

Далеко уезжать от Москвы ему, видимо, не с руки. Дневной перегон его не устраивал, вот и упал выбор на Шилов.

Шкалинов в лицо его не знал, поэтому он спокойно вошел в вагон и коротко бросил:

— Стели постель, дорогой! Я спать буду!

Дежурил Шкалинов, его напарница спала в служебном купе. Шкалинов положил на место фонарь, флажок, взял пакет с чистым бельем и пошел в четвертое купе. Сальге вышел, чтобы не мешать ему. Шкалинов застелил постель и выпрямился. Сальге стоял спиной к закрытой двери из купе и пристально смотрел на него.

Снисходительно, с наигранным равнодушием негромко сказал:

— Здравствуй, Шкалинов!

Вот она, встреча, которую ждал, к которой готовился и от которой скрывался. И топора нет под рукой, и ничего нет, а стоит перед ним человек, который все может...

— Садись!

Шкалинов попятился и сел.

Сальге снял с полки портфель, выставил на столик поллитровку.

— Выпьем, Шкалинов! У нас с тобой разговор долгий!

Шкалинов было вскочил:

— Сейчас чистые стананы принесу!

— Выпьем из грязных! Спирт все очищает!

На столике от прежних пассажиров оставались два стакана.

Разлив водку, Сальге извлек из портфеля купленный на вокзале пакетик с едой: кусок колбасы, два яйца, хлеб.

Выпили...

— Скрывался? — отрывисто спросил Сальге.

Шкалинов не торопился отвечать. Сальге сам и ответил на вопрос:

— Спрятался... От кого прятался?

Шкалинов потихоньку приходил в себя, лихорадочно соображая, как вывернуться, как уйти, как отбиться.

— От людей... От себя не схоронишься!

— Кто-нибудь знает, что ты живой?

— Ни одна душа. Ни одна душа! Только Раскольцев!

— И жена не знает?

— Упаси бог ей знать!

— Это почему же?

— Искать начнет!

— Значит, по чистой скрылся?

— По чистой!

— Зачем тебе деньги потребовались?

— Деньги всегда нужны!

— Это верно!.. Напугал ты доктора! Он тоже считал тебя покойником!

— Ему я не докладывался!

— В пятьдесят втором году у вас была назначена контрольная встреча... Забыл?

— Никан нет! Шестого мая... в Москве... У

входа в Большой театр... В два часа. Я к тому часу уже покойником числился!

— Он навел справки... Ему указали, что умер... Все правильно! Чего же вдруг ожил?

— Как-то журнал на станции купил... Гляжу — не верю! Он! Его лицо! Я! Я... как червь в

землю уполз, в темноту задвинулся, а он на виду, в богатстве, баринном! В журнал пописывает! Такая злость взяла! Ну? Ваши что тогда говорили? Все! Конеч России! Ты ни о чем не думай, мы господа, а ты наш верный слуга. В обиду не дадим! А Расеюшка-то жива! Жива!

И все по-прежнему! К чему я пришел? Чего мне ждать? Ждать, когда постучатся в дверь? Дочь родилась...

А ну как станет все известно об отце? Как ей жить? И что я мог? Гроши получал... Попросил его поделиться!

— А если бы не поделиться?

— Поделился!

— А если бы не поделился?

— Нажались, что я ему пригрозил?

— Пригрозил в КГБ обратиться... У тебя что же, там друзья завелись?

— Упаси бог от друзей, от остальных сам отобьюсь!

— Почему ушел из деревни?

— На почте сказали: навестил, дескать, друг! Друзей у меня нет, а про ту почту один Раскольцев знал...

— И так и этак получается, что ты не от КГБ бегал, а от нас?

Сальге налил еще по полстакана водки.

— Прятался! — признался Шкалинов.

Водка начала действовать. За многие годы и он, при всей сложности минуты, мог свободно и не таясь порассуждать о своей жизни.

— Тогда не управлялись, а теперь что же? После драки кулаками не машут! Тут только голову высунь, отсекут, как не бывало!

— Испугался?

— А кто ты таков есть, что не боишься? Врешь! Боишься!

— По твоим доносам, Шкаликов, в лагере вылавливали...

— И вешали... Ну и что? Жизнь моя — не жизнь... Искалечена! Давно я покойник! Сам себя казнил, и никто такой страшной казни не придумает! Я двадцать лет умираю... Двадцать лет... Они стоят вокруг меня, покойники... Душат ночами... Я умер! И на вас работать не буду! Я ненавижу вас! И не боюсь! Битые вы козыри!

Шкаликов кинул руку и горлышку бутылки, но Сальге одним взмахом оглушил его кастетом, погасил в купе свет, открыл окно и спустил Шкаликова под колеса поезда...

Закрыв окно, вышел из купе. Коридор пуст. Сальге прошел по вагонам вперед по ходу поезда...

Повествование вынудило меня забежать вперед. Не по ходу и не по хронологии развивающихся событий. Об этом разговоре в купе и о том, как был убит Шкаликов, мы узнали значительно позже.

Стремительно в те часы и минуты сближались поезд и наша оперативная машина.

Сначала я торопил шофера. Но что-то мне в этой спешке не нравилось. Не нравилось мне, что мы подъедем к станции ночью на «Волге», что милиционер поднимется в вагон за Шкаликовым. Шумно, суетливо все это и... Но все мои сомнения, совершив какой-то круг, вновь замыкались на Шкаликове.

— Торопись, торопись, Миша! — говорил я шоферу. — Мы должны успеть!

Машина свернула с асфальта, пошел разбитый проселок, но впереди засверкали огни железнодорожной станции.

Прорезал тьму прожектор элеватора подошедшего поезда. Мы немного не успевали.

Машина остановилась у закрытого шлагбаума железнодорожного переезда. С нашей стороны подъехать на автомашине к станции было невозможно. От переезда в сторону станции терялась в темноте пешеходная тропка.

Авдюшин открыл дверь.

— Куда? — спросил я его.

— Открыть шлагбаум!

— Не надо! Мы пойдем пешком...

Мы с Василием вышли из машины и пошли вдоль пути.

— Я побегу! — предложил Василий.

— Беги!

Он побежал, посвечивая перед собой карманым фонариком.

В ту ночь на станции Проня дежурил старшина милиции Артюхин. Он получил указание от дежурного по областному управлению снять с поезда Притыкова и ждать нашу опергруппу.

Поезд еще двигался вдоль платформы, а старшина уже стоял на том месте, где должен был остановиться шестой вагон. Поезд остановился. Открылся тамбур, поднялась площадка, из вагона высунулась с фонарем проводница.

— Куда ему деться! В купе с пассажиром пьянствует...

Артюхин оправил гимнастерку и вошел в вагон.

— Какое купе?

— Четвертое! — ответила проводница.

Артюхин подошел к двери и постучался. Не отозвались. Он открыл купе... Пусто! На полу разбита бутылка из-под водки, стакан. Другой стакан на столике. На столике ломтики колбасы и раздавленное яйцо, словно кто наступил на него ногой.

Старшина позвал проводницу.

— Где они?

Но вопрос был бессмыслен.

Старшина открывал в купе одну дверь за другой, перебудил пассажиров, но Притыкова нигде не было. Исчез и пассажир.

Я застал всех в сборе. Дежурный по станции, старшина, Василий и пассажиры...

И уже раздавались вопросы:

— Что случилось?

— Кто убежал?

— Ограбили? Кого ограбили?

Я попросил Василия осмотреть все в купе, назначил встречу в Рязани. Вышли на перрон. Вот это все мне и не нравилось: люди, тревога. А этот господин имеет возможность наблюдать за всем, оставаясь для нас неприметным...

Поезд тронулся. Я пошел с сержантом в милицйскую комнату.

Опередил! Неужели на этом роковом перегоне, где и мы могли встретиться со Шкаликовым, он опять, опять оказался впереди?

Я уже знал от проводницы, что пассажир с восточным лицом вошел на станции Шилово и исчез... Исчез и Шкаликов.

В милицйской комнате надрылся телефон. Артюхин снял трубку. И вдруг изменился в лице. Прикрыл мембрану, доложил:

— Звонят из Дома приезжих... Тут, недалеко... От Дома приезжих угнали грузовую машину. Только что угнали... Наверно, этот Притыков?..

— Притыков! — ответил я старшине, не желая посвящать его во все сложности дела.

Ну хоть здесь мы не попали впросяк. Этот господин незаметно вышел из другого вагона, где его и не ждали, затерялся в темноте, наткнулся на машину и погнал ее, уходя как можно дальше. Стало быть, он не видел нашей суеи.

— Не уйдет, догоним! — воскликнул старшина.

— Догоним!

— Мы сейчас на посты сообщим!

— Я сам сообщу! — унял я его рвение.

Не рассказав же старшине милиции, какие в ту минуту одолевали меня сомнения, Василий заметил в купе пыль на белых занавесах. Разбитая бутылка, разбитый стакан... Он высказал предположение, пока только предположение, что в купе открывалось окно. Если оно открывалось, то совершено преступление, а если не открывалось?

Подошла «Волга». Я вышел навстречу Авдюшину. Он сразу начал с машины. На переезде он встретил показавшийся ему подозрительным самосвал «ЗИЛ-130», он хотел было его задержать, но торопился ко мне.

— Вы разглядели кабину самосвала? — спросил я Авдюшина.

— Мы ослепили его встречным светом на переезде... В кабине сидел один человек за рулем... Мне показалось, товарищ полковник, что водитель похож на того, кого вы ищете!

— На кого? На Притыкова или на Гусейнова?

— Не на Притыкова... Притыков маленького роста... Этот высок, у него восточный тип лица... Поэтому я и хотел задержать... Не знал... Не было вашей команды! Но мы его догоним! Немедленно догоним! Здесь он никуда не уйдет! У нас отличные посты ГАИ...

Я оглянулся на старшину милиции Артюхина. Все равно он узнает о находке... На него можно было рассчитывать в такой мелочи. Я попросил его связаться с дежурным по станции Проня и от моего имени организовать тщательнейший осмотр перегона между Шиловом и Проней. Искать надлежало труп выброшенного из поезда человека...

— Притыков? — спросил Авдюшин.

— Если за рулем самосвала не было Притыкова, искать Притыкова.

— Это же убийца! Мы его сейчас догоним!

Старшина милиции побежал и селектору, Авдюшин — к машине. Я же был в нерешительности... Я не торопился, хотя надо было торопиться! Сел как бы против своей воли в машину.

Возвращаясь к ранее сказанному. Погоня в нашем деле — это не стиль работы, это признак слабости и неподготовленности операции. Другое дело, когда мы торопились спасти Шкаликова.

Авдюшин не напрасно утверждал, что посты ГАИ у них отличные. Он тут же из машины связался по радиации с постами в Кирицах и Соколовке. Куда бы ни свернул с проселка самосвал, налево или направо, он был бы перехвачен. Радиоволны опередили его.

Ночь... Выпала на асфальт роса. Мы остановились, когда въехали с проселка на шоссе. Вышли с Авдюшиным.

Покрышки самосвала наволокли с проселка пыль на мокрый асфальт и четко пропечатали следы. Самосвал повернул направо, к Рязани...

К Рязани... К областному центру, к железнодорожному узлу, к точке, где он мог встретить наибольшую насыщенность милицйских постов. Не может быть, чтобы он сворачивал по интуиции, не обдумав, куда свернуть. Если бы он почувствовал хоть в какой-либо степени, что кто-то идет по его следу, он повернул бы налево, подальше от Рязани, в районы погуще...

Стало быть, он спокоем... Надо ли его пугать?

Поехали по шоссе. Шофер нажал на акселератор, стрелка спидометра склонилась до отказа направо. «ЗИЛ-130» снабжен восьмицилиндровым двигателем. Это быстрая машина, но мы уже шли с превышением ее скорости километров на тридцать. До Рязани было пятьдесят километров. Мы должны были его догнать где-то на полпути.

Авдюшин вызвал навстречу оперативную машину ГАИ. Мы его брали как бы в корочку. Действительно, деваться ему было некуда. Осталось одно — бросить машину и скрыться в поле. На всем пути от Прони и до Рязани леса не было.

Я чувствовал, как шофером и Авдюшиным овладевает азарт погоню. У меня азарт проходил. Еще несколько минут, и случится непоправимое. Или мы возьмем его, обрубив все спрятанные концы этого дела, или он уйдет, обнаружив нашу погоню, установив, что за ним гонятся... Все дальнейшие комбинации будут исчислять!

Я уже казнил себя за то, что мы не успели к Шкаликову, не успели, потому что гнались, а надо было быть впереди этого господина! Что мы имели, что позволяло мне идти на риск вообще? Кто же ему сказал, что Шкаликов жив? Кто? Кто ему указал его адрес? У Шкаликова фотографии и журналы со статьями Раскольцева. Раскольцев... Без него Сальге не нашел бы Шкаликова... Значит, и Раскольцев! Но какие доказательства? Сальге заявил, что никакого Раскольцева он не знает. И тогда я решился на риск! Очень крупным представлялось мне это дело.

Я попросил Авдюшина включить радиацию и приказать встречной оперативной машине, не останавливаясь, следовать нам навстречу. Не останавливаясь и не задерживая самосвала. Авдюшин поразился. Он не удержался:

— Товарищ полковник, вы за наших товарищей из ГАИ боитесь?

— Передайте также на пост Соколовку, — продолжал я, — и на посты ГАИ, чтобы этот самосвал нигде и ни при каких обстоятельствах не задерживали...

Авдюшин понял, наконец, что вот теперь и начинается наша операция.

Я еще, правда, смутно себе представлял, как она начнется, но ход событий подсказывал ее начало.

Случайность? Такая же случайность, как и с обращением в милицию Шкаликовой? Нет! Не случайность!

Не случайно, а только в силу своей добросовестности и чувства ответственности милиционер Рыжиков нашел след... Он очень переживал свою ошибку с паспортом Гусейнова, хотя ошибка была и невелика. Паспорт был изготовлен отлично.

Вся история с протоколом вообще была срывом у Сальге. Он приехал в село к Притыкову. Как мы знаем, Притыкова не оказалось. Ему нужно было, конечно, ухватиться за его след. Может быть, он просто проголодался. Он отправился в колхозную «Чайную». Разговорил-

ся за столиком с каким-то местным жителем и решил угостить его водкой для более задушевной беседы. Подошел и стойке. Заказал две порции водки по сто пятьдесят граммов. Пока рассчитывался, из-за его спины протянулась чья-то рука, схватила стакан... Сальге оглянулся. Невзрачный человек допивал большими глотками его водку. Буфетчица подняла крик. Оказывается, это был давний и излюбленный прием окончательно спившегося человека. Вызвали милицию, хотя Сальге просил не обращать внимания, отказался от всяких претензий. Но никто за Сальге и за его потерю не переживал. Всем надоела назойливость пьяницы. Пришел Рыжиков и составил протокол. Сальге пришлось предъявить паспорт, как пострадавшему. А когда Рыжиков узнал, что Гусейнов ищет Притыкова, подсказал ему, что тот оформился проводником на железную дорогу...

Кругом виноватым считал себя Рыжиков. Он искал... Неизвестно, что искал... Он решил перерешить все, что касалось Притыкова. К ночи, перерывая в который уже раз корзину из-под бумаг в бухгалтерии колхоза, где работал счетоводом Притыков, он нашел обрывок квитанции, по которой Притыков получил перевод в пятьдесят рублей. Перевод до востребования... Удивило Рыжикова, что перевод пришел в почтовое отделение в другом селе, расположенном километрах в двадцати выше по Оке.

Зачем Притыкову понадобилась такая конспирация?

Добраться в село Инянино, где находилось это почтовое отделение, было не так-то просто. Оно находилось на другом берегу Оки. Надо было ехать часа два на катере, от пристани идти пешком семь километров. Неспроста все это было у Притыкова. Так решил Рыжиков. Невзирая на поздний час, он сел в моторную лодку и отправился в Инянино. На пристани он в колхозе поднял с постели знакомого ему шофера, в Инянине разбудил работниц почты. Они ему рассказали, что Притыков получал ежемесячно вот уже два года по пятьдесят рублей из Москвы. Открыли ночью почту. Подняли корешки квитанций. Притыков получал переводы от Раскольцева! Имя это, конечно, ничего не говорило Рыжикову, но переводы квитанции он забрал. Рассказали ему работницы почты, что являлся к ним на почту на свидание к Притыкову его друг, высокий, со смуглым лицом. Они признались, что подсказали незнакому, где искать Притыкова. Нарушили почтовые правила. Очень уж он просил, жалко было человека, издалека ехал!

В третьем часу ночи я приехал в управление. Дежурный сказал, что меня разыскивает Рыжиков. Звонить ему надо в Инянино...

В Инянино, так в Инянино... Название этого села в ту минуту мне ничего не говорило. Соединились с Инянином.

— Товарищ полковник, еле нашел вас! Притыков получал в Инянинском почтовом отделении переводы из Москвы... По пятьдесят рублей в месяц... Переводил ему какой-то Раскольцев! Посмотрите на карту, товарищ полковник! Это далеко от нашего села...

— Раскольцев? — перебил я его. Меня уже не интересовало, где это село. — Раскольцев? — переспросил я еще раз.

Рыжиков медленно, по слогам, повторил фамилию. Добавил, что у него квитанция в руках, но без обратного адреса. Адрес мне был не нужен...

— Спасибо, Рыжиков! Спасибо! — поблагодарил я его от души. — Квитанции лично доставите в Москву ко мне... И немедленно...

Не квитанции были мне нужны. Их можно было получить и другим путем. Мне был нужен Рыжиков. Пока это был единственный человек с профессиональными навыками, который видел и говорил с таинственным незнакомцем...

В Москве утром меня застало еще одно известие. На перегоне Шилово — Проня нашли до неузнаваемости обезображенный труп человека. Его искромсало колесами поезда... Нашли и паспорт на имя Притыкова в кармане железнодорожной формы...

Но теперь мы знали, где пересекутся наши пути с убийцей.

11

К концу дня должен был прибыть Рыжиков. Он ехал поездом. Но медлить было нельзя. С часу на час в Москве должен был появиться и Сальге. Встретить его на вокзале в Москве не имело смысла. Он мог сойти на любой станции, пересест в электричку, в автобус... Словом, вокзал как место встречи я исключил. Он должен был, как я считал, связаться с Раскольцевым. На всякий случай только для подстраховки я позвонил в Томск и попросил наших товарищей побережь Власьева. Никаких оснований считать, что Сальге направится и туда, у меня не было. Все сходилось и Раскольцеву.

И не за пятьдесят же рублей убрал Шкаликова, убрал его за то, что он что-то знал о Раскольцеве. Вот тогда зазвучали в полную силу слова Власьева: «Раскольцев, тот был поглаже... На голодного не смыхивал...» Сохранилась у Власьева в памяти эта деталь. И не могла не сохраниться у дистрофиков, у голодных. Разительная деталь! Тут ошибки быть не могло!

Знал, видимо, Шкаликов, откуда прибыл к ним в лагерь Раскольцев. Не ради ли Раскольцева и весь побег удался? Я не говорю «совершенно», Голубев и Власев бежали, потому такая возможность объявлялась, — о том, что ловить не будут, они знать не могли.

Теперь выстраивалась версия. Оживляют агитацию. Расчищают для Раскольцева возможность работать. Наверное, все эти годы его не трогали... Оговариваюсь. Именно «наверное». Могло быть и так. А теперь понадобился...

Сами по себе переводы Шкаликову от Рас-

кольцева мыслей у меня таких не вызвали бы. Но он переводил Притыкову! Он знал, что Шкаликос скрывался, помогал ему в этом и считал, что есть у Шкаликоса причины скрываться, причины «умереть»... Но эта «смерть» оказалась ненадежной. Убранили... Раскольников переводил деньги в Инкино. Именно в Инкино приехал и Сальге. Раскольников навел на след, направил... Он соучастник в убийстве, убийство совершено. Теперь Сальге должен дать отчет. Их встреча с Раскольниковым предопределена. Письмо? Телефонный звонок, условный язык? Нет! Должна быть встреча, если идет оживление агента.

Установили мы, что у Раскольцева есть расписание частных приемов. Лучшего предложения для встречи, чем приход на прием, и придумать не надо.

В клинику Сальге не пойдет. Там нужно предъявить документы. Здесь все проще.

На прием я решил пойти сам. Очень мне хотелось встретиться лицом к лицу с Сальге, взглянуть ему в глаза, взвесить силы этого противника. Любопытно было посмотреть и сразу после встречи с Сальге на Раскольцева. Как он овладеет собой, какой у него след оставит эта встреча? Окончательно это потерянный человек или он запутался по слабости?

Рыжинов должен был опоздать Гусейнова.

Ждать... Ждать... Ждать и догонять — нет ничего хуже.

Прошло двое суток. Десятки раз были обсуждены все возможные варианты, как браться этого опасного человека. Он мог отстреливаться. Нельзя было дать этой возможности, нельзя было дать ему возможности и покончить с собой. Все заранее оговорили, предусмотрели все случайности и ждали... И вдруг резкий звонок телефона. Ждали, ждали, а все же «вдруг»! Этот телефон мог звонить только в одном случае...

Я снял трубку. С нервной дрожью в голосе Василия объявил:

— Он пришел! Идет к даче...

Я посмотрел на часы. Первый час дня. Доктор Раскольников заканчивает прием в час. Выбрал время под конец приема.

— Иду! — ответил я Василию.

Я не торопился. Шел, рассматривая на всякий случай номера дач. Первое посещение... Мы наблюдали, но и за мной могли в это время наблюдать.

Итак, все сошлось. Мы вышли на второй фон всей этой истории.

Теперь, когда передо мной лежит все полностью завершённое дело, когда все его исходные сложилась в единый ход событий, все кажется простым... Придется опять забежать вперед, чтобы прояснить этот второй фон.

Сальге, не найдя Шкаликоса дома, сразу же поехал к Раскольникову.

К респектабельному частнопрактикующему врачу явился очередной больной. Явился под конец приема и был записан последним.

Вошел в кабинет. Раскольников, заканчивая запись по предыдущему больному, задал обычный вопрос, не отрывая глаз от бумаг.

— На что жалуетесь?

— Гипертония, доктор! — ответил больной. Раскольников поднял глаза на пациента. С сомнением покачал головой. Спросил:

— Спортсмен?

— Занимался спортом... Сейчас не занимаюсь... Возраст!

— Вид у вас, однако, не гипертоника! — заключил Раскольников.

Измерил давление.

— Странно! У вас отличное давление! Отличнейшее... Возраст никак не сказался! Курите?

Сальге улыбался.

— Не курю, доктор! И никогда не курил...

— Коньяк?

— Коньяк! — как бы виновато ответил пациент.

Осмотр продолжался. Раскольников выслушал Сальге, оцупал его, попросил одеться и задумался. И опять последовал обычный для него вопрос:

— Кто вас направил ко мне?

Должны мы, конечно, признать, что ответ поразил Раскольцева, хотя многие годы он и ожидал услышать эти слова, втайне надеясь, что все ушло в прошлое и он никогда их не услышит.

Пациент негромко произнес:

— Вам привет от Отто!

Раскольников услышал, перо зависло над бумагой, все внутри у него оборвалось. Кто это? Почему? Все было давно... А вдруг это его испытывают чекисты?

— Вы не ослышались, доктор! — продолжал пациент. — Вам привет, доктор!

Что делать? Убить, убить! Это было первой мыслью. А если это советская контрразведка? Надо выиграть время.

Раскольников невинно ответил:

— Я вас не понимаю, больной!

— Я не думал, что у вас плохая память!

Но Раскольников все еще опасался, что перед ним чекист, и он воскликнул с яростью:

— Вон! Убирайтесь вон!

Посетитель встал, спокойно отошел к двери, едва обронив несколько слов:

— Очень сожалею, доктор!

Это были страшные слова, за ними таилась вполне очевидная угроза. И Раскольников знал, что ему грозит, если это не чекист, а гость из прошлого. Он не мог его так отпустить.

— Подождите!

Гость вернулся, сел на свое место. Раскольников осторожно попытался установить, что же известно посетителю.

— Я что-то начинаю припоминать... — начал он.

Сальге понял его сомнения. Он выложил на стол пачку фотографий из гестаповского досье, на которых доктор был снят во время на-

тельных операций зондеркоманды в форме младшего офицера СД.

Если посетитель был сотрудником КГБ, скрывать было нечего. За эти деяния по советскому законодательству полагалась высшая мера наказания. Раскольников это знал. И он взмолился:

— Прошло столько лет...

Посетитель ответил:

— Не было причин вас беспокоить...

— Оставьте меня! Все забыто... У меня дочь... В наше время, в наших условиях это — безумие! Это гибель!

Нарочито растягивая каждое слово, Сальге продолжал:

— Каждому свое... Если вы не в силах переломить себя, мы против насилия... Но я не хотел бы, доктор, чтобы у вас возникли какие-либо иллюзии! Ваша судьба в ваших руках!

Раскольникову пришлось с этим согласиться, последовал тот вопрос, которого и ожидал от него посетитель:

— Что вам от меня нужно?

С этой минуты хозяином положения стал Сальге. Он объяснил, что у новых хозяев той агентуры, в которую входил Раскольников, проявился к нему интерес в связи с тем, что он лечил генерала Брунова.

Раскольников получил исчерпывающие инструкции завязать с генералом дружбу, записывать каждое его слово портативным магнитофоном, исходить к нему подходы.

Прошлое опрокинуло настоящее, уничтожило его. Перед Раскольниковым стоял выбор уйти из жизни или работать на новых хозяев. Он опять уцепился за жизнь. Тогда он и спросил у Сальге, не они ли подсылали к нему Шкаликоса. Так Сальге выяснил, что Шкаликос жив. Шкаликос шантажировал Раскольцева, указал ему, куда высылать деньги, — именно по этому адресу и поехал Сальге...

Тогда мы этого ничего не знали. Нам было ясно только одно, что Сальге и Раскольников связаны, что убийство Шкаликоса — это дело их рук...

Калитка отперта. Я уже знал, что больные не стучатся, а сразу проходят на веранду и записываются у покойной женщины.

Я открыл калитку и вошел, шел до веранды, упорно не поднимая глаз. Только безразличие, только равнодушие, никак не выдать себя. Он, этот господин, сейчас напряжен до предела.

Скрипят под ногами ступени. Вошел. Можно и поздороваться.

Я поклонился, ни к кому не обращаясь, и огляделся. На мгновение скользнул по его лицу взглядом. Он стоял спиной к саду, облокотившись о барьер веранды. Буркнул в ответ:

— Здравствуй!

Слово прозвучало без акцента.

Из кабинета вышла пожилая женщина.

— Вы на прием? — спросила она меня.

— На прием... Если, конечно, можно...

— Вы первый раз? Я спрошу доктора... Он заканчивает прием, а еще двое на очереди...

Мы встретились с ним взглядами. Я смотрел потухшими глазами больного человека, робющего перед решающим приемом у врача. Его глаза горели. Смуглое, волевого лица.

Стоит он так... Один рывок — и на локтях перебрисит тренированное тело через барьер. Хотя ведь не молод, не молод... Мы почти ровесники.

Я еще раз огляделся. Несколько плетеных кресел. Столик с журналами и газетами. Присел на стул и повесил ее на гвоздик. Представляю себе волнение Василия: я подал знак «не брать».

Да, да! Именно «не брать». Ситуация для ареста явно не созрела. Такой господин по пустякам сюда не приехал бы. Не убивать же Шкаликоса он прибыл к нам!

— Жарко! — сказал я. — Парит...

Вытер носовым платком пот на лице.

Вышла женщина и объявила:

— Доктор вас примет... Последним...

Время, однако, шло...

Прошла в кабинет пациентка. Мы остались с Сальге вдвоем. Он молчал. Я сидел в кресле, не глядя на него, но чувствовал его присутствие, каждый его жест.

Прошел, наконец, и он в кабинет. На веранде оставил портфель и трость. Отличный прием, но для кого? Это уже профессиональное неуважение — рассчитывать, будто чекист кинется проверять, что у него в портфеле. Проверка, не ведется ли за ним наблюдение. Всеми средствами, даже наивными. Есть только одна разведка, которая так работает... ее стиль... Маскированный, тотальный. В деталях, в мелочах!

Я голосов их не слышу. Стена капитальная. Но там, на наблюдательном пункте, Василий все слышит и все фиксирует.

И здесь было кое-что предусмотрено. Если бы содержание их разговора потребовало немедленного ареста обоих преступников, из пункта наблюдения был бы подан сигнал. Василий мог принять это решение только в том случае, если бы чей-нибудь жизни грозила опасность.

Я терпеливо ждал. Разговор у них не короток, стало быть, по существу...

Проглядывался с веранды довольно просторный садовый участок. Такие нарезались в тридцатых годах, когда поощрялась инициатива застройщиков в подмосковных поселках. Наверное, купил он эту дачу. Но деревья в саду молодые. Как он мог сажать сад, зная в душе, что вся его жизнь может рухнуть в одно мгновение?.. Жена? Все эти любовно ухоженные деревья требовали высокого душевного спокойствия.

Шаги за дверью, дверь раскрылась, вышел Сальге. Я встал.

Из-за двери раздался голос:

— Пожалуйста!

Сальге раскланялся со мной, обнажив ослепительные зубы, улыбнулся он только ртом, глаза смотрели пронизывающе и холодно. Какого-либо неудовольствия встречей я не отметил...

А что если? Импровизация и в нашем деле иной раз решает все дело! Я задумался, входя в кабинет. Что-то интересное показалось мне в промелькнувшей мысли. Ну, конечно же!

Все это по-житейски очень просто и открывает Раскольникову возможность подумать, как бы подтолкнуть его под локоть к спасению...

Повторяю, тогда мы не знали, как круто замешана их связь, на какой крови она держится...

Когда я вошел в кабинет, Раскольников сидел за столом, что-то записывал в тетрадь посещения больных. Не поднимая голову, сказал:

— Садитесь!

Поставил точку в конце фразы, поднял на меня глаза.

— Фамилия?

Я окончательно решил: да, то, что мелькнуло при входе в кабинет лишь проблемским, пожалуй, самым верным ходом...

— Дубровин Никита Алексеевич!

Он записал.

— Возраст?

— Пятьдесят шесть лет...

— Работаете?

— Работаю...

— Профессия?

— Полковник...

— Военнослужащий? В штатском?

— По условиям службы приходится в штатском...

Здесь бы ему и споткнуться, если бы его мысли в эту минуту работали в определенном направлении. Но его внимание скользнуло мимо этой моей оговорки о «штатском».

— Курите?

— Трубку, доктор!

— Не глядя, сразу говорю, курить бросайте! Ничего не знаю! Если хотите у меня лечиться, сразу бросайте! Ночные работы? Нервы?

— Сейчас какие там нервы? И ночных работ нет! Все было, доктор... и по полторы пачки курил за ночь... Во время войны досталось!

— Всем, кто воевал, досталось! Ранения были?

— Ранений не было, но работа была сложной...

Потихоньку я его выводил на главный вопрос. Он взглянул на меня из-под очков.

— Что-нибудь было особенным в вашей работе, что могло повлиять на ваше здоровье?..

— Наверное... Я всю войну провел, доктор, в Германии...

— Простите! Это по какой же линии всю войну в Германии?

— По нашей, доктор! Всю войну провел там на нелегальном положении.

— Зачем вы мне это говорите, пациент?

Ого! Легко и свободно, без усилия он принимает вызов!

— Это уже давно не тайна, доктор! Теперь я занимаюсь историей... А вот там, наверное, и закладывалась моя болезнь... Сердце болит, доктор!

— Там это могло быть! Там все могло быть! Страшная страна! Я тоже был во время войны в Германии. В плену!

— Сочувствую вам, доктор! Досталось, наверное!

— Кто вас ко мне рекомендовал?

Я назвал ему имя его давнего пациента.

— Ложитесь! — приказал он.

Я снял пиджак, рубашку и лег. К спине прикоснулся холодный ободок стетоскопа. Выслушивал он внимательно. Должен отдать ему справедливость.

— О-о! — воскликнул он. — Германия?

Он увидел шрам на спине от пулевого ранения.

— Испания, доктор! Мадрид!

— Биография у вас, скажу я вам! Эпоха!

Он разрешил мне встать.

— Мы не думали об эпохе! Жили, как повелевала совесть!

— И горели, как свечи! — поддержал он разговор. — Стеарин остался, а фитилька частично не хватает... Сердце у вас пошаливает! Но имейте в виду, что сердце — аппарат выносимый. Только убирать надо все лишнее. Пора отказаться от трубки. Историей занятия не обременительны! Я тоже иногда мысленно возвращаюсь к прошлому... Нельзя сказать, что о фашистском плене написано мало... А вы знаете, не доходит до молодых... Рассказываю вот дочке, она верит... Как не верить! Но зрительно этого не представляет...

— Да, в стандарты здесь ничего не вгонится!

— Именно в стандарты, полковник! Фашизм — это во всем стандарт. И в мыслях и в практике...

— Интересная мысль! Если, конечно, вздумаете заняться историей... Звоните, доктор! Может быть, я чем-нибудь и помогу!

Решился уже совсем на прямой намек. Но легко, конечно, и объяснимо желание пациента чем-то помочь своему доктору. И уловил, уловил я в нем какое-то движение, какое-то метафизическое, бесполое, в мыслях при всей его сухости и сдержанности. Он сжал мне руку чуть повыше локтя и проговорил:

— Принимайте мои лекарства... Заглядывайте через неделю...

Мы раскланялись...

Солнце между тем совершило положенный ему путь, и лучи упали на веранду. Блестала серебром хвои елочка. Я снял с гвоздя шляпу и тихо пошел... Да, артист он превосходный. Прекрасно провел роль, нигде не переиграл, нигде не сбился!

Продолжение следует.

ВОСПИТАНИЕ ПОДВИГОМ

Издательство политической литературы выпустило книгу «Будь готов к подвигу», посвященную вопросам военно-патриотического воспитания молодежи. Авторы К. Селихов, Ю. Дерюгин и В. Шишов поставили себе целью рассказать о работе Коммунистической партии Советского Союза, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и многочисленных общественных организаций, направленной на дальнейшее улучшение героико-патриотического воспитания советского народа.

В книге собран богатый фактический материал, рассказывающий о роли Владимира Ильича Ленина в создании Красной Армии, о первых победах армии рабочих и крестьян, о том, как мужала Советская Армия в годы пятилеток и как был выдержан тяжелейший экзамен на зрелость в годы Великой Отечественной войны.

Читатели смогут познакомиться с волнующими документами тех лет, постановлениями партийных и комсомольских ячеек, члены которых в полном составе уходили на фронты гражданской войны. Значительная часть книги посвящена деятельности ВЛКСМ. Интересен раздел книги, посвященный комсомольцам тридцатых годов. Здесь рассказывается история общества содействия обороне, Осоавиахима, соревнований по подготовке «ворошиловских стрелков».

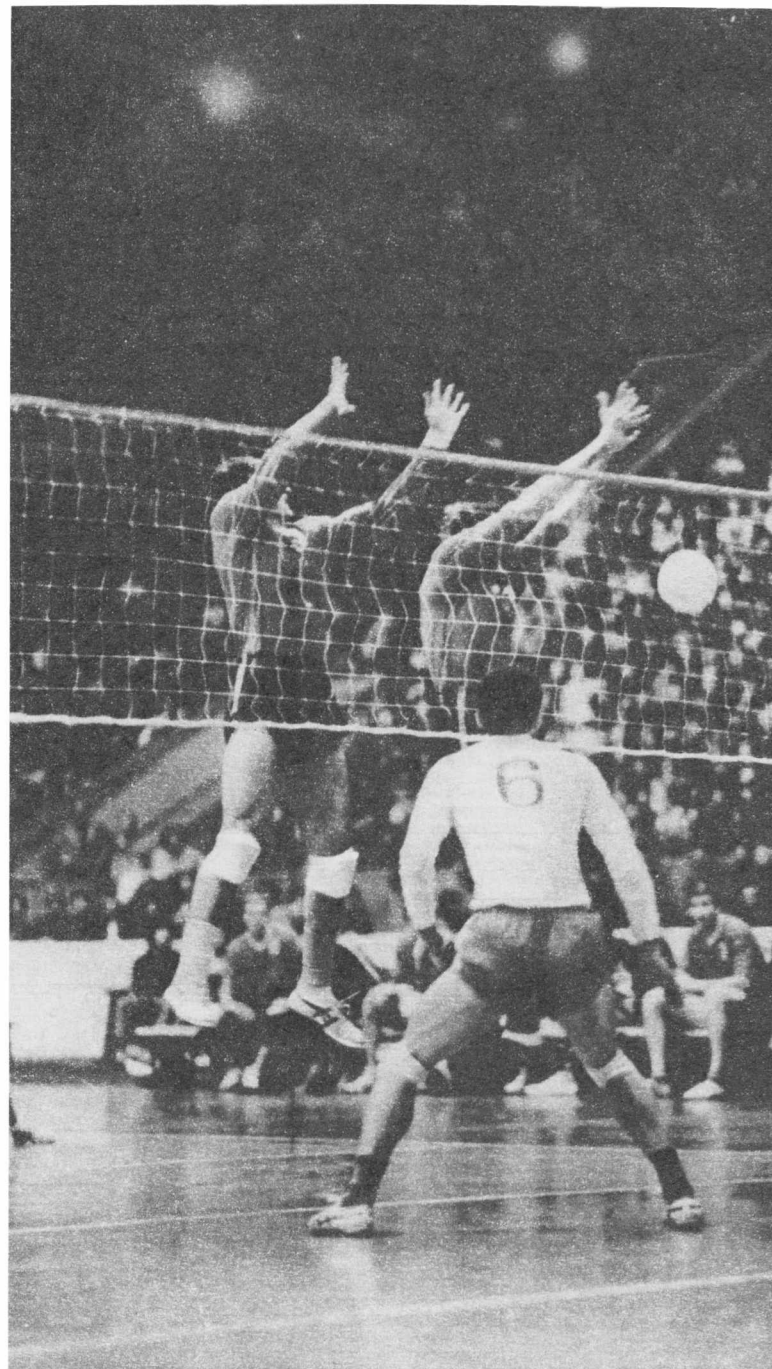
Заключительная глава книги рассказывает о современной Советской Армии. Здесь приводятся данные социологических исследований, представляющие огромный интерес. Они позволяют проанализировать коренные изменения, которые произошли в Советской Армии за пятьдесят лет. С другой стороны, в книге использован интересный материал, раскрывающий основные формы военной работы с молодежью в некоторых капиталистических странах.

Хотелось бы рекомендовать книгу партийному и комсомольскому активу, клубам ДОСААФ, призывным пунктам, для которых работа К. Селихова, Ю. Дерюгина и В. Шишова окажет помощь в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Т. САВИНА

К. Селихов, Ю. Дерюгин, В. Шишов. Будь готов к подвигу. Политиздат, 1972.

КАКИМ ОН БУДЕТ, ВОЛЕЙБОЛ ОЛИМПИЙСКИЙ?

МЮНХЕН ЖДЕТ СПОРТСМЕНОВ

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Из центра Мюнхена до олимпийского спортивного комплекса едем на автомобиле минут пятнадцать. На стоянке с превеликим трудом находим свободное место. В административном помещении меня любезно принимает председатель Подготовительного комитета Олимпийских игр господин Дауме.

— Как известно, основная идея планировки нашего комплекса — его компактность и простота, —

говорит господин Дауме. — Главный стадион, гимнастический зал и плавательный бассейн — все расположено под одной светопрозрачной крышей. От них рукой подать до велодрома, волейбольного зала... В отличие от Мехико спортсменам не придется ездить далеко. Комплекс стадионов и площадок, олимпийская деревня, пресс-городок — все разместилось на трех квадратных километрах. Только один вид олимпийской программы будет разыгран не в Мюнхене, а в Киле.

После беседы с господином Дауме осматриваю некоторые сооружения олимпийского комплекса. Штутгартский архитектор Гюнтер Бениш создал очень своеобразное сооружение. На трибунах чувствуешь себя словно под огромным прозрачным шатром, столько здесь простора, воздуха, света. А в помещении под трибунами главного стадиона царство вычислительных машин и запоминающих устройств. Здесь разместились центр олимпийской службы информации. Вычислительные машины будут осуществлять и контролировать двустороннюю связь со всеми спортивными ристалищами. По стартовым номерам и показанным результатам машины найдут фамилии спортсменов, укажут их национальность, зарегистрируют олимпийские и миро-

Хлесткие удары по мячу оглушительно звучат в пустом зале. Идет очередная тренировка волейболистов нашей сборной. Мой собеседник — рослый, худощавый офицер — в том возрасте, когда еще вполне можно играть самому, но он уже тренер, и не первый год. Старший тренер сборной — дважды чемпион мира, олимпийский чемпион Юрий Чесноков, питомец армейских волейболистов. Двадцать пять раз становились московские армейцы чемпионами страны. Поколение нынешнего старшего тренера сборной немало сделало для развития атакующего стиля. Красиво, мощно, изобретательно играли московские армейцы. Впрочем, хватит воспоминаний. Мы сидим на пустых трибунах, идет тренировка. Мастера семидесятых годов играют в самый современный стиль волейбол.

— Скажите, Юрий Борисович, в чем в общих чертах разница между сегодняшним волейболом и тем, который казался еще недавно пределом мастерства и атлетизма?

— Прежде всего в том, что игра стала еще интенсивней, стремительней и тактически разнообразней. Давно минула пора чистых защитников, разыгрывающих или нападающих. Современный волейболист — прежде всего универсал. Он обязан в равной степени хорошо играть в защите и в нападении, уметь дать любой пас. Интенсивность игры, плотность событий, совершающихся на площадке в неувлажненное малое время, просто не оставляют возможности для какого-то разделения функций между игроками... Все происходит молниеносно, внезапность атаки — главный принцип. Групповой блок можно пробить только в том случае, если в атакующей комбинации участвует вся команда. Помните, каким превосходным мастером защиты был москвич Сергей Нефедов? Его акробатические прыжки вызвали овалы, его реакция поражала. Позднее отличным защитником и разыгрывающим игроком слыл армеец Георгий Мондзалецкий. Сейчас ни тот, ни другой не мог-

ли бы играть в команде. Повторяю, универсализм — умение делать все на площадке — требование сегодняшнего волейбола, начиная от приема мяча с подачи, которая сама по себе стала атакующим фактором. В наше время побеждает тот ансамбль, который сильнее сыграет в обороне, потому что в ней — начало мгновенной ответной атаки.

В современном волейболе решающее значение имеет атлетизм. Закон теперешнего волейбола — игра без мяча: получишь ты в это мгновение мяч или не получишь — играть надо! Весь долгий матч — в движении. Это требует безукоризненной физической подготовки.

— Какими средствами достигаются высокий атлетизм мастера волейбола, его разносторонность, неутомимость?

— На тренировке мы применяем специальные упражнения, развивающие прыгучесть, координацию движений, мгновенную реакцию, силу. Легкоатлетические кроссы, лыжи помогают стать выносливыми. Играем немного в футбол, больше — в баскетбол. Играем и в хоккей, в свой, особенный: с укороченными клюшками, с маленьким мячом — все время на полусогнутых ногах... Словом, современный волейболист — это спортсмен синтетического плана. Иначе не выдержать нагрузки матча.

— Волейбольный турнир на предстоящих Олимпийских играх в Мюнхене обещает быть чрезвычайно напряженным, не так ли? Какова сегодня расстановка сил в мировом волейболе, кто наш самый опасный соперник? Какие особенности в игре лучших команд?

— Начну с традиционного утверждения, что на таких соревнованиях, как Олимпийские игры, слабых соперников не бывает. Это не фраза. Вспомните хотя бы прискорбный случай, происшедший на прошлой Олимпиаде в Мексике: наша сборная неожиданно проиграла заведомо слабейшей команде Соединенных Штатов Америки! На мюнхенской Олимпиаде, конечно, особенно будут

опасны чемпионы мира волейболисты ГДР. Как и в прошлые годы, грозными соперниками станут японцы. Нельзя сбрасывать со счетов и команду Чехословакии! Мы с ней встречаемся в одном из первых же матчей в нашей подгруппе. Быстро прогрессирует команда Кубы, хорошо играют бразильцы...

Разные стили, разные трактовки игры. Для волейболистов ГДР характерен, например, высокий розыгрыш мяча: нападающие наносят удары с высокого паса, с флангов. Игра у них широкая, мощная в атаке, и, естественно, все действия игроков на площадке подчинены этому атакующему началу.

Команда Японии приняла на вооружение игру темповую, на высоких скоростях, острокомбинаторную у сетки, с внезапными атаками. Команды Чехословакии, Болгарии, Румынии и наша сборная стремятся к разнообразию действий, тактической многоплановости. В общем, надо быть готовым играть с каждым соперником в наиболее выгодном для себя ключе! Мы тщательно готовились к олимпийскому турниру. Большую пользу принес своеобразный марафонский матч с японцами, состоявший из десяти встреч. Нам удалось победить с небольшим преимуществом.

— Познакомьте читателей «Огонька» с составом сборной.

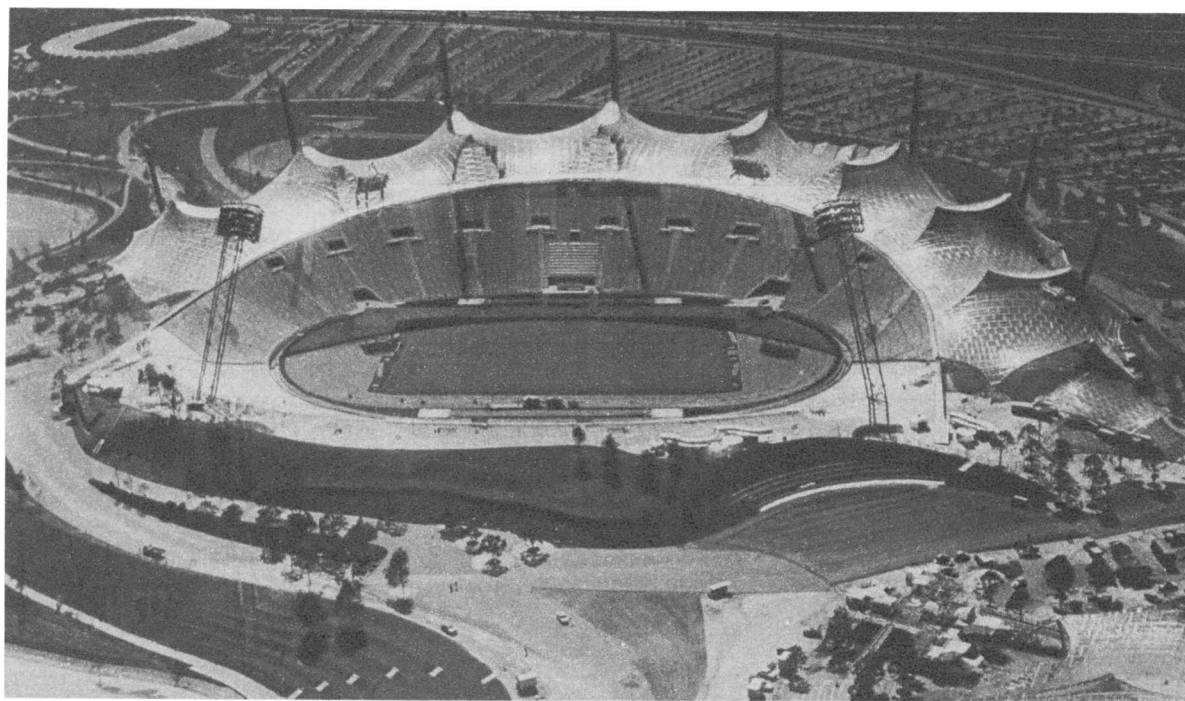
— Команда сформирована, но, конечно, возможны коррективы. В нее вошли Валерий Кравченко из Казахстана, Евгений Лапинский из Одессы, харьковчанин Юрий Поярков, группа московских армейцев — чемпионов страны — Владимир Паткин, Владимир Путьков, Ефим Чулак, Виктор Борщ, Юрий Старонский, Вячеслав Домани, Леонид Зайко. Нашли свое место в игровом ансамбле ленинградцев Александр Сапрыкин, киевлянин Борис Терешук, рижанин Олег Антропов, ростовчанин Олег Запорожец, сочинский спортсмен Владимир Кондра. Как всегда, это сплав молодости и опыта. В подавляющем большинстве игроки сборной — студенты, народ на редкость боевой, дружный.

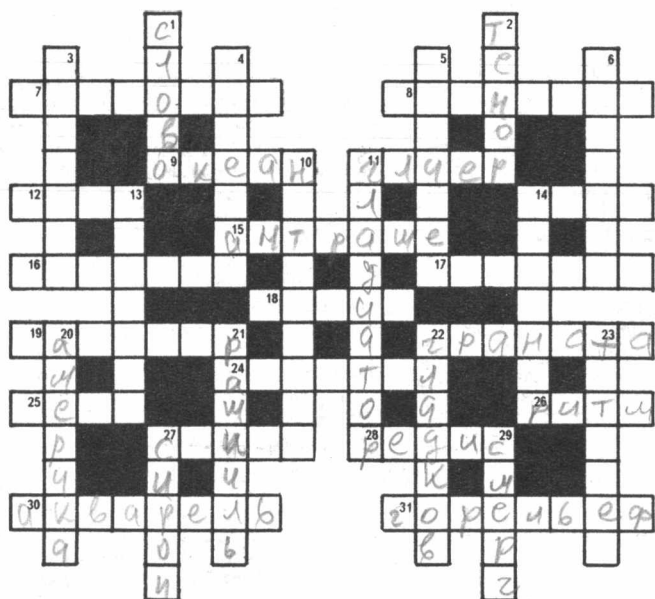
вые рекорды и передадут все эти сведения на телетайпы. Пройдет всего несколько минут после окончания соревнований, и их результаты будут уже размножены на официальных бланках. Вычислительные машины выполнят и другие трудоемкие работы: составят таблицы для командных соревнований и определят партнеров в боксе, дзю-до, борьбе, фехтовании. На все это будут потрачены считанные секунды.

Электронная техника окажет большую помощь журналистам и болельщикам, предоставляя им исчерпывающие ответы почти на все вопросы, касающиеся Олимпийских игр. Запоминающие устройства информационного центра держат в «голове» около 500 миллионов сведений о 15 тысячах спортсменов, их тренерах и официальных представителях, участвующих в XX Олимпийских играх, а также о результатах всех предыдущих Олимпиад.

На XX Олимпийских играх получат боевое крещение многие технические новинки. Так, например, расставания при метании копья, молота, диска будут измеряться не рулеткой, а с помощью инфракрасных лучей, время бегунов — засекаться с небывалой точностью: до трехтысячной доли секунды...

Спортивная арена в Мюнхене готова к приему олимпийцев.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Химический элемент. 8. Экваториальное созвездие. 9. Водное пространство. 11. Советский композитор. 12. Столица союзной республики. 14. Басня И. А. Крылова. 15. Прыжок в балете. 16. Литовский щипковый инструмент. 17. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 18. Снежный барс. 19. Опера Б. Сметаны. 22. Разрывной снаряд. 24. Название первой печатной книги в России. 25. Река в Красноярском крае. 26. Закономерное чередование музыкальных звуков. 27. Приморский курорт в Польше. 28. Огородное растение. 30. Краски, разводимые водой. 31. Скульптурное изображение.

По вертикали: 1. Единица речи. 2. Мужской голос. 3. Приток Дуная. 4. Автор группы «Победа», установленной в Калининграде. 5. Воинское звание. 6. Географическая координата. 10. Живописный жанр. 11. Боец, сражавшийся на цирковой арене в Древнем Риме. 13. Медицинский препарат. 14. Вечнозеленый кустарник или дерево. 20. Часть света. 21. Напильник с крупной насечкой. 22. Автор романа «Цемент». 23. Русский историк. 27. Концентрированный раствор сахара. 29. Сильный вихрь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 31

По горизонтали: 5. Даргомыжский. 8. Кокарда. 9. Пинагор. 10. «Маскарад». 17. Терапия. 18. Экзамен. 19. Днепропетровск. 21. Меларен. 22. Геродот. 23. Аэродром. 28. Алфавит. 29. Синоним. 30. Скороговорка.

По вертикали: 1. Загадка. 2. Пастила. 3. Батат. 4. Тираж. 6. Пороша. 7. Сорока. 11. Спидометр. 12. «Репетитор». 13. Центнер. 14. Пиренеи. 15. Яковлев. 16. Телефон. 19. Джабарлы. 20. Крокодил. 24. Эпиграф. 25. Ориноко. 26. Шашка. 27. Бочка.

На первой странице обложки: Инженер алгуйской геологоразведочной партии Владимир Михайлович Михайлов и старший гидролог Галина Викторовна Шевцова (см. в номере репортаж «Так начинаются города»).

Фото Э. Эттингера.

На последней странице обложки: Изделия Жостовской фабрики декоративной росписи широко известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Особенно хороши подносы — яркие, красочные. На верхнем снимке — работники фабрики в выходной день на прогулке. Внизу слева — натюрморт.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/VII-72 г. А 00719. Подп. к печ. 1/VIII-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1624. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3224.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА

В эти дни в столицу нашей Родины Москву съезжаются ученые со всех континентов — 7 августа начнет работать IV Международный биофизический конгресс. Помимо советской делегации, насчитывающей больше тысячи специалистов, в нем примут участие 1500 исследователей из 38 стран мира. Председатель конгресса — советский ученый академик Г. М. Франк.

Что такое биофизика? И почему эта наука вызывает сейчас столь большой интерес?

Человек родился. Сделал первый вздох. Какие изменения произошли в его организме в начале жизни? Ответить на этот вопрос помогает биофизика.

Он открыл глаза, увидел свет, услышал первые звуки. Реакцию органов чувств на внешние раздражения изучает биофизика.

Ребенок пошел. Какие сложные процессы возникли в мышечной ткани? Понять это дает возможность биофизика.

Эта наука заглядывает в глубины человеческого организма, пытается разобраться в природе многих заболеваний, она занимается даже на то, чтобы объяснить сам процесс познания, понять, что за тонкие биофизические процессы происходят в это время в организме. Она мощно вторгается в, казалось бы, далекие от биологии области кибернетики, управления, являясь мощным стимулом технического прогресса.

Вот почему IV Международный биофизический конгресс вызывает огромный интерес у специалистов по молекулярной биологии, физиков, медиков, математиков, кибернетиков и, конечно, в первую очередь самих биофизиков.

На конгрессе будут рассматриваться проблемы структуры белка и нуклеиновых кислот, радиационной и медицинской биофизики, вычислительной техники в биомедицинских исследованиях, фотосинтеза, биофизики органов чувств, процессов управления — словом, доклады коснутся самого широкого фронта исследований, выполненных в последнее время в научных лабораториях мира.

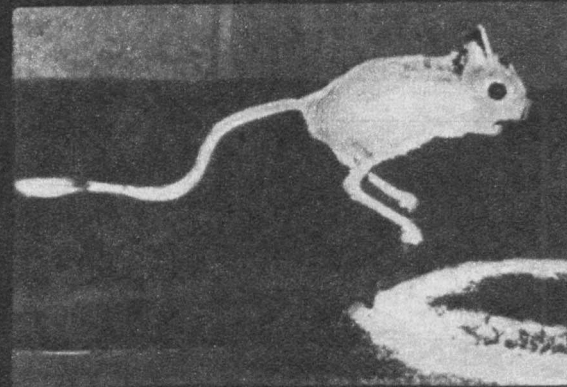
Ванда БЕЛЕЦКАЯ

НА СТРАЖЕ МАЛЫШЕЙ.

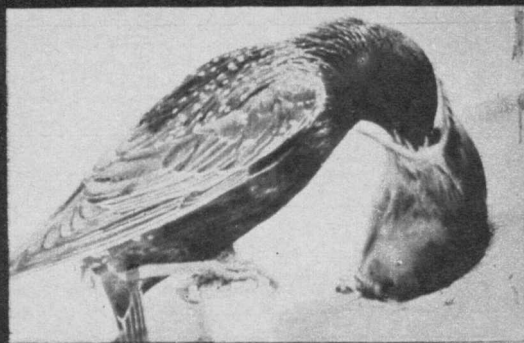
ТРИ ГОДА БЕЗ ВОДЫ

Египетский тушканчик, обитающий в пустынях Африки, способен более трех лет обходиться без воды. Маленький грызун, похожий на кенгуру, быстро передвигается по пескам пустыни на задних конечностях, делая почти двухметровые прыжки. Передние лапки настолько коротки, что их едва видно. Ими тушканчик роет норы, умывается и ест.

В МИ

проголодался...

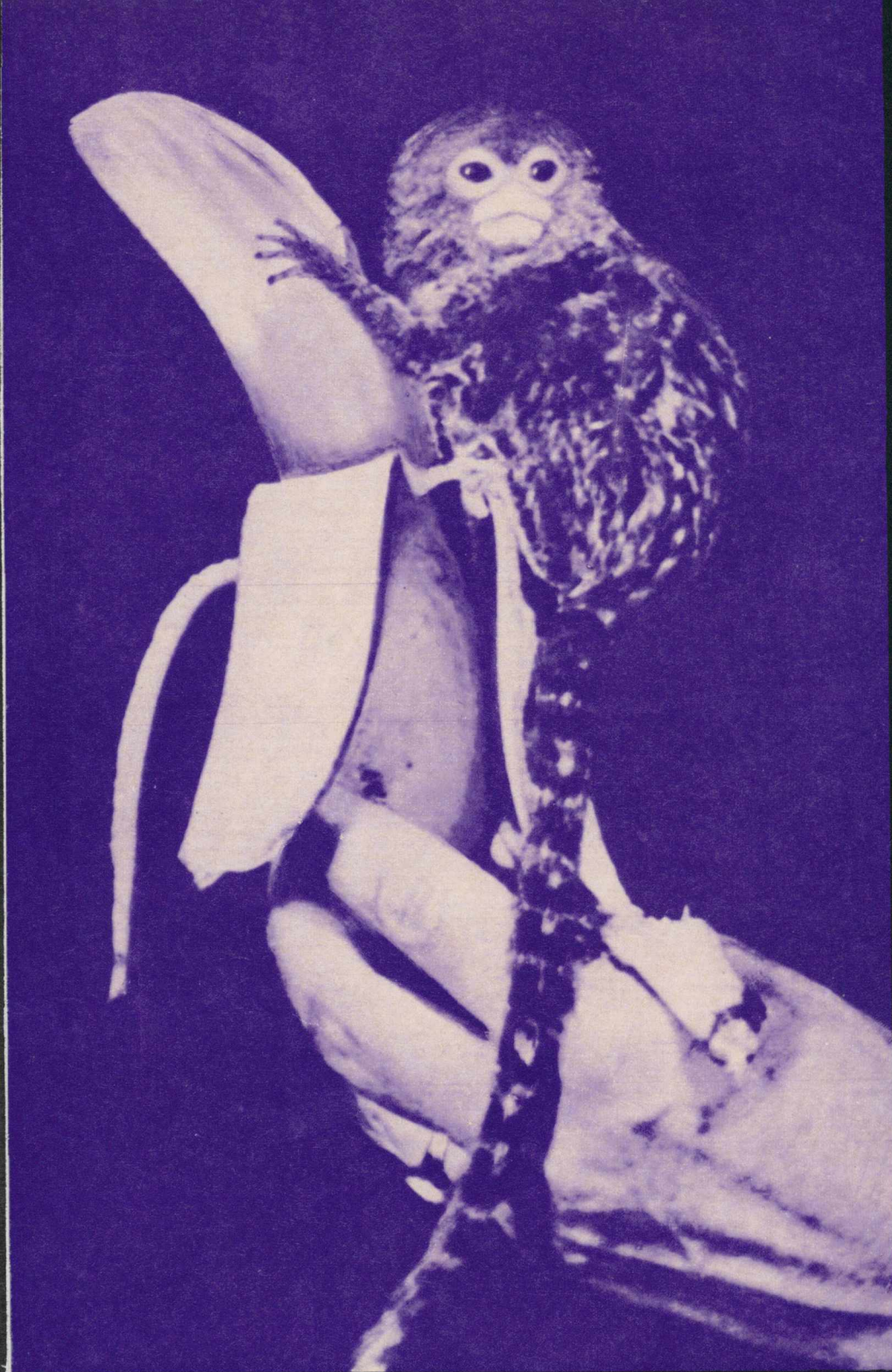
Фото В. Шевчика.

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ

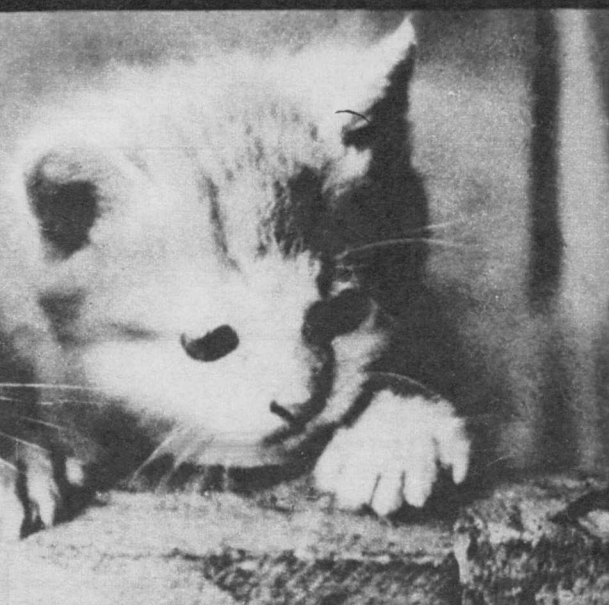
Карликовая мармозетка — одна из самых миниатюрных и редчайших обезьян в мире. В прошлом столетии ее можно было встретить в тропических лесах Бразилии, Колумбии, Перу и Эквадора. В настоящее время она почти исчезла. В зоопарках живут всего лишь три таких обезьянки: две — в США и одна — в Лондоне.

ПАРАД ЦИКАД

Снимок этого необычного парада цикад был сделан в одном из пригородов Сиднея.

РЕ ЖИВОТНЫХ

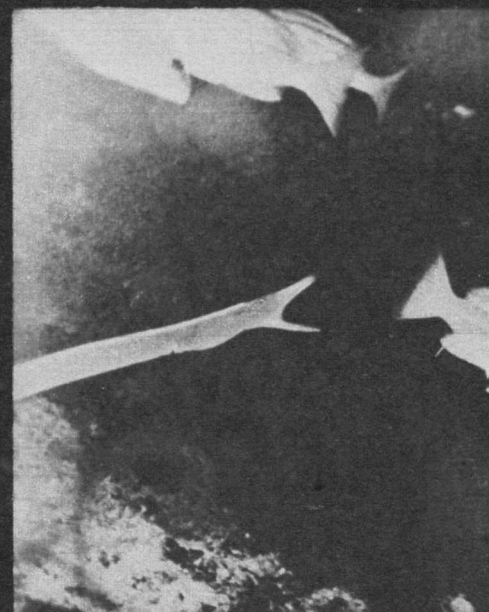

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МЫШОНКОМ.

Фото Н. Тутова.

МУРЕНА НА ОХОТЕ

Этот редкий снимок, запечатлевший момент охоты небольшой мурены, удалось сделать японскому любителю подводных съемок у рифов острова Амамиосима в Тихом океане. Притаившись между кораллами, мурена терпеливо подстерегала свою добычу. И как только около ее засады появилась стайка рыб, она молниеносно набросилась на них.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.